

✠ Иеромонах Серафим (Роуз) ✠

Душа после смерти

Современные
«посмертные» опыты
в свете учения
Православной
Церкви

Annotation

В предлагаемой читателю книге иеромонаха Серафима (Роуза) «Душа после смерти» детально противопоставляются православное учение о загробной жизни, с одной стороны, и оккультное учение и современные «посмертные» опыты — с другой. Автор показывает, сколь огромна разница между ними.

«Потусторонний мир, — писал иеромонах Серафим, — реальнее и ближе, чем мы обычно думаем, а путь к нему открывается через духовный подвиг и молитву, которую Церковь дала нам как средство спасения. Эта книга посвящена и адресована тем, кто хочет вести такую жизнь».

- [Душа после смерти: Современные «посмертные» опыты в свете учения Православной Церкви](#)
  - [«Настоящее благоухание Православия»](#)
  - [Душа после смерти: Современные «посмертные» опыты в свете учения Православной Церкви](#)
    - [Предисловие](#)
    - [I. Некоторые аспекты современных опытов](#)
      - [1. «Внетелесный» опыт](#)
      - [2. Встреча с другими людьми](#)
      - [3. «Светлое существо»](#)
    - [II. Православное учение об Ангелах](#)
    - [III. Явление Ангелов и бесов в час смерти](#)
    - [IV. Современный опыт «неба»](#)
    - [V. Воздушная область духов](#)
      - [1. Перводанная природа человека](#)
      - [2. Грехопадение человека](#)
      - [3. Общение с падшими духами](#)
      - [4. Отвержение чувств](#)
      - [5. Опасность общения с духами](#)
      - [6. Некоторые практические советы](#)

- Заключение
- VI. Воздушные мытарства
  - 1. Как понимать мытарства
  - 2. Святоотеческие свидетельства о мытарствах
  - 3. Мытарства в житиях святых
  - 4. Современные опыты прохождения мытарств
  - 5. Созерцание мытарств до смерти
  - 6. Частный суд
  - 7. Мытарства: критерий подлинности «посмертного» опыта
  - 8. Учение епископа Феофана Затворника о мытарствах
- VII. «Внетелесный» опыт в оккультной литературе
  - 1. «Тибетская книга мертвых»
  - 2. Сочинения Эмануэля Сведенборга
  - 3. «Астральная плоскость» теософии
  - 4. «Астральная проекция»
  - 5. «Астральное путешествие»
  - Выводы о «внетелесной» области
  - Замечания о перевоплощении — реинкарнации
- VIII. Подлинные христианские опыты неба
  - 1. Местонахождение неба и ада
  - 2. Христианские опыты неба
  - 3. Свойства подлинного опыта неба
  - Замечание о видении ада
- IX. Значение современных «посмертных» опытов
  - 1. Что «доказывают» современные опыты?
  - 2. Связь с оккультизмом
  - 3. Оккультное учение современных исследователей
  - 4. «Миссия» современных «посмертных» опытов
  - 5. Христианское отношение к смерти
- X. Краткое изложение православного учения о посмертной участи души
  - Архиепископ Иоанн (Максимович)

- [Начало духовного зрения](#)
    - [Встречи с духами](#)
    - [Первые два дня после смерти](#)
    - [Мытарства](#)
    - [Сорок дней](#)
    - [Состояние души до Страшного Суда](#)
    - [Молитва об усопших](#)
    - [Что мы можем сделать для усопших?](#)
    - [Воскресение тела](#)
  - [Приложение I. Православное учение св. Марка Ефесского о состоянии душ после смерти](#)
    - [Из первого слова св. Марка Ефесского об очистительном огне](#)
    - [Из второго слова св. Марка Ефесского об очистительном огне](#)
  - [Приложение II. Ответ критику](#)
    - [1. «Противоречия» в православной литературе о состоянии души после смерти](#)
    - [2. Существует ли «внетелесный» опыт \(до или после смерти\) или «иной мир», где обитают души?](#)
    - [3. «Спит» ли душа после смерти?](#)
    - [4. «Мнимы» ли мытарства?](#)
    - [Заключение](#)
  - [Приложение III11](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)

- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)

- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)

- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)

- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)

- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)

- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)

- [306](#)
  - [307](#)
  - [308](#)
  - [309](#)
  - [310](#)
  - [311](#)
-

**Душа после смерти: Современные
«посмертные» опыты в свете учения
Православной Церкви**

«Настоящее благоухание Православия»

Среди духовных писателей XX века имя иеромонаха Серафима (Роуза) выделяется заметно и ярко. Сила его слова заставляет нас не просто «думать», не просто «ставить перед собой вопросы» важнейшей значимости — но погружает читателя в стихию живого православного Предания, предлагает ответ истинный и неоспоримый. В одном из писем 1974 года о. Серафим так раскрыл смысл своей жизни: «Несмотря на страшное время, все равно еще можно что-то сделать для немногих, ищущих Истины». К духовному поиску и обретению евангельского сокровища и призывают все книги о. Серафима.

Нередко творчески одаренные люди проходят тернистый путь духовного поиска, и в этом отношении биография будущего монаха-аскета обычна. Юджин Роуз родился в курортном калифорнийском городке Сан-Диего в 1934 году. Его родители были протестантами, что обычно для Америки. Школу Юджин окончил с отличием в 1952 году, колледж в Помоне (недалеко от Лос-Анджелеса) — в 1956 году, после чего поступил в Академию по изучению Азии в Сан-Франциско, а вскоре — в Калифорнийский университет в Беркли.

Еще в колледже Юджин всерьез увлекся западной философией. Однако ни Ницше, ни Геген, ни другие мыслители не насытили его духовно. Изучив европейскую философию, Роуз заинтересовался религиями Востока. В курсе сравнительного религиоведения он познакомился с самыми разными духовными школами: индуизмом, суфизмом, иудаизмом, буддизмом. Во время учебы Юджин проявлял этнографический интерес к культурам различных народов. Для Роуза это было сознательным богоискательством, поиском истины. Восточные религиозно-философские системы он изучал добросовестно и глубоко, читая тексты первоисточников, как правило, на языке оригинала, например конфуцианские тексты — на древнекитайском. Знакомство с мировоззренческими школами Востока сопровождалось освоением техник йоги, медитации, мантр и других аскетических деланий. Роуз не был дилетантом и начетчиком в этих вопросах.

В книге «Душа после смерти», как и в других трудах о. Серафима, чувствуется профессиональное знание того материала, того духовного опыта, который описывает и обличает автор. Духовность нехристианского Востока, равно как и расцерковленного неправославного Запада, существенным образом отличается от святоотеческого Православия. Вряд ли кто-то говорил об этом в XX веке лучше и убедительнее, чем о. Серафим (Роуз). Главная ценность его книг заключается не столько в верных и метких оценках инославного духовного опыта, сколько в свидетельстве истинного церковного вероучения. Лжеучения, человеческие мудрования павшего ума и всевозможные заблуждения о. Серафим затмевает чистым светом апостольского святоотеческого Православия.

Впервые Роуз пришел на богослужение в православный храм Сан-Франциско в Великий Пяток. Об этом событии, определившем всю его дальнейшую жизнь, он вспоминал так: «Когда я впервые переступил порог православного храма, я ощутил то, чего не ощущал ни в одном буддийском или западном храме. Мое сердце говорило мне, что это мой дом и что мои искания закончены». Поиск истины увенчался у Роуза стоянием в истине, пребыванием в ней.

Юджин Роуз нашел то, что искал. Ему осталось лишь приобщиться к источнику живой веры, изменить американский образ жизни, отречься от всех заблуждений и ложных философий и стать православным человеком. Роуз принес достойный плод покаяния. Он изменил свою жизнь и, по-апостольски оставив все, чем обладал, пошел за Христом. Юджин Роуз стал усердным прихожанином, старался не пропускать ни одного богослужения; изучил русский язык и начал читать святых отцов. В 1962 году он присоединился к Православной Церкви, выучил церковнославянский язык и по благословению свт. Иоанна (Максимовича) стал чтецом на клиросе. В 1970 году принял монашеский постриг с именем Серафим в честь преподобного Саровского чудотворца и поселился в оборудованной своими руками пустыни близ города Платина, где ныне находится монастырь в честь преподобного Германа Аляскинского. В 1977 году состоялась священническая хиротония о. Серафима. Таким образом, путь о. Серафима имел начальной точкой состояние внешнее по отношению к Церкви, а в итоге он стал православным монахом и священником, носителем святоотеческой традиции Православия.

Отыскав наконец истину, Юджин посвятил остаток жизни ее раскрытию перед своими современниками. Вместе с молодым русским, Глебом Подмошенским (ныне игумен Герман), он основал миссионерское братство, посвятив его первому американскому православному святому — преподобному Герману Аляскинскому. Вместе они открыли православный магазин в Сан-Франциско и начали выпускать журнал «Православное слово» (“The Orthodox Word”).

Роуз ушел из мира без оглядки. Он не захотел и не смог, подобно большинству обывателей, живо интересоваться современной поп-культурой, быть деятельным участником прогресса, снисходительно относиться к оккультизму и спиритизму, увлекаться биржей и рок-музыкой — оставаясь при этом «добрым христианином».

Такая фальшивая и двойственная жизнь была не по душе о. Серафиму (Роузу).

Возлюбив единого Христа, *и Тому Единому работати пламенно вожделев*, он оставил все ради Господа. Уже завершив подготовку диссертации на звание профессора и отказавшись от предложенной ему почетной должности преподавателя Калифорнийского университета, в 1961 году будущий монах, не желая служить двум господам, проявляет редкое смирение и избирает работу уборщика и дворника.

Многие современные люди, вполне искренне обращаясь к вере во Христа и желая присоединиться к Православной Церкви, не находят в себе сил, подобно о. Серафиму, оставить прежнее мирское «богатство», затрудняющее путь душе в Небесное Царство. Связываясь куплями житейскими, они идут широким путем и не успевают даже укорениться в делах благочестия и веры. Часто христиане не приносят доброго плода, поскольку доброе семя, по евангельской притче, оказывается задушенным тернием мирской суеты. Опаснее бывает, когда такой духовный слепец поведет за собой других слепцов.

Отец же Серафим ушел из мира без сожаления, оставив *мертвым погребать своих мертвецов*. При этом он всегда был готов к свидетельству об Истине и ближним, и дальним. Когда в обитель к о. Серафиму собиралась приехать община англикан, он заботился о том, чтобы «раскрыть перед ними Православие» (письмо от 15 августа 1975 года). Главным свидетельством Церкви он считал красоту

литургического богослужения. Про Страстную седмицу он писал: «Подобные службы трогают до глубины души — они являются сокровищем, которое, похоже, постепенно исчезает с лица земли» (письмо в Великий Пяток, 1976 год).

Не мир должен просвещать и обогащать Церковь, но Церковь, по евангельскому речению, призвана быть светом миру и солью земли. Быть может, именно за это редкое в наши дни понимание истинных ценностей Господь помог Своему избраннику не зарыть талант, но послужить литературным трудом — дать принципиальную православную оценку тем духовным явлениям, которые нуждались в выработке церковного к ним отношения. Так появилась книга «Душа после смерти», так же точно появились «Православие и религия будущего», «Православный взгляд на эволюцию» и другие труды о. Серафима. Еще при жизни автора эти книги по праву можно было назвать классическими.

В одном из писем 1976 года о. Серафим (Роуз) определил цель своего творчества: «Прежде всего нам должно стремиться сохранить настоящее благоухание Православия». И о чем бы ни брался писать подвижник благочестия, это «настоящее благоухание Православия» источают страницы его книг.

Читая труды иеромонаха Серафима, мы принимаем к чистому источнику святоотеческой мудрости, простоты и живительной силы Христовой. Отец Серафим никогда не пытался говорить «оригинально», выражать «новые мысли», проповедовать «от себя». В этом, несомненно, проявляется его истинное христианское смирение. Какой бы современной и животрепещущей ни была тема, о. Серафим всегда освещал ее с позиции Священного Предания, выраженной отцами Церкви. Книга «Душа после смерти» написана по преимуществу на основе аскетического наследия святителей Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника, которые, как правило, тоже излагали мысли не «от себя», но ссылались на святых отцов, своих предшественников. Такая преемственность характерна для Православия: блаженный Феофилакт Болгарский ссылается на святителя Иоанна Златоуста, тот — на своих учителей, и так через апостолов мысль укореняется в Самом Христе, Божией Силе и Божией Премудрости (1 Кор. 1, 24).

Скоротечная и внезапная болезнь забрала о. Серафима с этой земли 2 сентября 1982 года в возрасте сорока восьми лет, в расцвете сил. Когда о. Серафим лежал в гробу в скромной монастырской церкви, на его просветленном лице было выражение неземного спокойствия, свидетельствовавшее о том мире, который усопший обрел с Богом. Тайна смерти и нашего загробного существования, о которой он размышлял в течение большей части своей интеллектуальной жизни, теперь уже не была для него тайной. Духовные чада почившего начали отмечать чудеса помощи, которую он им оказывал из мира иного.

Иеромонаха Серафима (Роуза) часто называют «православным американцем». Это выражение стало для него как бы нарицательным именем. Однако ничего собственно «американского» у монаха, отрешившегося от мира, не осталось. Скорее можно сказать, что, привившись к лозе Христовой через ветвь Русской Зарубежной Церкви (по сказанному: *Аз есмь лоза, вы же рождие* — Ин. 15, 5), о. Серафим с особым вниманием и сердечной болью писал о судьбе России и Русской Церкви. Быть может, поэтому книги о. Серафима так любимы, читаемы и продолжают переиздаваться в нашем Отечестве. Сам о. Серафим (Роуз) писал: «Что-то явно значительное происходит в России. И, по сути, положение Русского Православия не так уж отличается от положения Американского Православия; нужно, чтобы это было не просто воскресной религией, а образом жизни, согласной с учением святых отцов» (письмо от 7 января 1975 года).

Священник Константин Буфеев

Душа после смерти: Современные «посмертные» опыты в свете учения Православной Церкви

Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят. Тогда сказал он: так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения. Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их. Он же сказал: нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются. Тогда Авраам сказал ему: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят.

Лк. 16, 19-31

Предисловие

Цель этой книги сводится к решению двух задач: во-первых, в свете православного христианского учения о жизни после смерти дать объяснение современным «посмертным» опытам, вызывающим столь бурный интерес в некоторых религиозных и научных кругах; и во-вторых, представить основные источники и тексты, содержащие в себе православное учение о загробной жизни. Непонимание этого православного учения происходит потому, что данными текстами пренебрегают, они стали «немодными» в наши «просвещенные» времена; надеемся, что наше начинание сделает их понятными и доступными. Излишне и говорить, что они содержат материал для чтения более глубокий и полезный, чем современные брошюры о «посмертных» впечатлениях. Даже в том случае, когда последние не несут отпечатка обыденной «сенсации», они просто не способны дать нам глубокое, связное и достоверное учение о жизни после смерти.

Представленное в книге православное учение, несомненно, встретит чью-то критику как слишком «упрощенное» или даже «наивное», чтобы в него поверил человек XX века. Посему следует подчеркнуть, что данное учение передается Православной Христовой Церковью с самого ее рождения, выражено в бесчисленных трудах святых отцов, в житиях святых, в богослужениях и каждодневно предлагается к усвоению в Церкви до сего дня. «Простота» этого учения есть простота самой истины, как источника чистоты, ясности среди тьмы и путаницы, производимой в современных умах заблуждениями и пустыми спекуляциями прошлых веков. В каждой главе этой книги мы указываем святоотеческие и агиографические источники, содержащие в себе данное учение.

Вдохновил автора на создание книги святитель Русской Православной Церкви, известный богослов XIX столетия, епископ Игнатий Брянчанинов, немало трудов которого посвящено проблеме сохранения подлинного христианского Предания и учения в мире, чуждом Православию, стремящемся ниспровергнуть и отбросить его либо «перетолковать», чтобы приспособить к мирскому образу жизни и мышления. Сознвая необходимость противостоят римо-

католическим и прочим западным влияниям, которые стремились «модернизировать» Православие уже в его дни, свт. Игнатий посвящает свою жизнь защите истин Православия и разоблачению уклонений от него. Немало помогло ему в этом знакомство с подлинными православными источниками (в лучших монастырях того времени) и усердное изучение светских наук (он выпускник Высшего технического училища, а не духовной семинарии). Без преувеличения можно сказать, что ни в одной православной стране XIX века не было такого защитника Православия от соблазнов и заблуждений новейших времен; только его «единственный соперник», соотечественник и современник свт. Феофан Затворник, так же ратовал о чистоте православной веры, но писал более доступным языком.

Третий том Собрания сочинений свт. Игнатия особо посвящен церковному учению о жизни после смерти, которое он защищал от римо-католических и прочих модернистских искажений. Из этой книги мы взяли материал для обсуждения темы мытарств и явлений духов — учения, которое «современный» ум не может принять, настаивая на «новом толковании» или на полном опровержении. Свт. Феофан предлагал то же самое учение, мы воспользовались его словом; а в заключении — словом блаженной памяти архиепископа Иоанна (Максимовича), великого русского православного богослова нашего столетия.

То, что православное учение о жизни после смерти преподавалось великими православными учителями ясно и полно вплоть до наших дней, — большое подспорье для нас, старающихся сохранить подлинное Православие прошлого¹, не только в правильно переданных словах, но и в верном их толковании.

В этой книге к вышеуказанным православным источникам и толкованиям мы добавляем значительное число современной неправославной литературы о «посмертных» опытах и некоторые оккультные тексты на данную тему. Мы следовали примеру свт. Игнатия, который излагал ложные учения полно и беспристрастно для выявления их неправоты, чтобы православные христиане ими не прельщались; как и святитель, мы обнаружили, что неправославные тексты дают удивительное подтверждение православных истин, когда дело касается действительных опытов (а не мнений и «толкований»). Главной целью книги было детально противопоставить православное

учение и духовный опыт святых, с одной стороны, и оккультное учение и современные явления — с другой, чтобы показать кардинальное различие между ними. Вероятно, для некоторых такое различие станет пробуждением, и они проникнутся осознанием огромной разницы между их собственным постижением истины и подлинным православным мировоззрением.

Сам факт, что немалая часть книги отводится обсуждению *опытов* — как христианских, так и нехристианских, — означает, что книга не только излагает христианское учение о жизни после смерти, но и содержит авторский взгляд на эти разнообразные события. Что касается «взгляда», то здесь есть пространство для законного расхождения во мнениях среди православных христиан. Мы постарались не придавать авторскому мнению значение «постулата». Оккультные опыты «вне тела» и в «астральной плоскости» мы изобразили такими, как их описывают вовлеченные в них участники, и сопоставили с подобными примерами в православной литературе, не пытаясь определить точную природу явлений; но они для нас являются не просто галлюцинацией, а опытом контакта с реально существующими демоническими силами. Насколько правилен такой подход — пусть рассудит сам читатель.

Ясно и то, что книга не исчерпывает православного учения о жизни после смерти, она лишь введение в него. Между тем нет полного учения о данном предмете, как нет и соответствующих православных «экспертов». Мы, живущие на земле, только отчасти осознаем реальность духовного мира; это процесс, начинающийся в земной жизни, но его конец — в вечности, когда мы узрим «лицом к лицу» то, что ныне видим *сквозь тусклое стекло, гадательно* (1 Кор. 13, 12). Православные источники, указанные в предлагаемой нами книге, дают основные вехи данного учения, и пусть вдохновят нас они не на знание ради знания, которое выше нас, а на вступление в борьбу ради достижения Царства Небесного, в чем состоит цель христианской жизни. Нам надлежит уклоняться от бесовских соблазнов, обходить «волчьи ямы» и «западни», которыми усеял путь христианских подвижников враг нашего спасения. Потусторонний мир **реальнее и ближе**, чем мы обычно думаем, и дорога к нему — здесь, перед нами, в жизни духовного подвига и молитвы, переданной нам Церковью в

качестве пути спасения. Эта книга обращена к тем, кто стремится вести такую жизнь.

I. Некоторые аспекты современных опытов

Тема жизни после смерти становится невероятно популярной в западном мире. В частности, за последние два года вышел в свет ряд книг, претендующих на то, чтобы описать «посмертные» опыты, причем авторитетные ученые и врачи либо сами стали авторами таких книг, либо отозвались о них с неподдельным одобрением. Так, известный во всем мире врач и «эксперт» по вопросам смерти и умирания Элизабет Кюблер-Росс полагает, что исследовательские вторжения в «посмертные» опыты «просветят многих и дадут подтверждение тому, чему нас учили в течение двух тысяч лет, а именно: после смерти есть жизнь».

Все это представляет собой решительный отход от преобладавших до сего дня в медицинских и научных кругах устоявшихся взглядов, когда сама тема смерти была запрещена и любую мысль о посмертном существовании отбрасывали как принадлежащую к области фантазий и предрассудков; в лучшем случае ее обсуждали как частное дело, не имеющее никаких объективных свидетельств.

Внешняя причина такой внезапной перемены проста: в последние годы нашли широкое применение новые способы возвращения к жизни «клинически умерших» (путем стимуляции остановившегося сердца). Людей без пульса и сердцебиения возвращают к жизни, и многие из них говорят о пережитом открыто, так как страха прослыть сумасшедшим уже нет.

Для нас наибольший интерес представляет **внутренняя**, сокровенная причина такого изменения, а также его «идеология»: почему же данный феномен² вызывает столь пристальное внимание и в терминах какого религиозного или философского направления его обычно понимают? В чем его значение, если он соделался одним из «знамений времени», симптомом религиозного интереса наших дней? К этим вопросам мы вернемся после тщательного исследования сути данного явления.

Сначала необходимо задать вопрос: на чем нам следует основываться в наших суждениях об этом явлении? Те, кто его описывает, сами не имеют четкого объяснения; ищут разгадку в

окультных или спиритических текстах. Некоторые религиозные люди, включая ученых, ощущают угрозу своим сложившимся верованиям и просто отрицают данные явления, отсылая их в сферу «галлюцинаций». Так поступают некоторые протестанты, считая, что после смерти душа пребывает в бессознательном состоянии либо сразу обитает «со Христом». Подобным образом и атеисты, какие бы свидетельства им ни были представлены, отвергают мысль о том, что душа вообще продолжает жить. Однако такие опыты невозможно объяснить путем простого их отрицания, они должны быть правильно поняты как сами по себе, так и в контексте того, что известно о посмертной участи души.

К сожалению, и некоторые православные христиане под влиянием современных материалистических идей (привнесенных западнохристианскими направлениями мысли: римо-католическим и протестантским) имеют довольно расплывчатые представления о загробной жизни. Автор одной из новых книг о «посмертных» опытах³ уделил основное внимание сбору мнений различных деноминаций о состоянии души после смерти. Так, он обратился к священнику Греческой Православной Архиепископии, который изложил ему самое общее учение о существовании рая и ада, заметив, что Православие не располагает «каким-то конкретным представлением о том, каково это будущее». Автор сделал вывод, что «греко-православный взгляд на будущее страдает неясностью»⁴.

На самом деле православное христианство имеет вполне точное учение и воззрение на загробную жизнь начиная с момента смерти человека. Это учение содержится в Священном Писании (и изъясняется в совокупном контексте христианского учения), в сочинениях святых отцов (особенно конкретные переживания души после смерти) и во многих житиях святых, в антологиях личного опыта. Например, данной теме посвящена вся четвертая книга «Диалогов» св. Григория Великого, папы Римского († 604). В наши дни на английском языке вышла антология, в которой собраны подобные опыты, извлеченные как из старинных житий святых, так и из недавних сообщений⁵. Совсем недавно в переводе на английский был опубликован замечательный текст, написанный в конце XIX века человеком, вернувшимся к жизни через тридцать шесть часов после смерти⁶. Таким образом, православный христианин имеет в своем

распоряжении богатейшую литературу, с помощью которой можно понять новые «посмертные» опыты и оценить их в свете всего православного учения о жизни после смерти.

В наши дни разожгла интерес к вопросу посмертного существования души книга молодого психиатра из южных штатов доктора Реймонда Моуди «Жизнь после жизни», вышедшая в свет в ноябре 1975 года⁷. Потрясающий успех книги д-ра Моуди (было продано более двух миллионов экземпляров) сделал опыт умирающих достоянием широкой публики, и за четыре последующих года в печати появился ряд книг и статей на эту тему. Среди наиболее важных — статьи (готовящаяся книга) д-ра Элизабет Кюблер-Росс, чьи открытия подтверждают открытия д-ра Моуди, и научные исследования д-ров Осиса и Харальдссона. Сам д-р Моуди написал продолжение книги («Размышления о жизни после жизни»⁸), включающее дополнительный материал и дальнейшие размышления по обсуждаемому вопросу. Далее будут рассмотрены выводы, сделанные в этих и новых публикациях (все они согласуются друг с другом в части изучаемого явления). Для начала проанализируем первую книгу д-ра Моуди, в которой содержится объективный и систематический подход к вопросу в целом.

Д-р Моуди за последние десять лет собрал личные свидетельства примерно ста пятидесяти человек, переживших предсмертные ощущения и настоящую (*actual*) смерть либо изложивших «опыты умирания» других. Из них он выделил пятьдесят и взял подробные интервью. Он пытался быть объективным в изложении материала, хотя и признавал, что книга «естественно, отражает склад личности, а также мнения и предрассудки ее автора»⁹, методиста с либеральными взглядами. Имеется ряд существенных замечаний к книге, как объективному исследованию.

Во-первых, автор не представляет **цельной** картины опыта смерти от начала до конца, ограничиваясь выдержками (как правило, краткими) каждого из пятнадцати отдельных элементов, образующих его модель «полного» опыта смерти. Но «опыты умирания», описанные в вышедших книгах, столь разнятся в деталях, что преждевременно пытаться заключить все в одну модель. Модель д-ра Моуди местами искусственна и натянута, хотя это не снижает ценности приводимых реальных свидетельств.

Во-вторых, автор свел воедино два различных опыта: подлинные опыты клинической смерти и опыты предсмертные (*near-death*). Автор признает разницу между ними, утверждая, что они образуют «последовательный процесс»¹⁰ и должны быть исследуемы в комплексе. Можно согласиться с тем, что «последовательный процесс» налицо, если опыт, начавшийся до смерти, окончился смертью (независимо от того, выжил пациент или нет); но некоторые из описываемых случаев имеют более общий характер, они достояние людей, не испытавших клинической смерти (к ним относятся: стремительное воскрешение в памяти событий всей жизни в момент серьезной опасности, опыт вхождения в «туннель» при введении анестезирующего средства, подобного эфиру), и могут быть случайными в отношении переживания состояния умирания. Некоторые из ныне выходящих книг еще менее щепетильны в отборе таких опытов, так как в них опыты «внетелесные» сливаются воедино с действительными опытами смерти и умирания.

В-третьих, то, что автор подходит к данным явлениям «с научной точки зрения», без ясной предварительной концепции, что на самом деле испытывает душа при смерти, открывает дверь для разного рода путаницы и ложных представлений об этом опыте; такую неразбериху невозможно преодолеть простым накоплением фактов. Те, кто их излагает, неизбежно добавляют к ним собственные пояснения. И сам автор допускает, что изучать этот вопрос «с научной точки зрения» невозможно; он обращается за разъяснением к оккультным сочинениям (труды Сведенборга и «Тибетская книга мертвых»), отмечая, что стремится пристально взглянуть на «обширную литературу по паранормальным и оккультным явлениям», чтобы глубоко понять изучаемые им события¹¹.

Эти факторы вынуждают нас не ждать многого ни от его книги, ни вообще от подобных книг; они не представят полного и связного отчета о том, что происходит с душой после смерти. И все-таки реальные опыты клинической смерти, опубликованные в печати, заслуживают серьезного внимания исследователя, так как некоторые толкуют их вопреки традиционным христианским взглядам на загробную жизнь, пытаясь «опровергнуть» существованиерая и особенно ада. Как тогда нам понимать эти опыты?

Те пятнадцать элементов, которые, по д-ру Моуди, составляют «полный» опыт умирания, в целях нашего анализа, можно свести к нескольким основным характеристикам, которые изложим здесь и сопоставим с православной литературой по данной теме.

1. «Внетелесный» опыт

Первое, что случается с умершим человеком, — это то, что он покидает тело и существует отдельно от него, не теряя сознания. Часто он способен наблюдать за происходящим вокруг, включая собственное мертвое тело и попытки вернуть его к жизни; «свободно плавая», он ощущает безболезненность, теплоту и легкость. Не способен воздействовать на окружающих посредством речи или осязания, остро чувствует свое «одиночество». Процесс мышления ускоряется. Вот несколько кратких выдержек из этих опытов:

«День был ужасно холодным, но, пока я был в этой черноте, чувствовал лишь тепло и абсолютный покой, какого ранее никогда не испытывал... Я помню, как подумал: “Наверное, я умер”»¹².

«Я начал испытывать самые чудесные ощущения. Я ничего не чувствовал, кроме мира, покоя, легкости, — просто тишина и безмолвие»¹³.

«Я видел, как меня оживляли. Это было странно. Смотрел поверх их голов, находясь как бы на возвышении. Я пытался заговорить с ними, но никто меня не слышал»¹⁴.

«Люди со всех сторон направлялись к месту аварии... Когда они подошли совсем близко, я попытался повернуться, чтобы освободить им дорогу, но они проходили **сквозь** меня»¹⁵.

«Я был не в состоянии ни к чему прикоснуться, не мог общаться ни с кем из окружающих. Я испытывал чувство одиночества, ощущение изоляции, был наедине с собой»¹⁶.

В отдельных случаях присутствует «объективное доказательство» того, что человек, будучи «мертв», находился вне тела: способность передать разговор, представить точные подробности событий, совершающихся в соседних комнатах и за пределами видимого пространства. Среди подобных примеров д-р Кюблер-Росс упоминает

об одном случае, когда слепая «видела» и впоследствии четко описала все происходившее в той комнате, где «умерла», а вернувшись к жизни, она, как и прежде, была слепой — удивительное свидетельство того, что видит не глаз (и мыслит не мозг, поскольку умственные способности обостряются после смерти), но именно **душа** совершает действия **посредством** физических органов, пока тело живо, и **своей собственной силой**, когда оно мертво¹⁷.

Православному христианину известно, что такое отделение души от тела в момент смерти, и ничто из сего не звучит для него странно. В наше время безверия люди редко употребляют христианские понятия или осознают, что их душа освобождается от тела и теперь опытно переживает все происходящее; это новое состояние, в котором они оказываются, ставит их в тупик.

Таким человеком (крещеным в Православии христианином, но в духе XIX века оставшимся равнодушным к истокам веры, не верующим в загробную жизнь) было дано письменное свидетельство о существовании души после смерти, озаглавленное: «Невероятное для многих, но истинное происшествие»¹⁸. Перенесенное автором лет восемьдесят назад имеет и сегодня для нас большое значение и даже представляется промыслительным в свете нового современного «посмертного» опыта, ибо это единственный «посмертный» опыт души, идущий намного дальше кратких фрагментарных переживаний и пережитый тонко чувствующим человеком, который начал с современного безверия, а пришел к признанию истин Православного Христианства — и настолько, что закончил дни свои монахом. Эта маленькая книга своего рода контрольный случай, по которому можно судить о новых подобных опытах.

После описания агонии и невыносимой тяжести, буквально вжимавшей его в землю, автор продолжает:

«Вдруг почувствовал, что стало легко. Я открыл глаза, и в моей памяти с совершенной ясностью до малейших подробностей запечатлелось то, что я в эту минуту увидел.

Я понял, что стою один посреди комнаты; справа от меня, обступив что-то полукругом, столпился весь медицинский персонал... Меня удивила эта группа; там, где все столпились, виднелась койка. Что же привлекало внимание этих людей, на что смотрели они, когда меня уже там не было, когда я стоял посреди комнаты?

Я приблизился и посмотрел, куда глядели все они: **там на койке лежал я.**

Не помню, чтобы я испытал что-нибудь похожее на страх при виде своего двойника; меня охватило только недоумение: как же это? Я был здесь, но и там тоже был я...

Я захотел потрогать себя, взять правой рукой левую: моя рука прошла насквозь; попробовал обхватить себя за талию — рука вновь прошла через тело, как сквозь пустое пространство... Я позвал доктора, но звук моего голоса не доносился до него, я понял полную разобщенность со всем окружающим, свое странное одиночество; панический страх охватил меня. Было что-то невыразимо ужасное в этом необычайном одиночестве...

Тут неожиданно мелькнула мысль: да не случилось ли со мной то, что на нашем языке, языке живых людей, определяется словом “смерть”? Ведь мое лежащее на койке тело выглядело как труп...

В нашем представлении со словом “смерть” неразрывно связано впечатление о каком-то уничтожении, прекращении жизни; как же я мог думать, что умер, если ни на минуту не терял самосознания, чувствовал себя таким же живым, все слышащим, видящим, понимающим, способным двигаться, думать, говорить?

Разобщение со всем окружающим, раздвоение моей личности скорее могло дать мне понять случившееся, если б я верил в существование души, был человеком религиозным; но этого не было, и я руководствовался лишь тем, что чувствовал, а ощущение жизни было настолько полным, что, чувствуя и сознавая себя, не мог думать, что я не существую.

Вспоминая и продумывая впоследствии свое тогдашнее состояние, я отметил только, что мысль работала удивительно быстро...»

Состояние души в первые минуты после смерти не описано подробно в раннехристианской литературе; в ней ставится акцент на событиях, происходящих позже. В Новое время, когда понятия «жизнь» и «жизнь в теле» стали тождественны, наши современники обращают внимание именно на первые минуты, в течение которых их ожидания не оправдываются: смерть — это не конец, жизнь продолжается, для души открывается новое состояние!

Разумеется, в таком опыте нет ничего, что противоречило бы православному учению о состоянии души сразу после смерти. Некоторые, разбирая подобные случаи, ставят под сомнение факт, что пациент был действительно мертв, если его оживили через несколько минут; но это лишь технический вопрос (который мы прокомментируем в свое время). Факт остается фактом: эти несколько минут (и минуты, предшествовавшие смерти) — реальность, а не просто «галлюцинации». Наша задача — раскрыть, как понимать такие опыты.

2. Встреча с другими людьми

После смерти душа остается в состоянии одиночества непродолжительное время. Д-р Моуди приводит несколько случаев, когда люди в свои последние минуты внезапно видели умерших родственников и друзей. «Врач отказался от меня и сообщил моим родственникам, что я умираю... Под потолком комнаты парило множество людей, я знал их прежде в жизни, но они скончались. Я увидел свою бабушку, девочку, которую знал еще по школе, и много родственников и друзей... Я чувствовал, что они пришли защищать или сопровождать меня, и был счастлив»¹⁹.

Опыт встречи с умершими друзьями и родственниками в момент смерти ни в коем случае не является открытием даже среди современных ученых. Около пятидесяти лет назад он послужил темой небольшой книги пионера современной парапсихологии сэра Уильяма Барретта «Видения на смертном одре»²⁰. Уже после выхода первой книги д-ра Моуди появляется исследование, вдохновленное книгой сэра Уильяма. Его авторы д-ра Осис и Харальдссон в течение многих лет проводили систематические наблюдения умирающих, и этот опыт умирания они подробно описывают в книге «В час смерти»²¹.

Эта книга — первая целиком научная публикация об опыте умирания. Она основана на результатах обработки подробных вопросников и собеседований со случайно выбранной группой врачей и сестер в восточной части Соединенных Штатов и в Северной Индии (Индия выбрана из-за разницы в национальности, религиях, психологии и ради максимальной объективности анализа опытов).

Полученный материал содержит описания более чем тысячи случаев явлений и видений, свидетелем которых был умирающий (и люди, возвратившиеся к жизни из состояния клинической смерти). Авторы приходят к заключению, что в целом результаты исследований, проведенных д-ром Моуди, соответствуют их собственным выводам²². Они констатируют, что явления умерших родственников и друзей (а в Индии к тому же и явления индуистских богов) сопровождают умирающего примерно в течение часа, но почти всегда в пределах дня накануне смерти. В половине случаев присутствует видение чего-то потустороннего, «небесного» («небесные» видения мы рассмотрим ниже). Исследование особенно ценно потому, что в нем проводится различие между бессвязными галлюцинациями, зримыми явлениями и видениями; кроме того, представлен статистический анализ присутствия таких факторов, как галлюциногенные препараты, высокая температура, заболевания и повреждения мозга, каждый из которых может стать причиной галлюцинаций, а не реального видения. Важно замечание авторов, что наиболее связные и ясные потусторонние опыты имеют место у пациентов с наибольшей степенью контакта с действительностью, они менее подвержены галлюцинациям. Те, кто видит явления мертвых или духовных существ, обычно не страдают расстройством ума и осознают окружающую обстановку. Исследователи подчеркивают, что страдающие галлюцинациями видят живых людей, а подлинно умирающим являются лица умершие. Хотя авторы и осторожны с выводами, они склонны «принять гипотезу о загробной жизни как наиболее здравое объяснение полученных данных»²³. Итак, данная книга дополняет результаты изысканий д-ра Моуди и наглядно подтверждает опыт встречи с умершими и духовными существами во время смерти. Являются ли эти существа теми, за кого их принимает умирающий, — вопрос, который мы рассмотрим ниже.

Такие результаты, конечно, поразительны, ведь они рождаются на фоне агностицизма и неверия, давно характерных для современной науки. Однако для православного христианина в них нет ничего удивительного; мы знаем, что смерть есть лишь переход к иной форме бытия, и хорошо осведомлены о многих явлениях и видениях, окружающих умирающего, будь он святым или грешником. Св. Григорий Великий, описывая множество таких опытов в своих

«Диалогах» («Собеседованиях»), так объясняет феномен встречи с другими: «Часто случается, что душа на пороге смерти узнает тех, с кем надлежит ей разделить то же вечное жительство за равную вину или равное вознаграждение»²⁴. В отношении тех, кто проводил жизнь праведную, св. Григорий замечает: «Нередко бывает, что святые являются праведным в момент их смерти, чтобы укрепить их. Лицезрея небесное сообщество умственными очами, они умирают, не испытывая никакого страха или болезни (*agony*)»²⁵. Он приводит примеры, когда умирающим являлись Ангелы, мученики, апостол Петр, Божия Матерь и Сам Христос²⁶.

Д-р Моуди приводит пример неожиданной встречи умирающего с совершенно чужим лицом: «Одна женщина сообщила, что во время своего пребывания вне тела видела не только собственное прозрачное духовное тело, но и тело другого человека, умершего недавно. Она не знала, кто это был»²⁷. Св. Григорий описывает подобный же феномен в своих «Диалогах»: он повествует о нескольких случаях, когда умирающий громко называет имя другого человека, умирающего в то же время, но в другом месте. И сие не результат прозорливости, которой им наделены святые. Св. Григорий повествует о заслуживающем адских мук грешнике, который извещает неизвестного ему умирающего Стефана: «Наш корабль готов взять нас в Сицилию»²⁸. (Сицилия, как место большой вулканической активности, напоминает об аде) Видимо, это то, что в наши дни называют экстрасенсорным восприятием (*extra-sensory perception, ESP*), которое у многих обостряется накануне смерти и продолжает действовать после нее, когда душа оказывается за пределами физических чувств.

Таким образом, это открытие, имевшее место в современных психических исследованиях, лишь подтверждает то, о чем читателю раннехристианской литературы известно: во время исхода души из тела бывают разного рода встречи. Эти встречи не обязательно происходят с каждым, тем не менее они имеют общий характер, так как случаются вне зависимости от национальности, религии или святости жизни.

Опыт христианского подвижника имеет общие черты с опытом любого человека, но содержит в себе абсолютно другое измерение — то, что не подлежит исследованию психиатров. В нем часто

проявляются особые знаки Божия благоволения, так что видения из того мира зримы всеми или многими рядом стоящими, а не только одним умирающим. Прочитируем лишь один пример из тех же «Диалогов» св. Григория: «Когда они в полночь стояли вокруг постели Ромулы, внезапно их осиял свет с неба, заполнив всю комнату. Его блеск и великолепие вселили страх и благоговение в сердца всех присутствующих... Затем они слышали шум как бы приближающейся огромной толпы. Дверь комнаты стремительно отворилась настежь, будто несметное число людей пыталось протиснуться внутрь. У стоящих вокруг постели создалось впечатление, что комната наполняется людьми, но из-за страха и сияния света они не способны были что-либо увидеть. Страх их сковал, а неземной свет ослепил глаза. Воздух наполнился удивительным благоуханием, а его аромат успокоил их трепещущие души... Взирая на свою духовную мать Редемпту, она [Ромула] сказала ласковым голосом: “Не бойся, матушка, я еще не умираю”. В течение трех дней благоухание сохранялось, но в четвертую ночь Ромула вновь позвала свою наставницу и попросила о принятии Святых Таин. Редемпта и ее другая ученица ненадолго оставили свое место у постели — и вдруг увидели поющие два хора, стоявшие на площади перед монастырем... Душа Ромулы разрешилась от тела, чтобы вознестись прямо на небо. Хоры сопровождали ее душу, поднимая ее все выше и выше, пение постепенно затихало, пока, наконец, благоухание и звуки псалмов одновременно не исчезли»²⁹. Православные христиане помнят подобные случаи из житий многих святых (преп. Сисоя, св. Таисии, блж. Феофила Киевского и др.).

Углубляясь в исследование опыта умирания и смерти, мы должны помнить об огромной разнице, существующей между общим опытом умирания, вызывающим такой интерес, и благодатной смертью православных христиан, проводивших праведную жизнь. Это поможет понять загадочные моменты опытов смерти, описываемые в настоящее время. Понимание данного различия может помочь нам отождествить явления, которые видит умирающий. На самом ли деле родственники и друзья приходят из мира мертвых, чтобы явиться умирающему? И отличаются ли сами по себе эти явления от явлений святых праведным христианам в момент их смерти?

Чтобы ответить на первый вопрос, вспомним сообщения д-ров Осиса и Харальдссона о том, что многие индусы, умирая, видят богов индуистского пантеона (Кришну, Шиву, Кали и др.), а не близких родственников и друзей, о которых сообщают в Америке. Как предельно ясно учит св. апостол Павел, эти «боги» суть *ничто* (см. 1 Кор. 8, 4-5); всякое **реальное** восприятие «богов» связано с демонами (см. 1 Кор. 10, 20). Кого же умирающие индусы видят на самом деле? Д-ра Осис и Харальдссон полагают, что отождествление существ, с которыми встречаются умирающие, — плод субъективных взглядов (религиозных, культурных, личных); это суждение разумно в отношении большинства рассматриваемых случаев. Также и в случаях с американцами умершие родственники в действительности не «присутствуют». Св. Григорий Великий пишет, что умирающий «узнаёт» людей, тогда как праведным «святые являются с неба», — отличие, указывающее на разный опыт переживания смерти святыми людьми и обычными грешниками и на разную загробную участь.

Святые обладают великим дерзновением ходатайствовать за живых и приходить им на помощь; умершие грешники, за исключением особых случаев, не имеют контакта с живыми.

Это различие ясно излагает блж. Августин, латинский отец IV-V веков, в трактате, написанном по просьбе св. Павлина Ноланского на тему «О попечении умерших». В трактате Августин Блаженный пытается примирить тот несомненный факт, что святые, как, например, мученик Феликс Ноланский, ясно являлись верующим, со столь же несомненным фактом, что, как правило, умершие не являются живым.

Изложив основанное на Священном Писании православное учение о том, что «души умерших пребывают в том месте, откуда они не видят события, совершающиеся и протекающие в сей смертной жизни» (гл. 13 данного трактата), и свое собственное суждение, что случаи видимых явлений умерших живым обычно совершаются по «действию Ангелов» либо сии «явления ложные», происходящие по козням бесов, намеревающихся совратить людей, навязав им искаженное учение о загробной жизни (см. гл. 10), — блж. Августин переходит к различению **мнимых** явлений умерших и **подлинных** явлений святых. «Этим разрешается и другой вопрос: если мертвые не знают, что происходит у живых, то каким образом мученики участвуют в человеческих делах своими милостями, которые они проявляют к

тем, кто молятся им? Ибо мы знаем не по слухам, но из надежных свидетельств, что, когда Нола была осаждена варварами³⁰, исповедник Феликс, к месту пребывания которого вы проявляете благочестивую любовь, являл себя, не только оказывая милости, но и открываясь взору людей. Но такие вещи, проявляющие Божественное вмешательство, весьма отличаются от обычного порядка [действий], определенного для отдельных видов творений.

Ведь мы не должны на том основании, что [Р. 653] вода по воле Божией внезапно превратилась в вино (см. Ин. 2, 9), считать, исходя из этого редкого, а точнее, исключительного случая Божественного вмешательства, что вода по природе своей способна на такое [превращение]. Также то, что Лазарь воскрес (см. Ин. 11, 44), не означает, что каждый умерший человек может воскреснуть, когда захочет, или то, что безжизненный человек может встать живым так же, как спящий возвращается к бодрствованию. Одни вещи находятся в пределах человеческих возможностей, другие являются проявлением Божественной силы, одни происходят естественным образом, другие — чудесным, хотя Бог присутствует также в природе, благодаря чему она существует, и природа не отсутствует в чудесном. Поэтому не следует думать, будто кто-то из мертвых может участвовать в делах живых, на том основании, что мученики принимают участие [в жизни] некоторых людей, исцеляя или оказывая помощь. Но мы должны уразуметь скорее то, что мученики принимают участие в делах живых людей благодаря Божественному могуществу, на том основании, что мертвые по природе своей не могут участвовать в делах живых людей»³¹.

Возьмем только один пример: святые недавнего времени, такие как старец Амвросий Оптинский, учат, что существа, с которыми устанавливается контакт на спиритических сеансах, — бесы, а не духи умерших; и все те, кто тщательным образом исследовал феномен спиритизма, если у них есть христианский критерий суждений, приходят к тому же выводу³².

Таким образом, нам не следует сомневаться, что святые действительно являются праведным христианам при их смерти, как это описано во многих житиях святых. Обычные же грешники часто наблюдают явления родственников, друзей или «богов», причем суть соответствует тому, чего умирающий либо ожидает либо что готов

увидеть. Точную природу сих последних явлений определить невозможно; это не просто галлюцинации, как представляется, а часть естественного опыта смерти, некий знак умирающему о пороге вступления в новое бытие, где обыденная материальная реальность больше не действует. В явлениях нет ничего необычного: ведь в разные эпохи, в различных местах и религиях они постоянно присутствуют.

«Встречи с другими» обычно происходят накануне смерти, и их нельзя смешивать с иной встречей — со «светлым существом», которую мы намерены описать.

3. «Светлое существо»

Д-р Моуди говорит об этом опыте как наиболее невероятном «в тех отчетах, которые я изучил», и оказывающем «максимально глубокое воздействие на индивидуума»³³. Большинство людей излагают происшедшее как явление света, стремительно возрастающего в яркости; все распознают его как личное существо, исполненное тепла и любви, к нему неодолимо влечет умершего. Кем его воспринимают, как кажется, зависит от религиозных корней самого умершего; само по себе оно не обладает узнаваемым обликом. Одни называют его «Христом», другие «Ангелом»; все, по-видимому, понимают, что это существо, посланное откуда-то, чтобы их сопровождать. Вот лишь некоторые свидетельства:

«Я услышал голоса врачей, констатировавших мою смерть, и начал ощущать, как меня уносит; это было реальное ощущение парения... Вокруг было черно, только в отдалении был свет. Очень яркий сначала. Он увеличивался по мере того, как я приближался к нему все ближе и ближе»³⁴.

Другой человек после смерти почувствовал, как он вливается «в этот чистый, кристальный, ясный свет... Он отличался от любого света, который можно увидеть на земле. Я не видел в этом свете человеческих очертаний, но он совершенно точно обладал особой индивидуальностью. Это свет идеального понимания и совершенной любви»³⁵.

«Я был вне своего тела, в этом не было сомнений, потому что видел его там, на операционном столе. Моя душа была вне тела! Все это поначалу меня смутило, затем пришел яркий свет. Сперва свет казался тусклым, но сделался огромным лучом... В первые мгновения его появления я не осознавал, что происходит, но он как бы спросил меня, готов ли я умереть»³⁶.

Почти всегда это существо начинает общаться со вновь умершими людьми мысленно. Спрашивает оно их всегда только об одном; испытанные передавали его вопрос как «Готов ли ты умереть?» или «Что ты сделал в своей жизни, что мог бы мне показать?»³⁷. При этом умирающий порой видит «кадры» событий своей жизни. Все подчеркивают, что существо не изрекает никаких «суждений» об их жизни и поступках, лишь побуждает поразмыслить над прожитым.

Д-ра Осис и Харальдссон в своих изысканиях фиксируют несколько опытов контакта с таким существом, замечая, что его всегда сопровождает неземной свет³⁸. Но они предпочитают вслед за д-ром Моуди называть существа, видимые или ощущаемые в этом свете, просто «светлыми фигурами», а не духовными существами или божествами, как часто их воспринимают умирающие.

Так кто же такие (или что же такое) эти «светлые существа»?

Многие называют их «Ангелами», указывая на присущие им положительные свойства: это существа из «света», они полны «любви и понимания» и внушают мысль об «ответственности» за жизнь. Но Ангелы, по православному пониманию, обладают большей определенностью во внешнем облике и действиях. Чтобы понять все это, необходимо изложить православное учение об Ангелах, исследовать природу Ангелов, сопровождающих душу после смерти.

II. Православное учение об Ангелах

Со слов Самого Спасителя мы знаем, что во время смерти душу встречают Ангелы. *Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово* (Лк. 16, 22).

Из Евангелия мы узнаем и облик, в котором являются Ангелы: *Ангел Господень... вид его был, как молния, и одежда его бела, как снег* (Мф. 28, 2-3); *и, войдя во гроб, увидели юношу, сидящего на правой стороне, облеченного в белую одежду* (Мк. 16, 5); *два мужа в одеждах блистающих* (Лк. 24, 4); *а Мария... наклонилась во гроб и видит двух Ангелов, в белом одеянии сидящих* (Ин. 20, 11-12). На протяжении всей истории христианства явления Ангелов всегда совершаются в том же самом облике, то есть в виде *юношей в одеждах блистающих*. Иконографической традиции, запечатлевающей явления Ангелов, в течение всех веков присуща последовательность, так что она изображает их именно такими блистающими юношами (часто с крыльями, отражающими лишь символический признак, далеко не всегда зримый во время ангельских явлений). Седьмой Вселенский Собор в 787 году постановил, что Ангелов подобает всегда изображать только в этом облике, то есть в виде мужей. Купидоны западного Ренессанса и более поздних эпох вдохновлены язычеством и не имеют ничего общего с настоящими Ангелами.

И в самом деле, не только в художественном изображении Ангелов, но и во всем учении о существах духовных современный римо-католический (и протестантский) Запад далеко ушел от учения Священного Писания и от древних христианских традиций. Понимание этой ошибки для нас существенно, если мы хотим вникнуть в истинное христианское учение об участи души после смерти.

Св. епископ Игнатий Брянчанинов, один из великих отцов последнего времени, заметил эту ошибку и целый том собрания своих сочинений посвятил ее раскрытию, а также изложению подлинного православного учения по данному предмету³⁹. Критикуя взгляды, изложенные в «Богословском словаре» аббата Бержье, классической римо-католической работе XIX века, епископ Игнатий отводит

значительную часть данного тома⁴⁰ полемике с этой современной ему идеей, основывающейся на философии Декарта (XVII век) и сводящейся к тому, что все за пределами материальной сферы принадлежит к единой области «чистого духа». Такая идея, по существу, помещает вечного и бесконечного Бога на один уровень с разного рода духами конечными (с Ангелами, бесами, душами почивших). Эта идея в настоящее время распространена (хотя сторонники идеи не осознают всех ее последствий), в ней заключена главная причина сумятицы в оценке предметов «духовных»: большой интерес проявляется ко всему тому, что находится за пределами материального мира, но не проводится различие между Божественным, ангельским и демоническим и просто плодами воображения или особых человеческих способностей.

Аббат Бержье учил, что Ангелы, бесы и души преставившихся «всецело духовны» и потому не подлежат законам времени и пространства; прилагаемые нами к ним понятия «формы» или «движения» суть лишь метафоры, и «они имеют нужду *облекаться в тонкое тело*, когда Бог позволяет им действовать из тела»⁴¹. Это учение приводится даже в обстоятельной римо-католической работе XX века по современному спиритизму. В ней утверждается, что Ангелы и бесы «могут заимствовать необходимую (дабы стать видимыми для людей) материю из более грубой природы, одушевленной или неодушевленной»⁴². Сами спириты и оккультисты почерпнули эти идеи из современной им философии. Один весьма искусный апологет «сверхъестественного христианства», К. С. Льюис (англиканин), должным образом критикует бытовавшую в его время «концепцию неба как **лишь** состояния ума», но все-таки и он отчасти поддался современному мнению, что «тело, его местоположение и движение, а также время ныне представляются не имеющими никакого значения для высших сфер духовной жизни»⁴³. Подобные воззрения — плод чрезмерного упрощения духовной реальности, возникшего под влиянием современного материализма, вследствие утраты связи с подлинным христианским учением и духовным опытом.

Чтобы понять православное учение об Ангелах и прочих духах, надо отказаться от слишком упрощенной современной дихотомии «материя — дух». Истина намного сложнее этой формулы, в то же

время она настолько «проста», что тех, кто еще способен к вере, будут рассматривать как «наивных буквалистов». Епископ Игнатий пишет: «Когда Бог отверзает [духовные] очи человеку, он делается способным видеть духов **в их собственном виде**»⁴⁴. «Ангелы, являясь человекам, всегда являлись в виде человеков»⁴⁵. Равным образом «из... Писания явствует со всей очевидностью, что душа человеческая имеет вид человека в его теле, подобна прочим сотворенным духам»⁴⁶. В качестве доказательства свт. Игнатий цитирует множество святоотеческих источников. Рассмотрим теперь и мы это святоотеческое учение.

Св. Василий Великий в своей книге «О Святом Духе» пишет: «В небесных Силах сущность их составляет воздушный, если можно так сказать, дух или невещественный огонь... почему они ограничены местом и бывают видимы, являясь святым в образе собственных своих тел». И продолжает: «Верим, что каждая (из небесных Сил) находится в определенном месте. Ибо Ангел, представший Корнилию, не был в то же время и у Филиппа (см. Деян. 8, 26 и 10, 3), и Ангел, беседовавший с Захариєю у *олтаря кадильного* (Лк. 1, 11), не занимал в то же время свойственного ему места на небе»⁴⁷.

Аналогично сему и св. Григорий Богослов учит: «Светы вторичные после Троицы, имеющей царственную славу, суть светозарные, невидимые Ангелы. Они свободно ходят окрест великого престола, потому что суть умы быстродвижные, пламень и Божественные духи, скоро переносящиеся по воздуху»⁴⁸.

Таким образом, Ангелы, будучи *духами* и *пылающим огнем* (см. Пс. 103, 4; Евр. 1, 7) и обитая в области, где не действуют земные законы времени и пространства, все-таки ограничены временем и пространством и действуют такими «материальными» способами (если так можно сказать), что некоторые отцы не колеблются использовать выражение «воздушные тела» Ангелов. Преп. Иоанн Дамаскин, суммируя в VIII веке учение предшествующих ему отцов, пишет: «Ангел есть сущность, одаренная умом, всегда движущаяся, обладающая свободною волею, бестелесная, служащая Богу, по благодати получившая для своей природы бессмертие, каковой сущности вид и определение знает только Создатель. Бестелесною же она называется, также и невещественною, по сравнению с нами, ибо

все, сопоставляемое с Богом, Который один только несравним [ни с чем], оказывается и грубым, и вещественным, потому что одно только Божество поистине невещественно и бестелесно». И далее вновь поучает: Ангелы «описуемы, ибо, когда они находятся на небе, их нет на земле; и посылаемые Богом на землю — они не остаются на небе, но они не ограничиваются стенами, и дверями, и дверными запорами, и печатями, ибо они неограниченны. Неограниченными же называю [их] потому, что они являются людям достойным, которым Бог пожелает, чтоб они являлись, не таковыми, каковы они суть, но в измененном виде, смотря по тому, как могут видеть смотрящие»⁴⁹.

Утверждая, что Ангелы являются «не таковыми, каковы они суть», преп. Иоанн, конечно, не противоречит св. Василию, учащему, что Ангелы являются «в образе собственных своих тел». Оба определения верны, как ясно можно увидеть в многочисленных явлениях Ангелов в Ветхом Завете. Так, Архангел Рафаил несколько недель был спутником Товии, причем никто не подозревал, что он не человек. Когда, наконец, Архангел открылся, то сказал: *Все дни я был видим вами, но я не ел и не пил, — только взорам вашим представлялось это* (Тов. 12, 19). Три Ангела, представшие перед Авраамом, тоже как будто бы ели, и все думали, что они люди (см. Быт., гл. 18 и 19). Подобно сему св. Кирилл Иерусалимский в своих «Огласительных поучениях» назидает нас относительно Ангела, явившегося Даниилу, что «Даниил при виде Гавриила содрогнулся и пал на лицо свое, и хоть он и был пророк, но не осмелился ответить ему, пока Ангел не принял на себя подобия сына человеческого»⁵⁰. Так, в Книге пророка Даниила (гл. 10) мы читаем, как при первом явлении Ангел был в облике человека, только блистание его было таким (*Лице его — как вид молнии; очи его — как горящие светильники, руки его и ноги его по виду — как блестящая медь*), что человеческие глаза не могли вынести сего. Таким образом, внешний вид Ангела такой же, как человека, но так как ангельское «тело» нематериальное, огненное и сияющее и может ошеломить любого человека, то их явления приспособлены к людям, их созерцающим; Ангелы удерживают свое сияние и предстают в менее устрашающем виде.

Говоря о человеческой душе, блж. Августин учит: когда душа отделена от тела, «сам человек, пребывающий в таком состоянии, хотя

в сем участвует духом, а не телом, тем не менее видит себя в такой мере подобным своему собственному телу, что не может провести между ними какого бы то ни было различия»⁵¹. Эта истина нашла свое исчерпывающее подтверждение в личных опытах, вероятно, тысяч людей, возвращенных к жизни в наши дни.

Но если мы говорим о «телах» Ангелов и прочих духов, нам надлежит быть осмотрительными и не приписывать им никаких материальных свойств. В конце концов, как учит преп. Иоанн Дамаскин, «сущности вид и определение знает только Создатель»⁵². На Западе блж. Августин писал, что нет разницы, говорим ли мы о «воздушных телах» демонов и прочих духов или же просто называем их «бесплотными»⁵³.

Сам епископ Игнатий, объясняя природу ангельских тел, использовал понятия научных знаний XIX века о газах, что было, возможно, излишне. По этой причине возник спор между ним и епископом Феофаном Затворником, который подчеркивал простую природу духов (конечно, не состоявших из элементарных молекул, как газы). Но по основному вопросу — об «оболочке тонкой», которую имеют духи, — он был согласен с епископом Игнатием⁵⁴. Похоже, что из-за какого-то сходного недопонимания по маловажному вопросу или из-за терминологии в V веке на Западе развернулась полемика с учением латинского отца, св. Фавста Лирийского, об относительной материальности души, основанном на учении восточных отцов.

Если точное определение ангельской природы известно одному Богу, то понимание ангельской деятельности (по крайней мере, в этом мире) доступно каждому, так как имеются многочисленные свидетельства в Священном Писании и в сочинениях святых отцов, в житиях святых. Чтобы понять явления, очевидцами которых бывают умирающие, мы должны знать, как являются падшие ангелы (бесы). Настоящие Ангелы всегда являются в своих собственных обликах (лишь немного умеряя свое сияние), и действуют они с одной лишь целью — исполнить Божию волю и заповеди. Однако падшие ангелы, хотя порой они и предстают в собственном обличье (которое преп. Серафим Саровский, по собственному опыту, обрисовал как «гнутое»), обычно принимают на себя разного рода личины и производят многочисленные «чудеса» силой, которую они имеют, будучи подчинены князю, господствующему в воздухе (Еф. 2, 2).

Область их обитания — воздух, а их главная задача — соблазнять или запугивать людей, увлекая их тем самым вслед за собой к гибели. Именно против них и направлена борьба христианина. *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12).

Блаженный Августин в своем малоизвестном трактате «Прорицание демонов» (“The Divination of demons”), написанном в ответ на просьбу объяснить некоторые из бесовских явлений от язычества до наших дней, дает ясную картину деятельности бесов. В главе 3 он пишет: «Природа демонов такова, что посредством присущего воздушным телам чувственного восприятия они превосходят восприятие тел земных, превышая и по скорости; благодаря подвижности воздушного тела несравнимо опережают движения людей, животных, даже полет птиц. Наделенные этими двумя способностями, а именно: остротой восприятия и скоростью движения, они предвещают и уведомляют о многих вещах. Чему люди удивляются. Кроме того, за длительный период своего существования демоны накопили много сведений о событиях, а люди — меньше по причине короткого отрезка их жизни. Благодаря всем качествам демоны не только предугадывают многие грядущие события, но и совершают немало сверхъестественных действий».

О многих «чудесах» и «зрелищах» бесовских рассказывается в пространной беседе св. Антония Великого, включенной св. Афанасием в его житие, где также (в главе 11) упоминаются «легкие тела» бесов. Житие св. Киприана, бывшего колдуна, также содержит многочисленные описания бесовских превращений и чудес, сообщенные их действительным участником⁵⁵.

Классическое описание бесовской деятельности содержится в седьмом и восьмом «Собеседованиях» преп. Иоанна Кассиана, великого галльского отца V века, впервые принесшего на Запад полноту учения восточного монашества. Преп. Кассиан пишет:

«А злых духов такое множество наполняет этот воздух, который разливается между небом и землею и в котором они летают в беспокойстве и не праздну, так что Провидение Божие для пользы скрыло и удалило их от взоров человеческих, иначе от боязни нападения их или страшилища лиц, в которые они по своей воле, когда

захотят, превращаются или преобразуются, люди поражались бы невыносимым ужасом до изнеможения...

А что нечистые духи управляются более злыми властями и подчинены им, этому, кроме тех свидетельств Св. Писания, которые читаем в Евангелии, в описании ответа Господа клеветавшим на Него фарисеям: *если Я [силою] веельзевула, князя бесовского, изгоняю бесов...* (Мф. 12, 27), — научат нас также ясные видения и многие опыты святых.

Когда один из наших братьев путешествовал в этой пустыне, по наступлении вечера, нашедши некоторую пещеру, остановился там и захотел совершить в ней вечернюю молитву. Пока он по обычаю пел псалмы, время прошло уже за полночь. По окончании молитвенного правила, желая немного успокоить утомленное тело, он возлег и вдруг начал видеть бесчисленные толпы отовсюду собирающихся демонов, которые бесконечную вереницею и весьма длинным рядом проходили, иные предшествовали своему начальнику, иные следовали за ним. Наконец пришел князь, который и величиною был выше всех, и видом страшнее; и по поставлении престола, когда он сел на возвышенном трибунале (судейском месте), то с рачительным исследованием стал разбирать действия каждого и тех, которые говорили, что еще не могли обольстить своих соперников, приказывал выгонять от своего лица с замечанием и бранью как недейтельных и нерадивых, с яростным рыком укоряя, что они напрасно потратили столько времени и труда. А тех, которые объявили, что они обольстили назначенных им, отпускал с большими похвалами при восторге и одобрении всех, как храбрейших воителей в образец для всех прославившихся. Из числа их один злейший дух, приступив, со злорадством доносил как о знаменитейшей победе, что он хорошо известного монаха, которого он назвал, после тринадцати лет, в течение которых непрестанно искушал, наконец, преодолел — в эту самую ночь вовлек в блуд. При этом донесении произошла необыкновенная радость между всеми, и он, князем тьмы возвеличенный высокими похвалами и увенчанный большой славою, ушел. При наступлении зари... все это множество демонов исчезло из глаз. Позднее брат, бывший свидетелем этого зрелища, узнал, что сообщение о падшем монахе действительно верно»⁵⁶.

Подобное случалось со многими православными христианами вплоть до текущего столетия. Это, совершенно очевидно, не сны или видения, а встречи в состоянии бодрствования с бесами, как они есть, — но только, конечно, после того, как у человека откроется духовное зрение, чтобы видеть этих существ, которые обычно человеческому глазу невидимы. Вплоть до недавнего времени, возможно, совсем немногие православные христиане («старомодные» и «наивные») верили подобным рассказам; некоторые и сегодня их воспринимают с трудом, настолько заразителен современный взгляд, что Ангелы и бесы суть «чистые духи», а значит, они не действуют «материальными» способами. В последние годы подобные сообщения вновь начали казаться правдоподобными в связи с возросшим демоническим влиянием. Широко распространенные сейчас сообщения о «посмертных» опытах также открыли область нематериальной реальности людям, никогда не соприкасавшимся с оккультизмом, поэтому ясное и последовательное объяснение всего, что касается нематериальной действительности и ее обитателей, стало одной из нужд нашего времени. Такое объяснение может дать только Православие, ибо оно сохраняет подлинное христианское учение вплоть до наших дней.

Теперь рассмотрим более конкретно, как Ангелы (и бесы) являются в момент смерти.

III. Явление Ангелов и бесов в час смерти

В час смерти умершего встречаются два Ангела. Вот как описывает их автор «Невероятного для многих, но истинного происшествия»: «И едва она (старушка сиделка) произнесла эти слова (“Царство ему Небесное, вечный покой...”), как подле меня появились два Ангела, в одном из которых я почему-то узнал моего Ангела Хранителя, а другой был мне неизвестен». Впоследствии один благочестивый странник сказал ему, что это был «встречающий (*meeting*) Ангел». Св. Феодора, чье странствие после смерти по воздушным мытарствам изложено в житии св. Василия Нового (X век, память — 26 марта), рассказывает: «Когда я совершенно изнемогла, то увидела подходивших ко мне в образе красивых юношей двух Ангелов Божиих; лица их были светлые, глаза смотрели с любовью, волосы на голове были белые, как снег, и блестели, как золото; одежды были похожи на свет молнии, и на груди они были крестообразно подпоясаны золотыми поясами». Св. Сальвий, епископ Галльский, живший в VI веке, описывает свой опыт смерти так: «Когда моя келья сотряслась четыре дня тому назад и вы увидели меня лежащего мертвым, я был поднят двумя Ангелами и возносим на самую высокую вершину небес»⁵⁷.

Миссия этих Ангелов — взять душу вновь почившего и сопровождать ее на пути в загробный мир. Ни в их виде, ни в действиях нет ничего неясного; обладая человеческим обликом, они крепко схватывают «тонкое тело» души и уводят его прочь. «Светлые Ангелы взяли ее [душу] к себе на руки» (рассказ св. Феодоры). «Взяв меня под руки, Ангелы вынесли меня через стену из палаты...» («Невероятное для многих, но истинное происшествие»). Св. Сальвий был «поднят двумя Ангелами». Можно привести и больше подобных примеров.

Поэтому нельзя утверждать, что «светлое существо» в современных явлениях (не имеющее зримой формы, вовлекающее душу в диалог, прокручивая в обратном порядке события минувшей жизни умершего, никуда ее не уводящее) — Ангел, сопровождающий в загробную жизнь. Не всякое существо, появившееся как «ангел», есть Ангел в самом деле, *сам сатана принимает вид Ангела света* (2 Кор.

11, 14), поэтому существа, не имеющие внешнего облика Ангелов, безусловно, не могут ими быть. В сегодняшних «посмертных» опытах, по всей видимости, не бывает несомненных встреч с Ангелами, причину чего мы постараемся объяснить ниже.

Возможно ли, что «светлое существо» есть на самом деле демон, принявший вид *Ангела света*, чтобы искутить умирающего в момент, когда душа покидает тело? Д-р Моуди⁵⁸ и другие исследователи действительно поднимают этот вопрос, но только для того, чтобы опровергнуть подобную возможность как не имеющую согласия с «хорошим» действием на умирающего данного явления. Понятия «зла» у таких исследователей наивны до предела. Д-р Моуди полагает, что «сатана, по-видимому, повелит своим служителям следовать путем ненависти и разрушения»⁵⁹; он, похоже, совершенно незнаком с христианской литературой о подлинной природе бесовских искушений, неизменно представляющихся жертвам как нечто «хорошее».

Итак, каково православное учение о бесовских искушениях в час смерти? Св. Василий Великий, изъясняя слова псалма: *Спаси мя от всех гонящих мя и избави мя. Да не когда похитит яко лев душу мою* (Пс. 7, 2-3), дает такое объяснение: «Думаю же, что о мужественных Божиих подвижниках, которые чрез всю свою жизнь довольно боролись с невидимыми врагами, когда избегут [они] всех их гонений, находясь при конце жизни, князь века сего изведывает, чтобы удержать их у себя, если найдутся на них раны, полученные во время борьбы, или какие-нибудь пятна и отпечатки греха. А если будут найдены неуязвленными и незапятнанными, то как непобедимые, как свободные будут упокоены Христом. Посему пророк молится о будущей и настоящей жизни. Здесь говорит: *спаси мя от гонящих*, а там, во время испытания: *избави мя, да не когда похитит яко лев душу мою*. И сие можешь узнать от Самого Господа, Который перед страданием говорит: *ныне князь мира сего грядет, и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30)»⁶⁰.

В действительности не только христианским подвижникам приходится сталкиваться с бесовскими искушениями в час смерти. Св. Иоанн Златоуст в Беседах на Евангелие от Матфея красочно описывает то, что происходит с обычными грешниками во время их смерти. «Посему много услышишь рассказов об ужасах при последнем конце и

страшных явлениях, которых самый вид нестерпим для умирающих, так что лежащие на одре с великою силою сотрясают оный и страшно взирают на предстоящих, тогда как душа силится удержаться в теле и не хочет разлучаться с ним, ужасаясь видения приближающихся Ангелов. Ибо если мы, смотря на страшных людей, трепещем, то какое будет наше мучение, как увидим приближающихся Ангелов грозных и неумолимые силы, когда они душу нашу повлекут и будут отторгать от тела, когда много будет она рыдать, но вотще и без пользы»⁶¹.

Православные жития полны такими повествованиями, цель демонов — запугать умирающих и заставить отчаяться в своем спасении. Св. Григорий в «Диалогах» рассказывает об одном богатом человеке, имевшем много грехов: «Незадолго до смерти он увидел отвратительных духов, стоящих перед ним и свирепо грозящих низвести его в глубины ада... Вокруг него собралась вся семья, плача и причитая. Хотя они не могли реально видеть бесов и их жуткие нападения, однако по репликам сего страждущего человека, по бледности его лица и по дрожанию его тела могли понять, что бесы присутствуют. В смертельном ужасе от этих устрашающих образов, он метался на постели из стороны в сторону... И вот теперь, почти изможденный и отчаявшийся в каком бы то ни было облегчении, он прокричал: “Дайте мне время до утра! Потерпите, по крайней мере, до утра!” Но на этом жизнь была из него исторгнута»⁶². Св. Григорий сообщает и о других подобных случаях, как и Беда в своей «Истории Английской Церкви и народа»⁶³. В Америке XIX века такие случаи были обычными; вышедшая недавно антология содержит многочисленные описания видений, пережитых нераскаявшимися грешниками на смертном одре, под такими заголовками: «Я в огне — вытащите меня!», «О, спасите меня! Они тащат меня вниз!», «Я иду в ад!» и «Приближается дьявол, чтобы утащить мою душу в ад!»⁶⁴.

Д-р Моуди тем не менее не отмечает ничего подобного: все опыты умирания в его книге (за исключением случаев самоубийств⁶⁵) не содержат тех обстоятельств, о которых говорилось выше, независимо от того, являются умирающие людьми религиозными или нет. Результаты исследований д-ров Осиса и Харальдссона похожи на наблюдения д-ра Моуди.

Они пришли к тем же выводам, что и он, а именно: явление потусторонних посетителей воспринимается как нечто позитивное, пациент принимает смерть, эмоции положительные, приводят к умиротворению и душевному подъему, боли перед смертью утихают. Однако в индийских исследованиях треть пациентов, испытавших такие посещения, были охвачены чувством страха, подавленности и беспокойства от явления «ямдутов» (индуистские вестники смерти) и других существ; индусы пытались избавиться от них, всячески сопротивляясь. Один индийский служащий в последние минуты говорил: «Там кто-то стоит! У него тележка — и это, стало быть, ямдут! Он, должно быть, забирает кого-то с собой. Он поддразнивает меня, что, дескать, собирается взять именно меня!... Пожалуйста, держите меня. Я не собираюсь [умирать]». Боли усилились, и он умер⁶⁶. Другой умирающий индиец «вдруг произнес: “Вот приближается ямдут, чтобы забрать меня. Спустите меня с кровати на землю, чтобы ямдут не нашел меня”. Он указал вверх: “Вон он”. Эта больничная палата находилась на первом этаже. Снаружи у стены здания росло большое дерево, на ветвях которого сидела огромная стая ворон. В тот момент, когда умирающего посетило видение, все вороны с пронзительным гвалтом внезапно взлетели с дерева, словно кто-то выстрелил из ружья. Изумленные, мы выбежали через открытую дверь палаты наружу, но ничего, что могло спугнуть их, не увидели. Обычно вороны сидели мирно, потому в памяти присутствующих запечатлелся оглушительный гвалт — в момент видения, как будто они почувствовали нечто ужасное. После этого пациент впал в бессознательное состояние и через несколько минут испустил дух»⁶⁷. У некоторых «ямдутов» вид жуткий, что вызывает большой испуг у умирающих.

В этом состоит поразительное различие между американским и индийским опытами в исследованиях д-ров Осиса и Харальдссона, чему авторы не дают никакого объяснения. Естественно возникает вопрос: почему в современных американских опытах почти полностью отсутствует один элемент — страх, порождаемый жуткими потусторонними явлениями, общий для христианского опыта прошлого и для индийского — в настоящем?

Нам нет необходимости определять природу явлений умирающим; как мы отмечали, это зависит от того, чего умирающий

ожидает и что готов увидеть. Христиане прошлых веков, имевшие живую веру в ад, мучимые угрызениями совести, часто в момент смерти видели бесов. Современные индийцы, более «примитивные» в своих верованиях и представлениях, нередко видят то, что соответствует их знанию о жизни после смерти; американцы, с их «просвещенными» взглядами, далеки от реального страха перед адом и существованием демонов, созерцают то, что согласуется с их комфортной жизнью и воззрениями.

Если быть объективным, демоны сами предлагают искушения, которые согласуют с духовным состоянием или чаяниями искушаемого. Перед боящимся ада демоны могут явиться в ужасных обличьях, чтобы заставить человека умереть в отчаянии; тем, кто не верит в ад (или протестантам, считающим, что они бесповоротно «спасены»), демоны предлагают искушения в иной форме, которая не обнаружит их злых намерений. Подобным образом даже христианскому подвижнику, немало от них пострадавшему, демоны могут явиться так, чтобы **соблазнить** его, а не утратить.

Яркий пример такого предсмертного искушения представляют собой бесовские козни св. Мавре, мученице III века. Будучи распята вместе с мужем, св. Тимофеем, и в течение девяти дней висая на кресте, она была искушаема дьяволом. В житии этих святых повествуется о том, как сама св. Мавра сообщает о них своему супругу, соучастнику в страданиях:

«Ободришь, брат мой, и отгони от себя сон; бодрствуй и уразумеешь то, что я видела: мне показалось, что предо мною, находившейся как бы в восторге, был человек, имевший в руке своей чашу, наполненную молоком и медом. Человек этот сказал мне: “Взявши это, выпей”. Но я сказала ему: “Кто ты?” Он же ответил: “Я ангел Божий”. Тогда я сказала ему: “Помолимся ко Господу”. Потом он сказал мне: “Я пришел к тебе для того, чтобы облегчить твои страдания. Я видел, что ты сильно хотела есть и пить, так как до сего времени ты не вкушала никакой пищи”. Снова я сказала ему: “Кто побудил тебя оказать мне эту милость? И какое дело тебе до моего терпения и пощения? Разве ты не знаешь, что Бог силен сотворить и то, что невозможно людям?” Когда я помолилась, то увидела, что человек тот отворачивал лицо свое на запад. Из этого я поняла, что это было обольщение сатанинское; сатана хотел искушить нас и на кресте. Вскоре видение то исчезло.

Потом подошел другой человек, и мне показалось, что он привел меня к реке, текущей молоком и медом, и сказал мне: “Пей”. Но я отвечала: “Я уже сказала тебе, что не буду пить ни воды, ни какого другого земного питья до тех пор, пока не испию чашу смерти за Христа, Господа моего, которую Он Сам приготовил для меня во спасение и жизнь вечную”. Когда я говорила это, тот человек пил из реки, и вдруг исчез и он сам, и река с ним»⁶⁸. О третьем явлении св. Мавре, явлении истинного Ангела, будет изложено ниже, но и так ясно, с какой осторожностью настоящие христиане должны относиться к принятию «откровений» в момент смерти.

Итак, час смерти — время бесовских искушений, а потому к духовным опытам, переживаемым людьми в это время (даже если они выдаются за «посмертные», что предстоит обсудить ниже), должен применяться христианский подход, как и к любым другим духовным событиям. Равным образом и «духи», с которыми возможна встреча в это время, должны быть подвергнуты всеобщему испытанию, суть которого св. апостол Иоанн излагает в следующих словах: *Испытайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире* (1 Ин. 4, 1).

Критики сегодняшних «посмертных» опытов уже указали на сходство «светлого существа» с «духами-проводниками» и «духами-друзьями» медиумистического спиритизма. Давайте кратко ознакомимся со спиритическим учением, где говорится о «светлых существах» и их сообщениях. В одном классическом труде по спиритизму отмечается, что «учение духов всегда или практически всегда находится в соответствии с высокими моральными нормами; в вопросе веры оно всегда теистично, благоговеет перед ней, но не слишком вдаётся в догматические тонкости, занимающие умы епископов на церковных Соборах»⁶⁹. Далее отмечается, что основа спиритического учения — любовь⁷⁰, что жизнь после смерти — несомненный факт⁷¹, и это вдохновляет спиритов предпринимать труды по распространению «славного знания», и что «совершенные» духи утрачивают индивидуальность и становятся подобны «существам, оказывающим воздействие», все более наполняясь «светом»⁷². В своих гимнах спириты буквально призывают эти «светящиеся существа»:

Служители света блаженные, От смертных очей сокровенные...
Вестников света пошлите средь ночи, Чтобы отверзть нам сердечные
очи...⁷³

Этого вполне достаточно, чтобы усомниться в «светлом существе», предстающем перед людьми, совершенно не знающими природу и изощренность демонских происков. Наши подозрения усиливаются, когда д-р Моуди сообщает, что умирающие описывают это существо как «человека забавного», с «чувством юмора», «развлекающего» и скрашивающего последние для них минуты⁷⁴. Такое существо, с посланием, полным «любви и снисхождения», удивительно похоже на «обладающих хорошим чувством юмора» обычных духов из спиритических сеансов, которые суть демоны (если сеанс не является мнимым).

А посему некоторые заклеямили вообще весь «посмертный» опыт как бесовское наваждение. В книге, написанной протестантом, заявляется: «Мы чувствуем, что существуют некие новые и неизведанные опасности во всем этом обмане о жизни после смерти. Даже смутно доверяя сообщениям о клинических опытах, мы думаем, что они могут иметь серьезные последствия для людей, верующих в Библию.

Не один искренний христианин поверил в то, что “светлое существо” есть Иисус Христос; к сожалению, их можно легко одурачить»⁷⁵. Подтверждая свою точку зрения, авторы книги проводят ряд замечательных параллелей между современными «посмертными» опытами и опытами медиумов и оккультистов прошлого, подчеркивая несомненный факт, что немало исследователей интересуются оккультизмом и контактируют с медиумами⁷⁶.

В этих наблюдениях есть много истинного. Но без цельного христианского учения о загробной жизни самые благонамеренные «верующие в Библию» люди сбиваются с пути, отвергая подлинные свидетельства вместе с бесовскими прельщениями. Такие люди способны поверить обману в «посмертном» опыте.

Д-ра Осис и Харальдссон, имевшие непосредственное общение с медиумами, отмечают сходство между явлениями умирающим и практикой спиритизма. Но они подчеркивают и основное «разительное несходство» этих опытов: «Вместо продолжения мирского образа жизни (описываемой медиумами) переживший смерть погружается в

совершенно новый образ бытия и восприятия действительности»⁷⁷. Область «посмертных» опытов не кажется отличной от обычного медиумизма и спиритизма; другими словами, это сфера, где демонические искушения и внушения возможны, и их следует ожидать, особенно в дни, в которые мы живем, являясь свидетелями все новых и новых духовных соблазнов, включая *великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных* (Мф. 24, 24).

Нам подобает быть очень осторожными и разборчивыми в отношении «светлых существ», являющихся в момент смерти. Они весьма похожи на бесов, выдающих себя за *Ангелов света*, чтобы прельстить умирающего и того, кому он впоследствии расскажет эту историю, если ему удастся выжить (а о том, что шансы на его возвращение к жизни есть, бесы хорошо осведомлены). В итоге наше суждение о «посмертных» явлениях придется основывать на учении, из них вытекающем: внушено ли оно «духовным существом», видимым в момент смерти, просто подразумевается или выводится из опытов. Мы подойдем к этому вопросу, когда разбор сути явлений будет окончен. Некоторые из «умерших» и возвращенных к жизни (обычно те, кто был «религиозен» или стал таковым) отождествляют встреченное «светлое существо» не с Ангелом, а с незримым присутствием Самого Христа. У таких людей «посмертный» опыт сопряжен с другим, который для православных христиан наиболее загадочен, но встречается в «посмертных» явлениях, — с созерцанием «неба».

IV. Современный опыт «неба»

В книге «Жизнь после жизни» д-р Моуди отмечает, что люди, о которых он пишет, скорее всего, не переживали «картин грядущего» и проявляют недоверие к раю и аду, как и к «награде-наказанию в загробной жизни»⁷⁸.

Его последующие опросы в «Размышлениях о жизни после жизни» выявили «посмертные» опыты «других сфер, их можно было бы назвать “райскими”»⁷⁹. Один мужчина оказался в «сельской местности с речками, лугами, деревьями, холмами»⁸⁰; женщина пребывала в похожем «прекрасном месте»: «Вдали... я видела город. Там здания, залитые ярким светом, располагались группами. Люди вокруг были счастливы. Искрилась вода в бьющих фонтанах... Город света — так, думаю, можно его назвать»⁸¹.

Подобные явления, как можно судить по ряду новых книг, достаточно общие. Ранее упомянутые протестантские авторы верят, что такой опыт (по крайней мере, там, где образы носят ясный библейский характер) — христианский и его следует отличать от других «посмертных» событий, суть которых — бесовские наваждения. «Неверующие опытно переживают ложные видения, источник которых по Библии — сатана; верующие, освященные библейской истиной, имеют правильное видение того, что с ними совершается»⁸². Действительно ли это так или же опыт верующих на самом деле гораздо ближе к опыту неверующих, чем представляется авторам?

Свидетельницей такого «христианского» опыта стала Бетти Мальц, опубликовавшая книгу о двадцативосьминутном пребывании «вне тела», пока она переживала клиническую смерть. После смерти она тотчас ощутила себя «восходящей по красивому зеленому холму... Я шла по траве такого ярко-зеленого цвета, какой я никогда ранее не видела». Ее сопровождала фигура, «высокая, похожая на мужскую, в широкой одежде. Я спрашивала себя, не Ангел ли это... Пока мы шли бок о бок, я не видела солнца, но повсюду был свет. Слева, вдали, большое разнообразие растущих цветов, деревья, кустарники... Мы пришли к величественному серебристому

сооружению, похожему на дворец без башен. Из него слышались мелодичные голоса, гармонично сливающиеся в хор, я уловила слово “Иисус”... Ангел, подойдя к воротам, положил на них ладонь. Ворота — их я не видела раньше — были сплошь из жемчуга, высотой около двенадцати футов». Когда они отворились, «предстала золотистая улица с покрытием из стекла. Золотистый свет был слепящим. Никого не было кругом, но я ощущала чье-то присутствие. Внезапно поняла: этим светом был Иисус». Получив приглашение войти в ворота, она вспомнила о своем отце, который за нее молился. Ворота закрылись; спустившись с холма, она заметила солнце, восходящее над сияющей драгоценными камнями стеной, которое вскоре превратилось в восход над городом Тер-От (Terre-Haute), где в больнице она вернулась в свое тело, и все признали это чудом⁸³.

Отличается ли данный опыт от всего, о чем сообщает д-р Моуди? Христианское ли это видение «неба» (госпожа Мальц — протестантка по вероисповеданию, и ее вера укрепилась после пережитого)? Православный читатель не столь уверен в таковом, как протестантские авторы. Каким бы ни обладали мы знанием о восхождении души к небу после смерти, через что она проходит и как туда попадает (об этом ниже), предыдущий опыт не слишком отличается от мирских впечатлений, о которых пишут повсюду. Если оставить христианскую окраску, приданную верующей протестанткой (Ангел, гимн, присутствие Иисуса), налицо несколько моментов, общих с мирскими: ощущение мира, покоя (контраст с месяцами ее тяжелой болезни), «светлое существо», которое и другие отождествляют с Иисусом, приближение к области, лежащей по ту сторону «границы». Немного странно, что она видит восход солнца, принадлежащий миру земному, над сверкающими драгоценными камнями стенами, если это было небо... Как понимать все сие? В ряде новых книг приводятся похожие опыты, анализ которых позволит сформировать более ясную картину того, что происходит.

Одна из книг — «Голоса на краю вечности» — составлена из «христианских» (больше — протестантских) случаев умирания и «посмертного» бытия. В одном из приведенных случаев женщина «умерла», освободилась от тела и очутилась в месте, наполненном светом, льющимся из распахнутого в «небо окна». «Все земные радости померкли перед увиденным мною. Мне хотелось

присоединиться к большой группе детей, веселящихся и поющих в яблонево́м саду... На деревьях благоухали цветы, и на них в то же время висели спелые красные плоды. Пребывая там и упиваясь красотой, я постепенно ощутила “присутствие” радости, сострадания и любви. Мое сердце стремилось стать частью этого». После пятнадцатиминутного пребывания по ту сторону жизни она вернулась в свое тело. «Оставшуюся часть дня и весь следующий день иной мир для меня был более реальным, чем тот, в который вернулась»⁸⁴, — свидетельствовала женщина. Это событие стало причиной «духовной» радости, похожей на ту, что пережила госпожа Мальц, и придало новый религиозный смысл ее жизни, но увиденный ею образ «неба» был иным.

Яркий «посмертный» опыт имел врач из Вирджинии Джордж Ричи. Краткое сообщение о произошедшем было напечатано в «Гайдпост мэгэзин» (“Guideposts Magazine”) в 1963 году, а более пространная версия — в виде книги «Возвращение из завтра», выпущенной издательством «Чозен букс» (Chosen Books). Согласно этому сообщению, в молодости Джордж Ричи пережил пребывание вне тела (смерть была констатирована). Когда Ричи вернулся в маленькую комнату, где он лежал, тогда и понял, что «мертв». Комнату залил свет, и он чувствовал, что это Христос. «В Его присутствии я ощутил такое утешение и такую радость, что в изумленном восхищении я захотел навсегда расстаться с собой». После промелькнувших перед ним событий его жизни и вопроса: «Как ты использовал свое время на земле?» — он увидел три видения. Первые два открыли перед ним «иной мир, занимающий пространство», что и земля, и со многими земными образами (улицы, деревни, университеты, библиотеки, лаборатории). «На мир, идущий к своему концу (*final world*), я взглянул лишь мимоходом. Теперь мы, наверное, были не на земле, а где-то далеко, вне всякой связи с ней. На большом расстоянии от себя я увидел город, и причем город, если можно такое понять, выстроенный из света... стены, дома, улицы излучали свет, по ним двигались светящиеся существа, как и некто, стоящий рядом со мной. Видение сие было мимолетным. В следующее мгновение стены маленькой комнаты сомкнулись, слепящий свет померк, мною овладел странный сон»⁸⁵. Джордж Ричи никогда не читал о жизни после смерти; этот случай сделал его активным членом протестантской церкви.

Этот потрясающий случай имел место в 1943 году, но подобные воскрешения не уникальны, если их сопоставить с реанимационными отчетами за последние несколько лет. Протестантский пастор Норман Винсент Пил, регистрируя похожие события, дает такой комментарий: «Я не считаю, что это галлюцинации, видения, сновидения. Много лет я потратил на беседы с людьми, которые были на краю “чего-то” и заглядывали туда, все единодушно говорили о мире, свете, красоте, — чтобы у меня осталось сомнение»⁸⁶. В книге «Голоса на краю вечности» приводятся многочисленные примеры из трех антологий XIX века о видениях на смертном одре и опытах предсмертных переживаний. Хотя ни один из этих примеров не столь подробен, как некоторые из недавних случаев, они дают убедительные доказательства того, что видения умирающим потустороннего были довольно распространенным явлением. Те, кто считал себя христианином и готовым к смерти, испытывали чувство мира, радости, видели свет, Ангелов, «небеса», а неверующие (в более религиозной Америке XIX века!) часто видят бесов и ад.

Установив **факт** этих видений, мы должны ответить на вопрос: какова их природа? Действительно ли видение «неба» распространено среди тех, кто, умирая, как христиане (насколько они это понимают), остаются вне Церкви Христовой, Церкви Православной?

В наших рассуждениях о природе и ценности таких опытов мы вернемся к вопросу о «встрече с другими». Проанализируем опыты смерти **нехристиан**, чтобы увидеть, насколько они отличны от опытов смерти тех, кто исповедует себя христианином. Если нехристиане обычно видят «небеса», то придется признать их опыты естественными для каждого, а не исключительно христианскими. Книга д-ров Осиса и Харальдссона имеет множество таких свидетельств.

Исследователи сообщают примерно о семидесяти пяти случаях созерцания потустороннего мира умирающими пациентами. Некоторые описывают необычайно красивые луга и сады, другие видят врата, за которыми прекрасное селение или город, слышат небесную музыку. Часто ко всему этому примешиваются мирские образы, как на примере с американкой, приехавшей в чудный сад на такси, или с индианкой, отправившейся в «небо» на корове⁸⁷, или же с нью-йоркцем, который, попав на поле с пышной растительностью,

почувствовал в душе «счастье и радость», видя при этом здания Манхэттена и парк развлечений⁸⁸.

Знаменательно то, что следует из работы Осиса и Харальдссона: индусы видят «небо» так же часто, как и христиане. Но если последним является «Иисус» и «ангелы», то первые нередко видят индуистских богов и храмы⁸⁹. Еще важнее, что глубина религиозности пациентов не влияет на способность видеть потусторонние видения. «Глубоко религиозные пациенты видели сады, ворота и небеса ничуть не чаще, чем менее религиозные или вообще не религиозные»⁹⁰. Действительно, один из членов Индийской коммунистической партии, атеист и материалист, во время смерти был перенесен в «прекрасное неземное место... Слышал музыку и видел вдалеке поющих. Осознав, что вернулся к жизни, сожалел об утраченном видении»⁹¹. Другой человек при попытке самоубийства, умирая, сообщил: «Я на небесах. Вокруг много улиц с домами и большими деревьями, ветви которых усыпаны сладкими плодами и поющими маленькими птичками»⁹². Большинство переживших подобные опыты ощущали безмерную радость, умиротворение, спокойствие, готовность принять смерть, лишь немногие хотели вернуться к жизни⁹³.

Из всего сказанного ясно, что надлежит быть чрезвычайно осторожными в истолковании видений «неба», которые видят умирающие или «умершие». Как ранее, при анализе «встреч с другими» в главе II, так и ныне мы должны четко разграничить подлинные, благодатные видения горнего мира и естественные впечатления, которые хотя и выходят за пределы человеческого опыта, но ни в какой степени не являются духовными и ничего не сообщают о реальности небес или ада, как преподается христианством.

Нам предстоит самая ответственная часть исследований «посмертного» и предсмертного опытов: приложив к ним подлинное православное учение о загробной жизни, вынести суждение о таких опытах, определить важность и значение их для нашего времени. Так или иначе уже можно дать предварительную оценку опытов «неба», о которых сегодня столь привычно рассказывают: большинство из них не имеют ничего общего с христианским созерцанием неба. Они имеют не духовное, а мирское содержание и столь мимолетны, легкодостижимы, заурядны в своей образности, что не может быть

серьезного сопоставления с истинными христианскими видениями прошлых веков, некоторые из которых будут описаны ниже. Самый «духовный» элемент в них — ощущение присутствия «Христа» — в который раз свидетельствует о духовной незрелости тех, кто вовлечен в эти опыты. У христианских святых Божественное присутствие рождало глубокое благоговение, покаяние и страх перед Богом (примером может служить явление Христа святому апостолу Павлу по пути в Дамаск — см. Деян. 9, 3-9), а опыты наших дней вызывают состояния «успокоения» и «умиротворенности», характерные для спиритического движения пятидесятников.

Нет сомнений, что эти случаи необычны; многие из них нельзя свести к галлюцинациям; по-видимому, они возникают вне рамок земной жизни, в сфере между жизнью и смертью.

Что же это за сфера? Чтобы понять и ответить на данный вопрос, рассмотрим истинное христианское свидетельство, а затем проанализируем, как и д-р Моуди с другими пишущими на эту тему, сочинения современных оккультистов и тех, кто бывал в «иных» мирах. Последний источник, если понимать его правильно, дает удивительное подтверждение христианской истины.

Для начала поставим вопрос: что это за область, куда, согласно христианскому учению, душа после смерти попадает прежде всего?

V. Воздушная область духов

Для того чтобы понять, в какую область входит душа в момент смерти, мы должны рассмотреть человеческую природу во всей ее полноте. Какова была природа человека до его грехопадения? Какие изменения произошли после падения? Какими способностями владеет человек для вступления в общение с существами духовными?

Наиболее обстоятельный православный ответ на эти вопросы мы найдем в третьем томе указанного Собрания сочинений свт. Игнатия Брянчанинова, к которому уже обращались, когда касались учения об Ангелах. Свт. Игнатий посвятил часть данного тома анализу «чувственного восприятия духов», то есть явления Ангелов и бесов людям. В дальнейшем мы будем цитировать данный труд⁹⁴, в котором православное святоотеческое учение трезвенно и точно передается одним из величайших православных отцов нашего времени⁹⁵.

1. Первозданная природа человека

«До падения человека тело его было бессмертно, чуждо недугов, чуждо настоящей его дебелости и тяжести, чуждо греховных и плотских ощущений, ныне ему естественных» (*Преп. Макарий Великий. Слово 4*). Чувства его были несравненно тоньше, действие их было несравненно обширнее, вполне свободно. Облеченный в такое тело, с такими органами чувств, человек был способен к чувственному видению духов, к разряду которых он принадлежал душою, был способен к общению с ними, к тому Боговидению и общению с Богом, которые сродни святым духам. Святое тело человека не служило для сего препятствием, не отделяло человека от мира духов. Человек, облеченный в тело, способен был для жительства в рае, в котором ныне способны пребывать одни святые, и одними душами своими, в который взойдут и тела святых по воскресении. Тогда эти тела оставят в гробах свою дебелость, усвоившуюся им по падении; тогда они соделаются духовными, даже духами, по выражению преподобного Макария Великого (*Слово 6, 13*), явят в себе те свойства, которые им

даны были при сотворении⁹⁶. Тогда человеки снова вступят в разряд святых духов и в открытое общение с ними. Образец тела, которое вместе было и тело, и дух, мы видим в теле Господа нашего Иисуса Христа по Его воскресении.

2. Грехопадение человека

Падением изменились и душа, и тело человеческия. В собственном смысле падение было для них вместе и смертью. Видимая и называемая нами смерть в сущности есть только разлучение души с телом, прежде того уже умерщвленных отступлением от них истинной жизни, Бога. Мы рождаемся уже убитыми вечною смертью! Мы не чувствуем, что мы убиты, по общему свойству мертвецов не чувствовать своего умерщвления! Недуги нашего тела, подчинение его неприязненному влиянию различных веществ из вещественного мира, его дебелость суть следствия падения. По причине падения наше тело вступило в один разряд с телами животных; оно существует жизнью животных, жизнью своего падшего естества. Оно служит для души темницею и гробом.

Сильны употребляемые нами выражения! Но они еще недостаточно выражают ниспадение нашего тела с высоты состояния духовного в состояние плотское. Нужно очищение себя тщательным покаянием, нужно ощутить хотя в некоторой степени свободу и высоту состояния духовного, чтобы стяжать понятие о бедственном состоянии нашего тела, о состоянии его мертвости, причиненной отчуждением от Бога.

В этом состоянии мертвости, по причине крайней дебелости и грубости, телесные чувства не способны к общению с духами, не видят их, не слышат их, не ощущают. Так, притупленная секира уже не способна к употреблению по ея назначению. Святые духи уклонились от общения с человеками как с недостойными такого общения; духи падшие, увлекшие нас в свое падение, смешались с нами и, чтоб удобнее содержать нас в плену, стараются сделать и себя, и свои цепи для нас незаметными. Если же они и открывают себя, то открывают для того, чтобы укрепить свое владычество над нами.

Всем нам, находящимся в рабстве у греха, надо знать, что общение со святыми Ангелами не свойственно нам по причине нашего отчуждения от них падением, что нам свойственно, по той же причине, общение с духами отверженными, к разряду которых мы принадлежим душою, — что чувственно являющиеся духи человекам, пребывающим в греховности и падении, суть демоны, а никак не святые Ангелы. “Душа оскверненная, сказал святой Исаак Сирский, не входит в чистое царство и не сочетается с духами святых” (Слово 74). Святые Ангелы являются только святым человекам, восстановившим с Богом и с ними общение святой жизнью⁹⁷.

3. Общение с падшими духами

Хотя демоны, являясь человекам, наиболее принимают вид светлых Ангелов для удобнейшего обмана, хотя и стараются иногда уверить, что они — человеческие души, а не бесы⁹⁸, хотя они иногда и предсказывают будущее, хотя открывают тайны, но вверяться им никак не должно. У них истина перемешана с ложью, истина употребляется по временам только для удобнейшего обольщения.

Ведь *сатана преобразуется во Ангела света и служители его преобразуются, яко служители правды* (2 Кор. 11, 14-15), — сказал святой апостол Павел⁹⁹.

«Общее правило для всех человеков состоит в том, чтоб никак не вверяться духам, когда они явятся чувственным образом, не входить в беседу с ними, не обращать на них никакого внимания, признавать явление их величайшим и опаснейшим искушением. Во время этого искушения должно устремлять мысль и сердце к Богу с молитвою о помиловании и об избавлении от искушения. Желание видеть духов, любопытство узнать что-нибудь о них и от них есть признак величайшего безрассудства и совершенного незнания нравственных и деятельных преданий Православной Церкви. Познание духов приобретается совершенно иначе, нежели как то предполагает неопытный и неосторожный испытатель. Открытое общение с духами для неопытного есть величайшее бедствие или служит источником величайших бедствий.

Боговдохновенный писатель Бытейской книги говорит, что по падении первых людей Бог, произнесши приговор над ними, еще до изгнания их из рая, *сотвори им ризы кожаны и облече их* (Быт. 3, 21). Ризы кожаные, по объяснению святых отцов (*Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. III, 1*), означают нашу грубую плоть, которая, при падении, изменилась: утратила свою тонкость и духовность, получила настоящую свою дебелость. Хотя начальною причиною изменения и было падение, но изменение совершилось под влиянием Всемогущего Творца, по неизреченной Его милости к нам, к нашему величайшему благу. Между прочими полезными для нас последствиями, истекающими из состояния, в котором ныне находится наше тело, мы должны указать на то, что, чрез допущение дебелости нашему телу, мы сделались неспособными к чувственному видению духов, в область которых мы ниспали... Премудрость и благодать Божия положила преграду между человеками, низверженными на землю из рая, и духами, низверженными на землю с неба, — грубую вещественность тела человеческого. Так земные правительства отделяют темничною стеною злодеев от общества человеческого, чтоб они по произволу не вредили этому обществу и не развращали прочих человеков (*Преп. Иоанн Кассиан. Собеседование VIII, 12*). Духи падшие действуют на человеков, принося им греховные помыслы и ощущения; до чувственного видения духов достигают весьма немногие человеки»¹⁰⁰.

«Душа, облеченная в тело, закрытая и отделенная им от мира духов, постепенно образует себя изучением закона Божия, или, что то же, изучением христианства, и стяжывает способность различать добро от зла (ср. Евр. 5, 14). Тогда даруется ей духовное видение духов и, если то окажется сообразным с целями руководствующаго ею Бога, чувственное, так как обман и обольщение для нее уже гораздо менее опасны, а опытность и знание полезны.

При разлучении души от тела видимую смертью мы снова вступаем в разряд и общество духов. Из этого видно, что для благополучного вступления в мир духов необходимо благовременное образование себя законом Божиим, что именно для этого образования и предоставлено нам некоторое время, определяемое каждому человеку Богом для странствования по земле. Это странствование называется земною жизнью»¹⁰¹.

4. Отвержение чувств

«Человеки делаются способными видеть духов при некотором изменении чувств, которое совершается неприметным и необъяснимым для человека образом. Он только замечает в себе, что внезапно начал видеть то, чего доселе не видел и чего не видят другие, — слышать то, чего доселе не слышал. Для испытавших на себе такое изменение чувств оно очень просто и естественно, хотя необъяснимо для себя и для других; для неиспытанных — оно странно и непонятно. Так, всем известно, что люди способны погружаться в сон; но что за явление — сон, каким образом незаметно для себя мы переходим из состояния бодрости в состояние усыпления и самозабвения — это остается для нас тайною. Изменение чувств, при котором человек входит в чувственное общение с существами невидимого мира, называется в Священном Писании *отвержением чувств*. *Отверже Бог, — говорит Писание, — очи Валааму, и узре Ангела Божия противостояща на пути, и меч извлечен в руке его* (Чис. 22, 31). Окруженный врагами, пророк Елисей, чтоб успокоить уstraшенного слугу своего, *помолися и рече: Господи, отверзи ныне очи отрока, да узрит. И отверже Господь очи его, и виде, и се, гора исполнь коней, и колесница огненна окрест Елисеа* (4 Цар. 6, 17)¹⁰².

Из приведенных мест Священного Писания явствует, что телесные чувства служат как бы дверями и вратами во внутреннюю клетку, где пребывает душа, что эти врата отворяются и затворяются по мановению Бога. Премудро и милосердно пребывают эти врата постоянно заключенными в падших человеках, чтоб заклятые враги наши, падшие духи, не вторгались к нам и не губили нас. Эта мера тем необходимее, что мы по падении находимся в области **падших**¹⁰³ духов, окружены ими, поработаны ими. Не имея возможности ворваться к нам, они извне подают нам знать о себе, принося различные греховные помыслы и мечтания, ими привлекая легковверную душу в общение с собою. Непозволительно человеку устранять смотрение Божие и собственными средствами, по попущению Божию, а не по воле Божией, отверзать свои чувства и входить в явное общение с духами. Но и это случается. Очевидно, что

собственными средствами можно достигнуть общения только с падшими духами. Святым Ангелам не свойственно принимать участие в деле, несогласном с волею Божиею, в деле, неблагоугодном Богу. Чем влекутся человеки к вступлению в открытое общение с духами? Легкомысленные и не знающие деятельного христианства увлекаются любопытством, незнанием, неверием, не понимая, что, вступив в такое общение, они могут нанести себе величайший вред»¹⁰⁴.

«Мысль, что в чувственном видении духов заключается что-либо особенно важное, ошибочна. Чувственное видение, без духовного, не доставляет должного понятия о духах, доставляет одно поверхностное понятие о них, очень удобно может доставить понятия самые ошибочные, и их-то наиболее и доставляет неопытным и зараженным тщеславием и самомнением. Духовного видения духов достигают одни истинные христиане, а к чувственному наиболее способны люди самой порочной жизни... Весьма немногие способны к нему по естественному сложению¹⁰⁵; весьма немногим являются духи по поводу какого-либо особенного обстоятельства в жизни. В последних двух случаях человек не подлежит порицанию, но должен приложить все тщание, чтоб выйти из этого положения как весьма опасного. В наше время многие позволяют себе входить в общение с падшими духами посредством магнетизма [спиритизма]¹⁰⁶, падшие духи обыкновенно являются в виде светлых Ангелов, обольщают и обманывают различными интересными сказками, перемешивая правду с ложью, — всегда причиняют крайнее душевное и даже умственное расстройство»¹⁰⁷.

«Да не мнят о себе что-либо увидевшие чувственно духов, даже святых Ангелов: это видение одно, само по себе, нисколько не служит свидетельством о достоинстве видевших: к нему способны не только порочные человеки, но и самые бессловесные животные (Чис. 22, 23)»¹⁰⁸.

5. Опасность общения с духами

«Видение чувственными очами духов приносит всегда больший или меньший вред тем человекам, которые не имеют духовного

видения. Здесь, на земле, образы истины перемешаны с образами лжи (св. Исаака Сирского Слово 2), как в стране, в которой перемешано добро со злом, как в стране изгнания падших ангелов и падших человеков»¹⁰⁹.

«Видящий чувственно духов легко может быть обманут в свое повреждение и гибель. Если же он, при видении духов, окажет доверенность к ним или легковерие, то он непременно будет обманут, непременно будет увлечен, непременно будет запечатлен непонятною для неопытных печатью обольщения, печатью страшного повреждения в своем духе, причем часто теряется возможность исправления и спасения. Со многими, с весьма многими это случалось. Случилось это не только с язычниками, которых жрецы были по большей части в открытом общении с демонами; случилось это не только со многими христианами, не знающими тайн христианства и по какому-нибудь обстоятельству вступившими в общение с духами; случалось это со многими подвижниками и иноками, не стяжавшими духовного видения духов и увидевшими их чувственно.

Одним только христианским подвижничеством доставляется правильный, законный вход в мир духов. Все прочие средства незаконны и должны быть отвергнуты как непотребные и пагубные. Истинного Христова подвижника вводит в видение Сам Бог. Когда руководит Бог, тогда отделяются призраки истины, в которые облекается ложь, от истины; тогда даруется подвижнику, во-первых, духовное видение духов, подробно и с точностью обнаруживающее пред ним свойства этих духов. Уже после этого даруется некоторым подвижникам чувственное видение духов, которым пополняются познания о них, доставленные видением духовным»¹¹⁰.

6. Некоторые практические советы

Свт. Игнатий Брянчанинов извлекает из жития преп. Антония, написанного св. Афанасием (оно указано выше как главный источник знаний о бесовской деятельности), практические советы для христианских подвижников: как относиться к чувственному восприятию духов, если такое с кем-нибудь случится. Они представляют исключительную ценность для всех, кто хочет

проводить подлинную христианскую жизнь в наши дни, когда (по причинам, которые мы объясним ниже) чувственное восприятие духов становится более распространенным, чем ранее.

Преп. Антоний поучает: «И следующее нужно знать вам для вашей безопасности. Когда представится какое-либо видение, не допусти себе испуга, но, каково бы ни было это видение, мужественно спроси его, во-первых: “Кто ты и откуда?” Если то будет явление святых, то они успокоят тебя и страх твой обратят в радость. Если же явление диавольское, то оно, встретив в душе твердость, немедленно придет в колебание, потому что вопрос “Кто ты и откуда?” служит признаком неустрашимой души. Сделав такой вопрос, Иисус Навин удостоверился в истине (Нав. 5, 13), а от Даниила не скрылся враг (Дан. 10, 20)»¹¹¹.

Епископ Игнатий рассказывает, что даже преп. Симеон Столпник (память 1 сентября) чуть не был прельщен бесом, представшим ему в виде Ангела на огненной колеснице, и предостерегает православных христиан нашего времени: «Если святые находились в такой опасности быть обманутыми лукавыми духами, то для нас эта опасность еще страшнее. Если святые не всегда узнавали демонов, являвшихся им в виде святых и Самого Христа, то как возможно нам думать о себе, что мы безошибочно узнаем их? Одно средство спасения от духов заключается в том, чтобы решительно отказываться от видения их и от общения с ними, признавая себя к таким видению и общению неспособными».

Святые наставники христианского подвижничества «заповедуют благочестивым подвижникам не вверяться никакому образу или видению, если они внезапно представятся, не входить с ними в беседу, не обращать на них внимания. Они заповедуют при таких явлениях ограждать себя знаменем креста, закрывать глаза и, в решительном сознании своего недостойнства и неспособности к видению святых духов, молить Бога, чтобы Он покрыл нас от всех козней и обольщений, злохитро расставляемых человеком духами злобы, зараженными неисцельною ненавистью и завистью к человеку»¹¹².

Далее свт. Игнатий цитирует преп. Григория Синаита: «Ты никак не прими, если увидишь что чувственно или умом, вне или внутри себя, будет ли то образ Христа, или Ангела, или какого святого, или если возмечтается и изобразится воображением в уме свет: ибо и

самому уму свойственна по естеству мечтательность, и он удобно составляет образы, какие желает, что обычно не внимающим себе строго и чем они наносят вред самим себе...»¹¹³

Заключение

В заключение свт. Игнатий учит:

«Единственный правильный вход в мир духов — христианское подвижничество. Единственный правильный вход к чувственному видению духов — христианское преуспеяние и совершенство»¹¹⁴.

«В свое время, назначаемое Единым Богом и известное Единому Богу, мы непременно вступим в мир духов. Недалеко от каждого из нас это время! Всеблагий Бог дарует нам так провести земную жизнь, чтоб мы еще во время ее расторгли общение с духами падшими, вступили в общение с духами святыми, чтоб мы на этом основании, совлекшись тела, были причислены к святым духам, а не к духам отверженным»¹¹⁵.

Учение свт. Игнатия Брянчанинова, изложенное более ста лет назад, могло быть написано и сегодня: столь точно оно передает духовные соблазны нашего времени, когда «двери восприятия» (популярная фраза Олдоса Хаксли, экспериментатора в этой области) открыты в людях в такой степени, о которой не могли мечтать во времена епископа Игнатия.

Вряд ли эти слова нуждаются в комментарии. Проницательный читатель, наверное, уже соотнес их с «посмертными» опытами, о которых мы рассказываем здесь, и почувствовал, сколь опасны они для человеческой души. Тот, кто знаком с вышеизложенным православным учением, не может не смотреть с изумлением и ужасом на легкость, с которой современные «христиане» доверяют видениям и явлениям, сейчас столь распространенным. Причина такой доверчивости ясна: римо-католицизм и протестантизм, в течение многих веков и вплоть до сего дня оторванные от православного учения и аскетической практики, утратили способность ориентироваться в духовном мире. Существенное христианское качество — недоверие к своим «благим» мыслям и чувствам — стало им совершенно чуждо. В результате «духовные» опыты и явления духов сегодня более обычны, чем в

первые века христианства, и легковверное человечество уже подготовлено к принятию теории чудес духовных «нового века» или к «иному излиянию Святого Духа», чтобы объяснить сей факт. Как духовно обнищало человечество, если мнит себя христианским тогда, когда готово к веку бесовских чудес! И это — знамение последних времен (см. Откр. 16, 14).

Следует добавить, что и сами православные христиане, теоретически знающие православное учение, редко в нем наставлены и, подобно нехристианам, легко прельщаются. Настало время, чтобы те, кому оно принадлежит от рождения, вернули его себе!

Те, кто сейчас описывает свои «посмертные» опыты, доверяют себе, как и любой сбитый с толку человек в прошлом. Во всей современной литературе мало случаев, когда серьезно задаются вопросом, не могла ли хоть часть пережитого быть от дьявола. Православный читатель, безусловно, постарается понять эти явления в свете святоотеческих творений и житий святых.

Нам же надлежит пойти дальше и посмотреть, что происходит с душой в момент смерти, когда она покидает тело и вступает в область духов, согласно мнению Православной Церкви.

VI. Воздушные мытарства

Особым местом, где в падшем мире обитают духи и где с ними сталкиваются души новопреставленных, является **воздух**. Для понимания современных «посмертных» опытов нужно ясно понимать, что из себя представляет эта область. Свт. Игнатий так описывает ее.

«Слово Божие и содействующий слову Дух открывают нам, при посредстве избранных сосудов своих, что пространство между небом и землею, вся видимая нами лазуревая бездна, воздух, поднебесная, служит жилищем для падших ангелов, низвергнутых с неба...

Святой апостол Павел называет падших ангелов *духами злобы поднебесными* (Еф. 6, 12), а главу их — *князем власти воздушной* (Еф. 2, 2). Падшие ангелы рассеяны во множестве по всей прозрачной бездне, которую мы видим над собою. Они не перестают возмущать все общества человеческие и каждого человека порознь; нет злодеяния, нет преступления, которого бы они не были зачинщиками и участниками; они склоняют и научают человека греху всевозможными средствами. *Супостат ваш диавол*, — говорит святой апостол Петр, — *яко лев рыкая, ходит, иский, кого поглотити* (1 Пет. 5, 8), и во время земной жизни нашей, и по разлучении души с телом. Когда душа христианина, оставив свою земную храмину, начнет стремиться чрез воздушное пространство в горнее отечество, демоны останавливают ее, стараются найти в ней сродство с собою, свою греховность, свое падение и низвести ее во ад, уготованный *диаволу и ангелом его*. Так действуют они по праву, приобретенному ими»¹¹⁶.

После грехопадения Адама, продолжает свт. Игнатий, когда рай был закрыт для человека и охранялся пламенным оружием Херувима (см. Быт. 3, 24), князь падших духов, сатана, с сонмами подвластных ему духов «стал на пути от земли к раю и с того времени до спасительного страдания и животворной смерти Христовой не пропустил по пути тому ни одной души человеческой, разлучившейся с телом. Врата небесные заключились для человеков навсегда. И праведники, и грешники нисходили во ад. Врата вечные и пути непроходимые открылись пред Господом нашим Иисусом Христом»¹¹⁷.

После нашего искупления Иисусом Христом «все, явно отвергшие Искупителя, отсеяны составляют достояние сатаны: души их, по разлучении с телами, нисходят прямо во ад. Но и христиане, уклоняющиеся ко греху, недостойны немедленного переселения из земной жизни в блаженную вечность. Самая справедливость требует, чтобы эти уклонения ко греху, эти измены Искупителю были взвешены и оценены. Необходимы суд и разбор, чтобы определить степень уклонения ко греху христианской души, чтобы определить, что преобладает в ней — вечная жизнь или вечная смерть. И ожидает каждую христианскую душу, по исшествии ее из тела, нелицеприятный Суд Божий, как сказал святой апостол Павел: *лежит человеком единою умереть, потом же суд* (Евр. 9, 27).

Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стражи в замечательном порядке. По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведывает особенным видом греха и истязывает в нем душу, когда душа достигнет этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в Отеческих писаниях *мытарствами*, а духи, служащие в них, — *мытарями*»¹¹⁸.

1. Как понимать мытарства

Пожалуй, ни один вопрос православного учения о грядущих судьбах мира не был так неверно понимаем, как воздушные мытарства. Многие выпускники современных православных семинарий склонны видеть в них разновидность «позднейшего добавления» к церковному учению или «воображаемую» сферу, не имеющую основания ни в Священном Писании, ни в святоотеческих текстах, ни в духовной реальности. Такие студенты — жертвы рационалистического образования, которому недостает тонкого понимания разных уровней действительности, изображаемой в православных текстах, а также осознания всех смысловых оттенков Священного Писания и трудов святых отцов. Современный рационалистический, чрезмерный акцент на «буквальном» значении текстов, равно как и «реалистичное», или приземленное, понимание событий, описанных в Священном Писании

и в житиях святых, ведут к затушевыванию и даже полному сокрытию духовного смысла и духовного опыта — основного и важного по православным источникам. Поэтому свт. Игнатий — с одной стороны, «утонченный» интеллектуал своего времени, а с другой — истинный и верный сын Церкви — может стать посредником, с помощью которого православные интеллектуалы наших дней могли бы найти путь возвращения к подлинному православному Преданию.

Прежде чем излагать далее учение свт. Игнатия о воздушных мытарствах, нам следует упомянуть о предостережениях двух православных мыслителей, одного современного и одного древнего, обращенных к тем, кто приступает к исследованию реальности потустороннего мира.

В XIX веке митрополит Московский Макарий, рассуждая о состоянии душ после смерти, пишет: «Должно, однако ж, заметить, что, как вообще в изображении предметов мира духовного для нас, облеченных плотию, неизбежны черты, более или менее чувственные, человекообразные, — так, в частности, неизбежно допущены они и в подробном учении о мытарствах, которые проходит человеческая душа по разлучении с телом. А потому надобно твердо помнить наставление, какое сделал Ангел преп. Макарию Александрийскому, едва только начинал речь о мытарствах: “Земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение небесных. Надобно представлять мытарства не в смысле грубом, чувственном, а, сколько для нас возможно, в смысле духовном и не привязываться к частностям, которые у разных писателей и в разных сказаниях самой Церкви, при единстве основной мысли о мытарствах, представляются различными”»¹¹⁹.

Некоторые примеры таких подробностей, которые не следует понимать «грубо и чувственно», представлены св. Григорием Двоесловом в четвертой книге его «Диалогов», посвященной, как мы отмечали, жизни после смерти.

Описывая посмертное видение некоего Репарата, который видел на вершине огромного костра грешного священника, св. Григорий пишет: «Увиденный Репаратом костер из дров не означает, что в аду горят дрова. Значением этого было явить ему живую картину горящего ада, чтобы, когда он рассказывал об этом людям, они могли научиться

страху перед вечным огнем посредством хорошо известных им образов огня вещественного»¹²⁰.

Далее, описав, как один человек был отослан после смерти назад из-за «ошибки» — на деле из жизни отзывался другой, носивший такое же имя (что случается и в наше время), — св. Григорий добавляет: «Когда такое происходит, по тщательном рассуждении откроется то, что это не ошибка, а предупреждение. В Своем безграничном милосердии благий Бог позволяет некоторым душам после смерти возвратиться в свои тела, чтобы вид ада мог научить страху перед вечным наказанием, в которое не могли заставить поверить слова»¹²¹.

Когда другому человеку в посмертном видении были показаны золотые райские жилища, св. Григорий замечает: «Конечно, никто обладающий здравым смыслом не поймет это буквально... поскольку вечная слава заслуживается щедростью в раздаче милостыни, то вполне возможно построить вечную обитель из золота»¹²².

Далее мы подробнее остановимся на различии между **видениями** мира потустороннего и подлинным «внетелесным» опытом, который совершается в ином мире («посмертные» опыты и мытарства принадлежат к последней категории); но пока нам достаточно осмотрительно и здраво подходить ко всем случаям контакта с потусторонним миром. Никто наставленный в православном учении не скажет, что мытарства **нереальны** и что их **опытно не переживает** душа по смерти. Но мы должны помнить, что все это совершается не в грубом, материальном мире, что и время, и пространство, хотя и явно присутствуют, существенно отличаются от наших земных представлений о них, и, наконец, описания опытов, изложенных земным языком, не могут передать всей реальности событий. Всякому человеку, хорошо знакомому с православной литературой, где показана «посмертная» действительность, будет ясно, как отличить духовные истины от случайных деталей, выражаемых символами и образами. Разумеется, не существует воздушных «застав» или «будок», где собираются «подати», свитков и письменных принадлежностей, которыми записываются грехи, «весов», на которых взвешиваются добродетели, «золота», которым уплачиваются «долги», — во всех подобных случаях надлежит понимать, что эти образы лишь пояснительные средства, используемые для выражения духовной

реальности, с которой сталкивается душа. Действительно ли она **видит** эти образы, следуя выработанной в течение жизни привычке созерцать духовную реальность в телесной форме, или может вспомнить пережитое с их помощью, или просто не может выразить иначе — вопрос второстепенный, который не представлял большого значения для святых отцов и жизнеописателей святых, рассказывающих о подобных случаях. Достоверно то, что на самом деле **существует** истязание бесами, которые являются в жутком, но человеческом виде, обвиняют новопреставленного в грехах и пытаются завладеть тончайшим телом души, которое крепко держат Ангелы; все это происходит в воздухе над нами и могут увидеть те, чьи глаза открыты духовной реальности.

Теперь вернемся к излагаемому епископом Игнатием православному учению о воздушных мытарствах.

2. Святоотеческие свидетельства о мытарствах

«Учение о мытарствах есть учение Церкви. Несомненно, что святой апостол Павел говорит о них, когда возвещает, что христианам предлежит брань с поднебесными духами злобы (см. Еф. 6, 12). Это учение находим в древнейшем церковном предании и в церковных молитвословиях»¹²³.

Свт. Игнатий цитирует многих святых отцов, которые учат о мытарствах. Здесь мы приведем лишь несколько примеров.

«Святой Афанасий Великий, патриарх Александрийский, в жизнеописании преподобного Антония Великого повествует следующее. Однажды он [Антоний] при наступлении девятого часа, начав молиться перед вкушением пищи, был внезапно восхищен Духом и вознесен Ангелами на высоту. Воздушные демоны противились его шествию; Ангелы, препираясь с ними, требовали изложения причин их противодействия, потому что Антоний не имел никаких грехов. Демоны старались выставить грехи, соделанные им от самого рождения; но Ангелы заградили уста клеветников, сказав им, что они не должны исчислять согрешений его от рождения, уже изглаженных благодатью Христовою, но пусть представят, если имеют, грехи, соделанные им после того времени, как он

поступлением в монашество посвятил себя Богу. При обвинении демоны произносили много разной лжи; но как клеветы их лишены были доказательств, то для Антония открылся свободный путь. Тотчас он пришел в себя и увидел, что стоит на том самом месте, на котором стал для молитвы. Забыв о пище, он провел всю ночь в слезах и стенаниях, размышляя о множестве врагов человеческих, о борьбе с таким воинством, о трудности пути к небу чрез воздух и о словах апостола, который сказал: *Несть наша брань к плоти и крови, но к началом и ко властем воздушным* (Еф. 6, 12), — который, зная, что воздушные власти того только и доискиваются, о том заботятся со всем усилием, к тому напрягаются и стремятся, чтобы лишить нас свободного прохода к небу, увещевает: *Примите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют* (Еф. 6, 13), *да противный посрамится, ничтоже имея глаголати о нас укорно* (Тит. 2, 8)»¹²⁴.

Св. Иоанн Златоуст, описывая час смерти, в «Слове о терпении и благодарении и о том, чтобы мы не плакали неутешно о умерших», которое в Православной Церкви положено читать в субботу седьмую по Пасхе и при отпевании усопших, поучает: «Тогда нужны нам многие молитвы, многие помощники, многие добрые дела, великое заступление от Ангелов при шествии чрез воздушное пространство. Если, путешествуя в чужую страну или чужой город, нуждаемся в путеводителе, то сколько нужнее нам путеводители и помощники для руководства нас мимо невидимых старейшинств и властей — миродержителей этого воздуха, называемых и гонителями, и мытарями, и сборщиками податей!»

Преп. Макарий Великий пишет: «Слыша, что под небесами находятся реки змиев, уста львов, власти темные, огонь горящий и все члены в смятение приводящий, не знаеши ли, что если не восприимеши залога Святаго Духа при исхождении из тела, они душу твою поймут и воспрепятствуют тебе внити на небеса»¹²⁵.

Преп. Исаия Затворник (Отшельник), один из авторов «Добротолубия» (VI век), учит, что христианам подобает «ежедневно иметь пред очами смерть и заботиться о том, как совершить исход из тела и как пройти мимо властей тьмы, имеющих встретить нас на воздухе»¹²⁶. «Когда душа выйдет из тела, ей сопутствуют Ангелы; навстречу ей выходят темные силы, желая удержать ее и истязуя, не найдут ли в ней чего своего»¹²⁷.

И опять-таки преп. Исихий, пресвитер Иерусалимский (V век), поучает: «Найдет, наконец, и на нас час смертный — придет, и избежать его нельзя; и — о, если бы воздушный князь мира [имеющий встретить нас], пришедши тогда, нашел беззакония наши малыми и ничтожными, чтобы не мог справедливо обличить нас!»¹²⁸

Св. Григорий Двоеслов († 604) в своих «Беседах на Евангелия» пишет: «Надобно основательно размышлять о том, сколько страшен будет для нас час смертный, какой тогда ужас души, какое воспоминание всех зол, какое забвение протекшего счастья, какой страх и какое опасение Судии. Тогда злые духи в отходящей душе отыскивают дела ее; тогда они представляют на вид те грехи, к которым расположили ее, чтобы свою сообщницу увлечь на мучения. Но для чего мы говорим только о грешной душе, когда они приходят даже к избранным умирающим и в них отыскивают свое, если в чем успели? Среди людей был только Один, Кто прежде страдания Своего безбоязненно говорит: *К тому не много глаголю с вами. Грядет бо сего мира князь, и во Мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30)»¹²⁹.

Преп. Ефрем Сирийский († 373) так описывает час смерти и суд на мытарствах: «Когда приходят страшные воинства, когда божественные изъятители повелевают душе переселиться из тела, когда, увлекая нас силою, отводят в неминуемое судилище, тогда, увидев их, бедный человек... весь приходит в колебание, как от землетрясения, весь трепещет... божественные изъятители, появ душу, восходят по воздуху, где стоят начальства, и власти, и миродержители противных сил. Это злые наши обвинители, страшные мытники, описчики, данщики; они встречаются на пути, описывают и вычисляют грехи и рукописания сего человека, грехи юности и старости, вольные и невольные, совершённые делом, словом, помышлением. Великий там страх, великий трепет бедной душе, неопишима нужда, какую терпит тогда от неисчетного множества тьмами окружающих ее врагов, клеветующих на нее, чтобы не дать ей взойти на небо, поселиться в свете живых, вступить в страну жизни. Но святые Ангелы, взяв душу, отводят ее»¹³⁰.

Богослужения Православной Церкви тоже содержат много упоминаний о мытарствах. Так, в «Октоихе», творении преп. Иоанна Дамаскина (VIII век), мы читаем: «В час, Дево, конца моего руки бесовския мя исхити, и суда и прения, и страшнаго испытания, и

мытарств горьких, и князя лютаго, Богомати, и вечнаго осуждения» (Глас 4, в пяток, тропарь 8-й песни канона на утрени). И еще: «Егда плотскаго союза хочет душа моя от жития разлучитися, тогда ми предстани, Владычице, и безплотных врагов советы разори, и сих челюсти сокруши, ищущих пожрети мя нещадно: яко да невозбранно пройду на воздухе стоящия князи тмы, Богоневестная» (Глас 2, в субботу на утрени, стихиры на стиховне). Свт. Игнатий цитирует семнадцать подобных примеров из богослужебных книг, но этот перечень, разумеется, неполный.

Самое точное изложение учения о воздушных мытарствах среди ранних отцов Церкви содержится в «Слове о исходе души» Кирилла Александрийского († 444), которое всегда включалось в издания славянской Следованной Псалтири, то есть Псалтири, приспособленной для использования в богослужениях. Среди прочего, св. Кирилл говорит: «Прочее яковый страх и трепет чаеши, душе, имети в день он, зрящи страшных и дивих и жестоких и немилостивых, и безстудных демонов, яко муринов мрачных предстоящих! Яко и самое видение — едино лютейшее есть всякия муки, ихже зряще душа смущается, волнуется, болезнует, мятется и спрячется, к Божиим Ангелам прибегаючи. Держится убо душа от святых Ангел, воздухом проходящи, и возвышаема, обретает мытарства, хранящая восход, и держаща, и возбраняюща восходящим душам: коеждо бо мытарство своя их грехи приносит... каяждо страсть душевная, и всякий грех своя мытари имать и истязатели».

Большинство святых отцов, до и после св. Кирилла, рассуждают о мытарствах или о них упоминают. Митрополит Макарий Московский, догматист, составитель системы христианского вероучения (XIX век), процитировав многих из них, заключает: «Такое непрерывное, всегдашнее и повсеместное употребление в Церкви учения о мытарствах, особенно же между учителями четвертого века, непререкаемо свидетельствует, что оно передано им от учителей предшествовавших веков и основывается на предании апостольском»¹³¹.

3. Мытарства в житиях святых

Православные жития святых содержат в себе много красочных, живых свидетельств о том, как после смерти душа проходит мытарства. Самое подробное описание можно найти в житии св. Василия Нового (память 26 марта), повествующем о прохождении мытарств св. Феодорой, о чем сама св. Феодора передала в видении Григорию, ученику св. Василия. В нем упомянуты двадцать особых мытарств, на каждом испытуются свои виды грехов. Текст приводится целиком в сочинениях свт. Игнатия¹³². Кроме того, имеется английский перевод «Мытарств св. Феодоры»¹³³, в нем не содержится ничего особенного, чего нельзя найти в других православных источниках, поэтому здесь мы его опустим, чтобы процитировать некоторые другие, менее подробные, но сходные по основной канве событий.

В рассказе воина Таксиота¹³⁴ идет речь о том, как он вернулся к жизни после шести часов, проведенных в могиле, и передал следующее:

«Когда я умирал, увидел нескольких эфиопов, стоящих предо мною; вид их был очень страшен, и душа моя смутилась. Потом увидел я двух юношей, очень красивых; душа моя устремилась к ним, и тотчас, как бы взлетая от земли, мы стали подниматься к небу, встречая на пути мытарства, удерживающие душу всякого человека и каждое истязующее ее об особом грехе: одно обо лжи, другое о зависти, третье о гордости; так каждый грех в воздухе имеет своих испытателей. И вот увидел я в ковчеге, держимом Ангелами, все мои добрые дела, которые Ангелы сравнили с моими злыми делами. Так мы миновали эти мытарства. Когда же мы, приближаясь к вратам небесным, пришли на мытарство блуда, стражи задержали меня там и начали показывать все мои блудные плотские дела, совершённые мною с детства моего до смерти, и Ангелы, ведущие меня, сказали мне: “Все телесные грехи, которые содеял ты, находясь в городе, простил тебе Бог, так как ты покался в них”. Но противные духи сказали мне: “Но когда ты ушел из города, ты на поле соблудил с женой земледельца твоего”. Услыхав это, Ангелы не нашли доброго дела, которое можно было бы противопоставить греху тому, и, оставив меня, ушли. Тогда злые духи, взяв меня, начали бить и свели затем вниз; земля расступилась, и я, будучи веден узкими входами чрез тесные и смрадные скважины, сошел до самой глубины темниц адовых».

Свт. Игнатий приводит свидетельства о мытарствах в житиях св. великомученика Евстратия (IV век, память — 13 декабря), св. Нифонта из Констанции Кипрской, видевшего многие души, восходящие по мытарствам (IV век, память — 23 декабря), св. Симеона, Христа ради юродивого, Емесского (VI век, память — 21 июля), св. Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского (VII век; Пролог на 19 декабря), преп. Симеона, иже на Дивной горе (VII век; Пролог на 13 марта) и преп. Макария Великого (IV век, память — 19 января).

Святитель не был знаком с ранними памятниками православной письменности Запада, которые изобилуют описаниями мытарств, но никогда не переводились на греческий или русский язык. Само наименование «мытарства» принадлежит к восточной агиографической традиции, но описываемые в западных источниках реалии тождественны восточным.

Например, св. Колумба, основатель островного монастыря св. Ионы в Шотландии († 597), неоднократно в течение жизни видел борьбу воздушных демонов за души новопреставленных. Св. Адамнан († 704) сообщает об этом в житии святого. Вот только один случай.

Однажды св. Колумба созвал своих монахов и сказал: «Поможем молитвой монахам игумена Комгелла (Comgell), тонущим в этот час в Телячьем озере; сейчас они сражаются в воздухе против сил зла, сияющих отнять душу чужестранца, тонущего вместе с ними». После молитвы он произнес: «Возблагодарим Христа, ибо сейчас Ангелы встретили эти святые души, победоносно освободили чужестранца от нападавших бесов»¹³⁵.

Св. Бонифаций, англосаксонский «апостол германцев» (VIII век), передает в одном из своих писем рассказ, услышанный в Уэнлоке из уст некоего монаха, который умер и через несколько часов вернулся к жизни. Когда он вышел из тела, «его подхватили Ангелы такой чистой красоты, что он не смог смотреть на них... “Они понесли меня, — сказал он, — высоко в воздух”... Дальше он рассказал, что за то время, что он был вне тела, такое количество душ покинули свои тела и столпились в месте, где он находился, что ему казалось, будто их больше, чем все население земли. Он также сказал, что там была толпа злых духов и славный хор вышних Ангелов. И он сказал, что злые духи и святые Ангелы вели ожесточенный спор за души, вышедшие из

тел: демоны обвиняли их и усугубляли бремя грехов, а Ангелы облегчали это бремя и приводили смягчающие обстоятельства.

Он услышал, как все его грехи, начиная с юности, которые он или не исповедал, или забыл, или не осознал как грехи, вопиют против него, каждый собственным голосом, и со скорбью обвиняют его... Все, что он сделал за дни жизни своей и отказался исповедать, и многое, что он не посчитал за грех, — все они теперь выкрикивали [обвинения] против него страшными словами. И таким же образом злые духи, перечисляя пороки, обвиняя и принося свидетельства, называя даже время и место, приносили доказательства его злых дел... И вот, свалив в кучу и исчислив все его грехи, эти древние враги объявили его виновным и неоспоримо подверженным их власти.

“С другой стороны, — сказал он, — маленькие, жалкие добродетели, которые я имел недостойно и несовершенно, говорили в мою защиту... И эти Ангельские духи в их безграничной любви защищали и поддерживали меня, а немного преувеличенные добродетели казались мне прекрасными и куда большими, чем когда-либо я мог явить своими собственными силами”»¹³⁶.

4. Современные опыты прохождения мытарств

В рассказе «Невероятное для многих, но истинное происшествие» можно увидеть реакцию типичного «образованного» человека нашего времени на встречу с мытарствами во время его тридцатишестичасовой клинической смерти.

«Взяв меня под руки, Ангелы вынесли меня прямо через стену из палаты на улицу. Смеркалось уже, шел крупный, тихий снег. Я видел его, но холода и вообще перемены между комнатной температурой и надворною не ощущал. Очевидно, подобные вещи утратили для моего измененного тела свое значение. Мы стали быстро подниматься вверх. И по мере того как поднимались мы, взору моему открывалось все большее и большее пространство, и наконец оно приняло такие ужасающие размеры, что меня охватил страх от сознания моего ничтожества перед этой бесконечной пустыней...

Идея времени погасла в моем уме, и я не знаю, сколько мы еще поднимались вверх, как вдруг послышался сначала какой-то неясный

шум, а затем, выплыв откуда-то, к нам с криком и гоготом стала быстро приближаться толпа каких-то безобразных существ.

“Бесы!” — с необычайной быстротой сообразил я и оцепенел от какого-то особенного, неведомого мне дотоле ужаса. Бесы! О, сколько иронии, сколько самого искреннего смеха вызвало бы во мне всего несколько дней назад чье-нибудь сообщение не только о том, что он видел собственными глазами бесов, но что он допускает существование их как тварей известного рода!

Как и подобало “образованному” человеку конца XIX века, я под названием этим разумел дурные склонности, страсти в человеке, почему и само это слово имело у меня значение не имени, а термина, определявшего известное понятие. И вдруг это “известное определенное понятие” предстало мне живым олицетворением!...

Окружив нас со всех сторон, бесы с криком и гамом требовали, чтобы меня отдали им, они старались как-нибудь схватить меня и вырвать из рук Ангелов, но, очевидно, не смели этого сделать. Среди их невообразимого и столь же отвратительного для слуха, как сами они были для зрения, воя и гама я улавливал иногда слова и целые фразы.

— Он наш, он от Бога отрекся, — вдруг чуть не в один голос завопили они и при этом уж с такой наглостью кинулись на нас, что от страха у меня на мгновение застыла всякая мысль.

— Это ложь! Это неправда! — опомнившись, хотел крикнуть я, но услужливая память связала мне язык. Каким-то непонятным образом мне вдруг вспомнилось такое маленькое, ничтожное событие, к тому же и относившееся еще к давно минувшей эпохе моей юности, о котором, кажется, я и вспоминать никогда не мог».

Здесь рассказчик вспоминает случай из времен учебы, когда однажды во время разговора на отвлеченные темы, какие бывают у студентов, один из его товарищей высказал свое мнение: «Но почему я должен верить, когда я одинаково могу верить и тому, что Бога нет. Ведь правда же? И может быть, Его и нет?» На что он ответил: «Может быть, и нет». Теперь, стоя на мытарстве перед бесами-обвинителями, он вспоминает:

«Фраза эта была в полном смысле слова “праздным глаголом”; во мне не могла вызвать сомнений в бытии Бога бестолковая речь приятеля, я даже не особенно следил за разговором, — и вот теперь оказалось, что этот праздный глагол не пропал бесследно в воздухе,

мне надлежало оправдываться, защищаться от возводимого на меня обвинения, и таким образом удостоверилось евангельское сказание, что если и не по воле ведающего тайны сердца человеческого Бога, то по злобе врага нашего спасения нам действительно предстоит дать ответ и во всяком праздном слове.

Обвинение это, по-видимому, являлось самым сильным аргументом моей гибели для бесов, они как бы почерпнули в нем новую силу для смелости нападений на меня и уже с неистовым ревом завертелись вокруг нас, преграждая нам дальнейший путь.

Я вспомнил о молитве и стал молиться, призывая на помощь всех святых, которых знал и чьи имена пришли мне на ум. Но это не устрасило моих врагов. Жалкий невежда, христианин лишь по имени, я чуть ли не впервые вспомнил о Той, Которая именуется Заступницей рода христианского.

Но, вероятно, горяч был мой порыв к Ней, вероятно, так преисполнена ужаса была душа моя, что я, едва вспомнив, произнес Ее имя, как вокруг нас появился какой-то белый туман, который стал быстро заволакивать безобразное сонмище бесов. Он скрыл его от моих глаз, прежде чем оно успело отдалиться от нас. Рев и гогот их слышались еще долго, но по тому, как он постепенно ослабевал и становился глуше, я мог понять, что страшная погоня оставила нас»¹³⁷.

5. Созерцание мытарств до смерти

Из бесчисленных ярких примеров можно видеть, сколь важным и незабываемым (*vivid*) переживанием для души является встреча с бесами на воздушных мытарствах после смерти. Между тем не обязательно это происходит после смерти. Выше мы читали, что преп. Антоний Великий видел мытарства во время молитвы, находясь вне тела. Подобным же образом преп. Иоанн Лествичник описывает случай, происшедший с одним из монахов до его смерти:

«За день же до кончины своей он пришел в исступление и с открытыми глазами озирался то на правую, то на левую сторону постели своей, и, как бы истязуемый кем-нибудь, он вслух всех предстоявших говорил иногда так: “Да, действительно, это правда; но я постился за это столько-то лет”; а иногда: “Нет, я не делал этого, вы

лжете”; потом опять говорил: “Так, истинно так, но я плакал и служил братьям”; иногда же возражал: “Вы клеветаете на меня”. На иное же отвечал: “Так, действительно так, и не знаю, что сказать на сие; но у Бога есть милость”. Поистине страшное и трепетное зрелище было сие невидимое и немилостивое истязание; и что всего ужаснее, его обвиняли в том, чего он и не делал. Увы! Безмолвник и отшельник говорил о некоторых из своих согрешений: “Не знаю, что и сказать на это”, хотя он около сорока лет провел в монашестве и имел дарование слез... В продолжение сего истязания душа его разлучилась с телом; и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда и какой приговор последовал»¹³⁸.

В самом деле, встреча с мытарствами после смерти есть особая, заключительная часть общей борьбы¹³⁹, которую ведет каждая христианская душа в течение всей жизни. Свт. Игнатий пишет: «Как воскресение христианской души из греховной смерти совершается во время земного ее странствования, точно так таинственно совершается здесь, на земле, ее истязание воздушными властями, ее пленение ими или освобождение от них; при шествии чрез воздух эти свобода и плен только обнаруживаются»¹⁴⁰. Преп. Макарий Великий беспрепятственно проходил мытарства, хотя и был окружаем бесами, что было открыто несколькими его ученикам. Значит, для некоторых святых возможно миновать мытарства безболезненно. Ведь они уже претерпели в сей жизни брань и победили в ней. Вот характерный эпизод из жития преп. Макария Великого:

«Когда настало время кончины преподобного Макария Великого, Херувим, бывший его Ангелом Хранителем, сопровождаемый множеством небесного воинства, пришел за его душою. С сонмом Ангелов низошли лики апостольские, пророческие, мученические, святительские, преподобнические, праведнические. Установились демоны рядами и толпами на мытарствах своих, чтобы созерцать шествие богоподобной души. Она начала возноситься. Далеко отстоя от нее, кричали темные духи с мытарств своих: “О Макарий! Какой славы ты сподобился!” Смиренномудрый муж отвечал им: “Нет! И еще боюсь, потому что не знаю, сделал ли я что доброе”. Между тем он быстро подымался к небу. Те из бесов, которые находились еще выше по пути следовавшей души Макария, вопили: “Действительно, избежал ты наших рук, Макарий!” — “Нет, — отвечал он, — но

надобно еще избежать”. И когда преподобный был уже во вратах рая, бесы, рыдая от злобы и зависти, кричали: “Точно! Ты избежал нас, Макарий!” Он отвечал им: “Силою Христа моего ограждаемый, я избежал ваших козней”.

С такую великою свободою великие угодники Божии проходят воздушные стражи темных властей потому, что в земной жизни вступают в непримиримую брань с ними и, одержав над ними победу, в глубине сердца стяжевают совершенную свободу от греха, соделываются храмом и святилищем Святого Духа, соделывающего словесную обитель Свою неприступною для падшего ангела»¹⁴¹.

6. Частный суд

В православном догматическом богословии прохождение через воздушные мытарства является одной из составляющих **частного суда**, на котором определяется участь души вплоть до Страшного Суда. Как частный суд, так и Страшный Суд совершаются с помощью Ангелов как орудий Божией правды: *Так будет при кончине века: изыдут Ангелы и отделят злых из среды праведных и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 13, 49-50).

Счастливы православные христиане, что имеют учение о воздушных мытарствах и частном суде, ясно изложенное в святоотеческих текстах и житиях святых, но любой человек, глубоко размышляющий над одним Священным Писанием, придет к очень похожим знаниям. Протестант-евангелист Билли Грэм пишет в своей книге об Ангелах: «В момент смерти дух отделяется от тела и движется через атмосферу. Но Писание учит нас, что там скрывается дьявол; он “князь, господствующий в воздухе” (см. Еф. 2, 2). Если бы очи разума были отверсты, мы видели бы воздух, наполненный демонами, врагами Христа. Если смог сатана три недели препятствовать Ангелу, посланному к Даниилу на землю, то можно представить, какое противодействие ожидает христианина после смерти... Момент смерти — это последняя возможность для дьявола напасть на истинно верующего, но Бог посылает Своих Ангелов, чтобы охранять нас в это время»¹⁴².

7. Мытарства: критерий подлинности «посмертного» опыта

Все, о чем пишется в данной главе, очевидно, вовсе не «обратные кадры» чьей-то жизни, которые упоминаются в «посмертных» опытах. В этих последних переживаниях, имеющих место и до смерти, нет ничего Божественного, ничего определяющего вечное воздаяние. Скорее психологические переживания, повторение жизни под контролем собственной совести. Отсутствие суда и даже «чувство юмора», отмечаемое в невидимом существе, присутствующем при просмотре «обратных кадров», суть отражение ужасающей несерьезности людей Запада по отношению к проблемам жизни и смерти. Вот одна из причин, почему даже у индусов в «отсталой» Индии более устрашающие опыты смерти по сравнению с теми, кто живет на Западе; не просвещенные светом христианства, они сохраняют более серьезное отношение к жизни, чем большинство людей на легкомысленном «постхристианском» Западе.

Прохождение по мытарствам — истинный критерий достоверности посмертного опыта — не описывается ни в одном из современных случаев, и причину этого не надо искать далеко. По многим признакам: отсутствие Ангелов, приходящих за душой, последующего суда, несерьезность многих отчетов, чрезвычайная краткость времени (от пяти до десяти минут в сравнении с периодом в несколько часов и до нескольких дней в житиях святых и других православных источниках) — становится ясно, что опыты нашего времени, хотя иногда поразительны и необъяснимы естественными законами, известными медицине, не отличаются особой глубиной. Если эти опыты смерти истинны, то они лишь самое начало пути души и совершаются в преддверии смерти — до того как приговор Бога душе становится окончательным, свидетельством чему служит приход Ангелов за ней, пока же душа имеет возможность естественным путем вернуться в тело.

И все-таки нам необходимо дать удовлетворительное объяснение современным опытам. Что это за часто наблюдаемые красивые пейзажи? Где находится этот созерцаемый «небесный» город? Что за «внетелесная сфера», с которой сталкиваются в наше время?

Ответ на данные вопросы может быть найден в совершенно иной литературе, в упоминавшихся православных источниках. Она тоже основана на личном опыте, но в своих наблюдениях и выводах неизмеримо глубже, чем рассматриваемые «посмертные» случаи. К православной письменности обращается д-р Моуди и другие исследователи и находят замечательные параллели с клиническими заключениями, которые пробуждают в наше время интерес к жизни после смерти.

8. Учение епископа Феофана Затворника о мытарствах

Для России XIX столетия свт. Игнатий Брянчанинов стал апологетом православного учения о воздушных мытарствах, которое не принимали всерьез неверующие и модернисты. И свт. Феофан Затворник (твердый защитник реальности мытарств) рассматривал их как неотъемлемую часть невидимой брани, или духовной борьбы, с бесами.

Здесь мы приводим одно его утверждение относительно мытарств, входящее в истолкование 80-го стиха 118-го псалма: *Буди сердце мое непорочно во оправданиях Твоих, яко да не постыжуся.*

«Пророк не упоминает, как и где *да не постыдится*. Ближайшее непостыжение бывает во время восстания внутренних браней...

Второй момент непостыжения есть время смерти и прохождения мытарств. Как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения их не миновать. Чего ищут эти мытники в проходящих? Нет ли у них их товара. Товар же их какой? Страсти. Стало быть, у кого сердце непорочно и чуждо страстей, у того они не могут найти ничего такого, к чему бы могли привязаться; напротив, противоположная им добродетель будет поражать их самих, как стрелами молнийными. На это некто не чуждый учености вот какую еще выразил мысль: мытарства представляются чем-то страшным; а ведь очень возможно, что бесы вместо страшного представляют нечто прелестное. Обольстительно-прелестное, по всем видам страстей, представляют они проходящей душе одно за другим. Когда из сердца, в продолжение земной жизни, изгнаны страсти и насаждены противоположные им добродетели, тогда, что ни представляй

прелестного, душа, не имеющая никакого сочувствия к тому, минует то, отвращаясь от того с омерзением. А когда сердце не очищено, тогда к какой страсти наиболее питает оно сочувствия, на то душа и бросается там. Бесы и берут ее, будто в друзья, а потом уж знают, куда ее девать. Значит, очень сомнительно, чтобы душа, пока в ней остаются еще сочувствия к предметам каких-либо страстей, не постыдилась на мытарствах. Постыжение здесь в том, что душа сама бросается в ад.

Но окончательное постыжение — на Страшном Суде, пред лицом всевидящего Судии...»[143](#)

VII. «Внетелесный» опыт в оккультной литературе

Исследователи сегодняшних «посмертных» опытов почти неизменно за разъяснением «своих» случаев обращаются к той литературе, которая утверждает о себе, что основывается на восприятии «внетелесной» сферы, — к оккультной литературе, начиная от древних египетской и тибетской «Книги мертвых» и до сочинений оккультных учителей и экспериментаторов нашего времени. И едва ли кто-то из таких интересующихся уделяет серьезное внимание христианскому учению о жизни после смерти или обращается к Священному Писанию либо к святоотеческим творениям, на которых это учение основано. Почему так?

Причина очень проста: христианское учение идет от Божественного Откровения человеку об участи души после смерти и делает упор главным образом на конечном состоянии души — на небе или в аду. Хотя существует также и обширная христианская литература, описывающая то, что происходит с душой после смерти, и основывающаяся на «посмертных» или «внетелесных» опытах (как было представлено в главе о мытарствах), но эта литература имеет второстепенное значение по сравнению с истинным христианским учением о конечном состоянии души. Она содержит в себе опыт христианской жизни и потому исключительно полезна для уяснения и более наглядного представления важнейших моментов христианского учения.

В оккультной литературе другая ситуация: здесь основной упор делается на опыте, пережитом душой во «внетелесной» сфере, но конечное ее состояние оставляется неясным и обычно объясняется личными мнениями и догадками, основывающимися на этих опытах. Современных исследователей больше привлекают опыты оккультных писателей (они представляются им хоть как-то поддающимися «научному» исследованию), нежели христианское учение, требующее исповедания веры, а также ведения духовной жизни в согласии с ним.

В настоящей главе мы постараемся указать на подводные камни, имеющиеся в таком подходе (который вовсе не объективен, как

кажется некоторым), и оценить оккультные «внетелесные» опыты с точки зрения православного христианства.

С этой целью вкратце рассмотрим оккультные книги, используемые современными исследователями для разьяснения «посмертных» опытов.

1. «Тибетская книга мертвых»

«Тибетская книга мертвых» — это буддийское сочинение VIII века, в котором отражены добуддийские традиции более раннего периода. Ее оригинальное название — «Освобождение в Бардо¹⁴⁴ [посредством] слушания». Английский редактор¹⁴⁵ охарактеризовал ее как «мистический учебник по руководству в потустороннем мире многих иллюзий и сфер»¹⁴⁶. Ее читают у тела новопреставленного для пользы его души, потому как утверждается, что «в минуты смерти возникают различные обманчивые иллюзии»¹⁴⁷. Они «не видения действительности, а не более чем... присущие умирающему интеллектуальные импульсы, принимающие индивидуальную форму»¹⁴⁸. На разных этапах «посмертных» впечатлений, описанных в книге, которые умерший последовательно проходит в течение 49 дней, есть видения как «мирных», так и «гневливых» божеств; в соответствии с буддийским учением, они рассматриваются как иллюзорные. (Ниже, говоря о природе этой сферы, проанализируем, почему видения в самом деле иллюзорны.) Завершением данного процесса становится ниспадение души в «реинкарнацию», которая в буддийском учении трактуется как зло, которого можно избежать с помощью буддийской подготовки. Д-р Карл Юнг в своем комментарии к данной книге, который он дает как психолог, находит, что видения близки к описаниям посмертного мира в современной спиритической литературе Запада, однако те и другие создают «впечатление бессодержательности и банальности сообщений из “мира духов”»¹⁴⁹.

Причина интереса д-ра Моуди и других исследователей к этому сочинению кроется в том, что в двух моментах «Тибетская книга мертвых» и современные опыты поразительно схожи. Во-первых, описанные там впечатления от пребывания вне тела в первые моменты

смерти, в сущности, те же, что и в современных случаях (а также в православной литературе). Душа умершего появляется в виде «сияющего призрачного тела», которое видимо существам той же природы, но не людям во плоти. Поначалу она не знает, жива или мертва; видит людей, окружающих тело, слышит причитания скорбящих и обладает способностями к чувственному восприятию; она может беспрепятственно двигаться и проходить сквозь твердые объекты¹⁵⁰. Во-вторых, в момент смерти появляется ясный свет¹⁵¹, отождествляемый современными исследователями со «светлым существом», описанным многими людьми.

Нет причин сомневаться в том, что описание образов в «Тибетской книге мертвых» основано на некотором «внетелесном» опыте, но ниже мы увидим, что действительное посмертное состояние только один из подобных опытов, и мы должны поостеречься принимать любой «внетелесный» опыт за то, что на самом деле происходит с душой после смерти. Опыты западных медиумов могут быть настоящими, но, разумеется, не передают истинных посланий от умерших, как о том заявляется.

«Тибетская книга мертвых» и написанная намного раньше ее египетская «Книга мертвых» в чем-то похожи. В последней утверждается, что душа после смерти проходит множество трансформаций и встречает разных «богов». Однако не существует общепринятого толкования этой книги, а без него современный читатель может только догадываться о значениях некоторых ее символов. Согласно тексту, умерший последовательно принимает облик ласточки, золотого ястреба, змеи с человеческими ногами, крокодила, цапли, цветка лотоса и т. д.; он встречается со странными «богами» и потусторонними существами (с «четырьмя священными обезьянами», с богиней-гиппопотамом, с разнообразными «божествами», имеющими головы собак, шакалов, обезьян, птиц и т. п.).

Описываемый в этой книге изощренный и путаный «посмертный» опыт резко отличается от ясности и простоты христианского опыта. Хотя «внетелесные» переживания, вероятно, реальны, данная книга, как и «Тибетская книга мертвых», наполнена иллюзорными видениями и не может быть принята в качестве достоверного описания состояния души после смерти.

2. Сочинения Эмануэля Сведенборга

Другой оккультный текст, изучаемый современными исследователями, дает больше возможностей для понимания, так как написан в новейшее время и является глубоко западным по образу мышления и претендует на то, чтобы быть христианским. В книгах шведского мистика Эмануэля Сведенборга (1688-1772) изображены видения того света, которые начали посещать его в середине жизни. До этих видений он был европейским интеллектуалом XVIII века, бегло говорившим на многих языках, ученым, исследователем и изобретателем, активным общественным деятелем. Автор трудов по астрономии, горному делу, математике, он был «универсальным человеком» в век расцвета науки, когда было еще возможно одному человеку овладеть почти всем знанием своего времени. Им написано около 150 научных трудов, некоторые из них (например, четырехтомный трактат по анатомии «Мозг») намного опередили свое время.

В пятьдесят шесть лет он обратил внимание на невидимый мир и за последние двадцать пять лет жизни выпустил огромное число религиозных трудов. В них он описывал «небо», «ад», «ангелов» и духов, всецело опираясь на собственный опыт.

Его описания невидимой сферы приземлены, тем не менее они соответствуют образам, присутствующим в большей части оккультной литературы. Согласно мнению Сведенборга, человек, умирая, вступает в «мир духов», находящийся на полпути между небом и адом¹⁵². Этот мир, хотя он и духовный, так похож на материальную действительность, что человек сначала даже не догадывается, что умер (461); человек сохраняет тот же облик и способность к чувственному восприятию, что и у его земного тела. В момент смерти видится свет в тумане, происходит «просмотр» собственной жизни с добрыми и худыми делами. Он встречает друзей и знакомых из этого мира (494) и в течение некоторого времени продолжает существование, близкое к тому, что было на земле, за тем лишь исключением, что все намного больше «обращено внутрь»; его влечет к людям и вещам, к которым питал любовь; мысль становится реальностью: стоит только подумать

о ком-то любимом, и этот человек, словно его вызвали, предстает перед глазами (494). Как только умерший привыкает к духовному миру, ему сообщают знание о «небе» и «аде», показывают разные города, сады и парки (495).

В этом промежуточном мире духов человек «образовывается», готовится для «неба», что занимает период от нескольких дней до одного года (498). «Небеса», как их описывает Сведенборг, не слишком отличаются от «мира духов», и то и другое похоже на землю (171). Там те же парки, сады, внутренние дворы, дома, залы и спальни для «ангелов» со множеством одежды. Есть правительства, законность и суды — намного более «духовные», чем на земле. Существуют церковные здания, службы, духовенство, проповеди, с которыми не всегда согласны слушающие, и это смущает проповедников. Есть брак, дети, школы и воспитание детей, общественная жизнь — словом, почти все, что можно найти на земле и что может стать «духовным». Сам Сведенборг разговаривал с небесными «ангелами» (они, как он полагал, были душами умерших), а также со странными жителями Меркурия, Юпитера и других планет. У него были диспуты с Мартином Лютером, причем его он обратил в свою веру; потерпел неудачу с Кальвином, стараясь убедить того оставить веру в предопределение. «Ад» описывается как земное место; его обитатели самолюбивы и имеют дурные наклонности.

Можно понять, почему современниками Сведенборг был отвергнут как сумасшедший и почему его видения вплоть до наших дней редко воспринимались всерьез. Тем не менее всегда находились люди, которые, несмотря на странность его видений, признавали, что Сведенборг действительно контактировал с невидимой реальностью. Его младший современник, немецкий философ Иммануил Кант¹⁵³, воспринял серьезно «ясновидения» Сведенборга, известные всей Европе. Американский философ Эмерсон в посвященном Сведенборгу длинном очерке, вошедшем в книгу «Избранники человечества» (“Representative Men”), назвал его «одним из литературных гениев, талант которого выше оценок коллегии ученых». Сегодняшний интерес к оккультизму выдвинул Сведенборга вперед как «мистика» и «ясновидца», не ограниченного рамками христианских доктрин; исследователи «посмертных» опытов находят интересные параллели между собственными результатами и его видениями.

Нет сомнений в том, что Сведенборг был в контакте с невидимыми духами и получал от них свои «откровения». Анализ того, как он их получил, покажет нам, что из себя представляет реальная область, где сии духи обитают.

Хроника контактов Сведенборга с невидимыми духами, которую он вел, не упуская мельчайших подробностей, в «Дневнике сновидений» и «Духовном дневнике» (2300 страниц), раскрывает признаки вхождения человека в общение с воздушными демонами, и эти признаки соответствуют тому описанию, которое сделал свт. Игнатий. С детства Сведенборг практиковал некий вид медитации, включающей попеременно расслабление и напряженную концентрацию; спустя некоторое время в процессе медитации он начал видеть сверкающее пламя, которое простодушно принимал и истолковывал как знак «одобрения» его мыслей. Это подготовило его к вхождению в область духов и общению с ними. Во сне начал видеть Христа и то, что его принимают в общество «бессмертных», — так исподволь он осознал присутствие вокруг него «духов». Наконец, они стали являться в состоянии бодрствования. Первый случай имел место во время поездки в Лондон. Ночью, после обильного ужина, он вдруг увидел черноту и ползающих по полу рептилий, затем человека, сидящего в углу комнаты, который произнес только: «Не ешь так много» — и исчез в черноте. Хотя Сведенборг и был напуган этим явлением, однако воспринял его как нечто «хорошее», потому что получил «нравственный» совет. Затем, как он сам свидетельствует, «той же ночью этот человек снова явился мне, но теперь я не испугался. Он сказал, что он Господь Бог, Творец Вселенной и Искупитель, что избрал меня для толкования людям духовного смысла Писания и что Сам объяснит мне, что подобает писать по этой теме. В ту ночь мне открылись — я убедился в их реальности — миры духов, небо, ад... Впоследствии Господь ежедневно отверзал мои телесные очи, так что в полдень я мог прозревать в мир оный и, бодрствуя, беседовать с ангелами и духами»¹⁵⁴.

Из приведенного описания ясно, что Сведенборг получил доступ к общению с воздушной областью падших духов, и все последующие «откровения» проистекают из этого источника. Увиденные им «небеса» и «ад» тоже были частью воздушной сферы; в записанных им «откровениях» отражены фантастические образы, в собственных

целях сочиняемые падшими духами для легковерных. Обзор других книг по оккультизму покажет нам иные стороны этого царства.

3. «Астральная плоскость» теософии

Теософия XIX и XX веков, представляющая собой смешение оккультных идей Востока и Запада, предлагает подробное учение о воздушной сфере, которая, по этому учению, состоит из ряда «астральных плоскостей». (Слово «астральный» означает «звездный»; необычный термин, относящийся к «надземной» реальности.) Согласно учению, «(астральные) плоскости составляют место обитания всех сверхъестественных существ, места пребывания богов и демонов, пустоты, где существуют мыслеформы, область, населенную духами воздуха и других стихий, и различные небеса с ангелами и ад с демонами... Понимающие в теософии люди полагают, что с помощью определенного ритуала могут “подниматься на плоскости” и в полном сознании знакомиться с ними»¹⁵⁵.

В соответствии с данным учением, после смерти входят в «астральную плоскость» (или «плоскости» — в зависимости от того, как рассматривать это царство: как целое или по отдельным «слоям»), и, как у Сведенборга, не происходит мгновенного изменения состояния человека и не вершится суд; продолжается жизнь, как и раньше, только вне тела, «проходя через все подплоскости астрального мира на пути к небесному»¹⁵⁶. Каждая последующая плоскость более утончена и совершенна, «обращена внутрь», продвижение через них не сопряжено с неуверенностью и страхом, как в христианских мытарствах, напротив, это время удовольствия и веселья: «Радость бытия в астральной плоскости так велика, что физическая жизнь по сравнению с ней вообще не кажется жизнью... Девять из десяти не испытывают желания возвращаться в тело»¹⁵⁷.

Теософия, изобретение российского медиума Елены Блаватской, возникла в конце XIX века как способ попытаться систематически объяснить медиумические контакты, которые множились в западном мире с момента появления спиритизма в Америке в 1848 году. До наших дней теософические учения об «астральной плоскости» (хотя часто и не называются этим именем) являются стандартом,

употребляемым медиумами и «любителями» оккультизма для объяснения своих опытов. Хотя теософические книги по «астральной плоскости» «болезненно бессодержательны и банальны» — именно так д-р Юнг характеризует всю спиритическую литературу, — тем не менее за такой тривиальностью лежит философия реальности потустороннего мира, находящая отклик среди современных исследователей. Бытующее в наши дни гуманистическое мировоззрение признает его скорее приятным, допускающим постепенный «рост» или «эволюцию», дающим «шанс» подготовиться к высшей реальности, чем мучительным, определяющим вечную участь человека путем оценки его поведения в земной жизни и суда. Учение теософии обладает тем, что требуется «современной душе», и заявляет, что основывается на опыте.

Чтобы дать ответ православного христианина на это учение, мы должны подробно рассмотреть специфические опыты, понять, чему подвергается душа в «астральной плоскости». Но с чего начать? Сообщения медиумов печально недостоверны и расплывчаты, и контакт, осуществленный с миром духов через них, неясен и опосредован, для того чтобы убедительно свидетельствовать о природе внеземной реальности. К тому же «посмертные» опыты наших дней кратки и двусмысленны и не могут быть достоверным источником сведений о подлинной природе потустороннего мира.

Но есть один вид опыта в «астральной плоскости», поддающийся подробному изучению. На языке теософии он называется «астральной проекцией» или «проекцией астрального тела». Оказывается, возможно — путем определенных медиумических приемов — вступить в контакт с бесплотными духами, как делают обычные медиумы (когда их сеансы подлинны), войти в сферу их бытия и «перемещаться» среди них. Кто-то может не поверить, услышав, что подобные опыты имели место в древности, но следует признать, именно эта практика становится привычной в наши дни, и не только среди оккультистов; уже имеется обширная литература о данных опытах, рассказанных очевидцами.

4. «Астральная проекция»

Православным христианам хорошо известно, что человек и в самом деле может быть поднят выше пределов телесного естества и посетить невидимые сферы. Природу такого посещения мы уточнять не будем. Сам апостол Павел не знал, *в теле ли он или вне тела, когда был восхищен до третьего неба* (2 Кор. 12, 2), и нам нет необходимости размышлять, каким образом тело может войти в небеса (если восхищение было «в теле») или в какой вид «тонкого тела» облечена душа во время «внетелесного» опыта и можно ли такое постигнуть в сей жизни. Нам достаточно знать, что душа (в каком бы то ни было виде «тела») может быть вознесена Божественной благодатью и зреть рай, а также воздушную область поднебесных духов.

Такие опыты православная литература описывает часто, таковым было видение преп. Антонием мытарств во время молитвы, что уже изложено выше. Свт. Игнатий Брянчанинов упоминает о двух аскетах XIX века, чьи души покинули тела во время стояния на молитве: о сибирском старце Василиске, учеником которого был знаменитый Зосима, и о старце-схимонахе Игнатии (Исаие), друге свт. Игнатия¹⁵⁸. Самого удивительного «внетелесного» видения из всех описанных в житиях святых сподобился блж. Андрей, Христа ради юродивый, Константинопольский (X век). Он, в то время когда тело его лежало на городской улице в снегу, был восхищен в духе, дабы узреть рай и третье небо. Часть этого видения он рассказал своему ученику, который и записал его¹⁵⁹.

Такое происходит только по Божией благодати и совершенно не зависит от воли или желания человека. А вот «астральная проекция» — «внетелесный» опыт, которого можно добиться рядом упражнений. Этот опыт — особая форма того, что епископ Игнатий характеризует как «отвержение чувств», и понятно, что, поскольку общение с духами для человека запрещено, кроме как по непосредственному Божию действию, сфера, достигаемая таким способом, не небо, а лишь воздушная поднебесная область, населяемая падшими духами.

Теософские тексты, подробно передающие этот опыт, настолько изобилуют оккультными мнениями и толкованиями, что по большей части бесполезны для понимания того, что в действительности представляет собой тесное взаимодействие с данной сферой.

Однако в XX веке есть еще один вид литературы, посвященный этому вопросу. В связи с ростом исследований и экспериментов в парапсихологии некоторые люди обнаружили (случайно или экспериментально), что способны к «астральной проекции», после чего изложили свои впечатления на «неокультурном» языке. Исследователи, собирая и изучая отчеты о «внетелесных» опытах, описали их научно. Остановимся вкратце на некоторых из этих книг.

«Земная» сторона «внетелесных» опытов хорошо рассмотрена в книге директора Института психофизических исследований в Оксфорде (Англия) «Опыты выхода из тела»¹⁶⁰. В ответ на обращение, сделанное в сентябре 1966 года в британской прессе и по радио, институт получил около четырехсот ответов от людей, утверждавших, что у них был личный «внетелесный» опыт. Столь широкий отклик указывает на то, что подобные случаи в наши дни вовсе не редкость, что имеющие такого рода опыты намного охотнее, чем в предыдущие годы, настроены их обсуждать, не опасаясь, что их назовут сумасшедшими. Д-р Моуди и другие исследователи обнаружили то же самое в отношении «посмертных» опытов. Указанным четверемстам лицам раздали по два вопросника, и книга явилась результатом сопоставления и анализа ответов.

Опыты, рассказы о которых и составили книгу, были произвольны, вызваны физическими состояниями: стрессом, болезнью, утомлением, анестезией, сном, несчастным случаем. Почти все происходили вблизи тела (не в «духовной сфере»). Сделанные наблюдения схожи с «посмертными» опытами: кто-то видел свое тело «со стороны», обладал всеми чувственными способностями (даже если в теле был глухим и слепым), не мог ни к чему прикоснуться и общаться с окружающими, «плавал» в воздухе с легкостью и удовольствием, ум был яснее, чем раньше. Некоторые описывали встречи с умершими родственниками и путешествия в местности, которые не были частью привычной действительности.

Один из исследователей «внетелесных» опытов, английский ученый Роберт Крукалл, собрал множество таких случаев как у оккультистов и медиумов, так и у обычных людей. Свои изыскания он сводит к заключению: «Телокопия, или “двойник”, было “рождено” из физического тела и расположилось над ним. Как только “двойник” отделился от тела, наступил “провал” в сознании (это схоже с тем, как

переключают скорости в автомобиле, что вызывает перерыв в подаче мощности)... Часто происходило панорамное воспроизведение событий минувшей жизни, “двойник” обычно видел оставленное физическое тело... Вопреки ожиданию никто не описывал боли и страха, вызываемого оставлением тела, — все казалось естественным... Сознание, работающее в отделившемся “двойнике”, было более объемным, чем в обычной жизни... Иногда присутствовала телепатия, ясновидение и предвидение. Нередко являлись “умершие друзья”. Многие из опрашиваемых выражали нежелание вновь войти в тело и вернуться к земной жизни... Этот до сих пор не признаваемый общий ход событий во “внетелесных” опытах нельзя отнести лишь к грезам и галлюцинациям. Его можно без затруднений объяснить, если принять тезис о подлинности таких опытов и то, что увиденные “двойники” были объективными (хотя и ультрафизическими) телами»¹⁶¹.

Описание д-ра Крукалла по всем пунктам тождественно модели «посмертных» опытов д-ра Моуди¹⁶², и сходство настолько точно, как может быть лишь тогда, когда описывается один и тот же опыт. Если это так, то представляется возможным определить опыт, о котором говорят д-р Моуди и другие исследователи и который вот уже несколько лет вызывает интерес и дискуссии на Западе. Точнее: это не «посмертный», а скорее «внетелесный» опыт, который может служить преддверием другого, намного более широкого опыта смерти или чего-то иного, называемого «астральным путешествием» (о чем речь пойдет ниже). Хотя о «внетелесном» состоянии можно сказать как о первом моменте смерти — если она последует, — однако будет грубой ошибкой делать из сего какие-то выводы о «посмертном» состоянии, кроме того неопровержимого факта о том, что душа после смерти остается жива и сохраняет сознание, что вряд ли будет отрицать верящий в бессмертие души человек. (Лишь несколько далеких от исторического христианства сект учат, что душа «спит» или пребывает в бессознательном состоянии после смерти; таковы свидетели Иеговы, адвентисты седьмого дня и др.)

Поскольку «внетелесное» состояние не обязательно так или иначе связано со смертью, надлежит быть крайне внимательными и осторожными при анализе и оценке свидетельств из многочисленных опытов в этой области. Мы должны поставить вопрос, имеют ли

зримые некоторыми видения «неба» (или «ада») отношение к подлинному, христианскому пониманию неба и ада или они не более как впечатления естественные (или демонические) от пребывания во «внетелесной» сфере.

Д-р Крукалл, можно сказать, самый дотошный исследователь в этой области, анализирующий каждую подробность предельно внимательно (подобный подход характерен и для его книг по ископаемым растениям Великобритании, вышедших ранее), собрал значительный материал по опытам «рая» и «ада». Он считает, что такие переживания — естественный и универсальный «внетелесный» опыт, который он различает следующим образом: «Те, кто покинул свои тела естественным путем, имели склонность к тому, чтобы видеть нечто яркое и спокойное» («рай»), что-то вроде великолепной Земли, а те, кто был исторгнут силой, чаще попадали в относительно мрачные, путанные и похожие на сон условия, что соответствует Аиду древних. Первые встречали многочисленных помощников (включая уже упомянутых выше умерших друзей и родных), а последние иногда встречались с какими-то бесплотными «препятствиями»¹⁶³. Люди, имеющие то, что д-р Крукалл называет «медиумической телесной конституцией», неизменно сначала проходят через темную, туманную область «Аида», а затем входят в область яркого света, которая выглядит подобно раю. Этот «рай» описывают по-разному (и медиумы, и не медиумы): как «самый прекрасный из когда-либо виденных пейзажей», «вид дивной красоты — большой, наподобие парка, сад, а свет там такой, какого никогда не увидишь на море или на суше», «дивный пейзаж» с «людьми в белом»¹⁶⁴; «свет стал сильным», «вся земля была в сиянии»¹⁶⁵.

Для объяснения этих опытов д-р Крукалл выдвигает гипотезу о «всеобщей Земле», которая включает на самом нижнем уровне Землю вещественную, окруженную во все проникающей нефизической сферой с поясами «Аида» (ада) и «рая» на ее нижней и верхней границе¹⁶⁶. Это грубое описание того, что на православном языке называется воздушным царством падших духов, или «астральной плоскостью» в теософии. Православные описания данной сферы не проводят различия между «верхним» и «нижним», останавливая внимание на бесовских соблазнах, присущих данной области. Д-р Крукалл, будучи светским ученым, ничего не знает о такой

составляющей воздушной сферы, но со своей «научной» точки зрения свидетельствует о факте, исключительно важном для понимания сути «посмертных» и «внетелесных» опытов: «небо» и «ад», увиденные людьми в этих состояниях, лишь части (или внешние характеристики) воздушной сферы духов, они не имеют ничего общего с настоящим небом и адом христианского учения, которые являются вечной обителью человеческих душ (и их воскресших тел), а также бесплотных духов. Люди во «внетелесном» состоянии не обладают возможностью попасть на настоящее небо или в ад, которые открываются душам только по явной воле Божией. Если некоторые христиане во время «смерти» начинают видеть «небесный город» с «жемчужными воротами» и «ангелами», это показатель того, что наблюдаемое в воздушной области зависит от степени опыта и чаяний каждого, ведь и умирающие индусы видят именно свои индуистские храмы и «богов». Подлинное христианское восприятие неба и ада имеет совершенно другое измерение (что увидим в следующей главе).

5. «Астральное путешествие»

Практически все «посмертные» опыты, о которых стало известно недавно, протекают очень быстро: будь они более длительными, их результатом была бы настоящая смерть. Но во «внетелесном» состоянии, не связанном со смертью, возможен и длительный опыт. Если он таким является, пациент может покинуть свое окружение и войти в новую обстановку — не только для того, чтобы бросить взгляд на «сад», или на «яркое место», или на «небесный город», но для длительного пребывания в воздушной сфере. «Астральная плоскость», очевидно, близка каждому, и критические ситуации (медиумические методы) могут спровоцировать на контакт с ней. Карл Юнг в одной из своих книг («Интерпретация природы и психики») описывает опыт своей пациентки — женщины, которая выходила из тела во время трудных родов. Она видела окружающих ее докторов и сестер, но чувствовала, что позади нее простирается великолепный ландшафт, который казался границей иного измерения; она чувствовала, что, если бы она повернулась туда, она покинула бы эту жизнь, но вместо этого она вернулась в свое тело [167](#).

Д-р Моуди записал ряд таких случаев, назвав их «пограничными» или «предельными»¹⁶⁸.

Те, кто сознательно вызывает состояние «астральной проекции», часто способны войти в «другое измерение». В последние годы получили известность записки человека по имени Роберт Монро¹⁶⁹ о своих «путешествиях» в этом измерении, что позволило автору основать Институт исследований «внетелесных» состояний. Кстати, в Институте состояла д-р Элизабет Кюблер-Росс. Она согласна с выводами Монро о сходстве «внетелесных» опытов и «посмертного» состояния. Здесь мы изложим общие результаты исследований этого экспериментатора.

Роберт Монро — удачливый американский бизнесмен (председатель совета директоров корпорации с многомиллионным оборотом) и агностик по своим убеждениям. Его «внетелесные» опыты начались в 1958 году, еще до того, как в нем пробудился интерес к оккультной литературе. Он проводил эксперименты по методу запоминания данных во время сна, включавшие концентрацию и расслабление, близкие к приемам медитации. В начале занятий этими упражнениями Монро показалось, что его ударил луч света, вызвавший временный паралич. Ощущение повторилось несколько раз, после чего он стал «выплывать» из тела; затем пытался вызвать и развить полученное состояние. Поначалу в своих оккультных «путешествиях» он испытывает то же, что некогда подтолкнуло Сведенборга начать хождения в мире духов: после пассивной медитации следовало ощущение «света», общее отношение доверия и открытости к новым и странным впечатлениям, — все сочеталось с «практичным» взглядом на жизнь и отсутствием христианского опыта и глубокой осведомленности о христианстве.

Сначала Монро путешествовал по узнаваемым местам на земле — и близлежащим, и затем более удаленным; причем ему удавалось доставить фактические свидетельства этих опытов. Потом он вступал в контакты с «духоподобными» сущностями, причем первый контакт явился частью медиумистского эксперимента («индийский проводник»), посланный медиумом, действительно пришел за ним!¹⁷⁰). Наконец, предметом его восприятия стали странные пейзажи, видимо, неземные.

Монро подробно записывал свои опыты сразу по возвращении в тело. Он выделил три «места действия». «Место действия I» — «здесь и сейчас», земная среда. «Место действия II» — «нематериальная среда», как представляется, весьма обширная, с характеристиками «астральной плоскости». Это место — естественная среда для «второго тела» (так Монро называет существо, путешествующее в воздушной сфере); оно «глубоко пронизывает» физический мир, вот его мысленные законы: «Как вы думаете, таковы вы и есть» и «Подобное привлекает подобное». Иными словами, чтобы путешествовать, нужно лишь **подумать** о месте назначения. Монро посетил разные «места» в данной области, где видел: в узкой долине — группу людей в длинных широких одеждах¹⁷¹; нескольких людей в форме, назвавших себя «действующей армией», ждущей приказаний¹⁷². «Место действия III» — реальность наподобие земной, но не похожая ни на какие известные места, с причудливыми (отталкивающими) чертами; теософы, вероятно, распознали бы в ней более «твердую» часть «астральной плоскости».

Преодолев изначальное чувство страха от пребывания в неведомых сферах, Монро начал их исследовать и давать описания многих разумных существ, с которыми сталкивался. В некоторых «путешествиях» он неожиданно встречался с «умершими друзьями», беседовал с ними, но чаще обнаруживал странных безликих существ, которые иногда «помогали» ему, но обычно не отвечали на его обращения; они передавали ему неясные «мистические» послания, похожие на сообщения медиумов; могли пожать руку и с тем же успехом вонзить в нее нож¹⁷³. Среди них были «препятствующие» существа: звероподобные твари с резиновыми телами, легко принимающими форму собак, летучих мышей или его собственных детей¹⁷⁴. Были и другие, дразнившие и мучившие его, смеявшиеся над ним, когда он призывал (не по вере, а лишь для «эксперимента») имя Иисуса Христа¹⁷⁵.

Сам не имея веры, Монро открылся «религиозным» внушениям существ этого мира. Ему были даны «пророческие» видения грядущих событий, которые подчас происходили так, как он их видел¹⁷⁶. Однажды на границе «внетелесного» состояния ему явился луч света, он попросил его ответить на вопрос о том, что это за область. Голос из

луча сказал: «Попроси своего отца поведать тебе великую тайну». При следующей возможности Монро помолился: «Отец, наставь меня. Отец, расскажи мне великую тайну»¹⁷⁷. Совершенно очевидно, что Монро, оставаясь мирским человеком и агностиком в своих религиозных взглядах, свободно отдал себя в услужение существам оккультного мира (которые суть демоны).

Как д-р Моуди и другие исследователи этой области, Монро пишет: «За двенадцать лет такой деятельности я не нашел никаких свидетельств, подтверждающих библейские понятия о Боге и загробной жизни в месте, называемом небом»¹⁷⁸. Тем не менее он, как Сведенборг, теософы и исследователи вроде д-ра Крукалла, находит в изученной им «нематериальной» среде «все аспекты, приписываемые нами небу и аду, которые не более чем часть “места действия П”»¹⁷⁹. В этой сфере, «ближайшей», видимо, к миру материальному, он внезапно столкнулся с серо-черной областью, населенной «угрызающими нас и терзающими существами»; он полагает, это может быть «границей ада»¹⁸⁰, подобно области «Аида», как назвал ее д-р Крукалл.

Более содержательным, однако, является воспринятый Монро опыт «неба». Трижды побывал он в месте «чистого мира», плывя в теплых, мягких облаках, освещаемых меняющимися цветными лучами; он вибрировал в согласии с бессловесной музыкой хора; вокруг находились безмянные существа в том же состоянии, с ними у него не было контакта. Он ощущал то место как свой последний «дом» и тосковал по нему несколько дней по окончании опыта¹⁸¹. «Астральное небо» и есть основной источник теософского учения о «приятности» потустороннего мира — но как безмерно далеко все это от православного учения о Царстве Небесном, с его полнотой любви и осознанным личностью присутствием Божиим, которое чуждо неверующим нашего времени, не желающим ничего другого, кроме «нирваны» из нежных облаков и цветистых лучей! Падшие духи могут легко воспроизвести такое «небо», но только подвиг христианской брани против падших ангелов и укрепляющая благодать Божия способны возвести человека на истинное небо.

Нескольких раз Монро в этом «небе» встречал «бога». Как он отмечает, такая встреча может произойти повсюду в «месте действия П». Во время повседневной деятельности, где бы она ни происходила,

раздавался далекий сигнал, как звук геральдических труб. Все принимали его спокойно и, услышав, замолкали или оставляли работу. Это сигнал к тому, что «он» (или «она») шествует по своему царству.

Никто в страхе не падает ниц или на колени. Поза самая обыденная. К этому событию все привыкли и повинуются. Исключений нет. По особому сигналу всякое живое существо ложится наземь... причем повернув голову так, чтобы не видеть «его», когда «он» проходит. Цель — видимо, образовать живую дорогу, по которой «он» может (*can*) пройти... Ни мысли, ни движения, пока «он» проходит...

«Несколько раз, когда я это заставал, — пишет Монро, — я принимал такую же позу. В тот момент не было мысли поступить иначе. Проходит “он” под ревущую музыку, излучая непреодолимую силу и могущество, которые достигают своего апогея над тобой и угасают потом вдали... Это похоже на остановку у светофора на оживленном перекрестке или на ожидание поезда на железнодорожном переезде, когда семафор показывает его приближение. Вы равнодушны и в то же время чувствуете уважение к мощи, заключенной в проходящем поезде. Это событие так же безлико.

Бог ли это? Или Его Сын? Или изображающий Его?»¹⁸²

Во всей оккультной литературе трудно отыскать более живое описание поклонения сатане в его собственном царстве, воздаваемого ему обезличенными рабами. В другом месте Монро рассказывает о своих взаимоотношениях с властителем царства, в которое он проник. Спустя два года после начала «внетелесных» путешествий, ночью он почувствовал, как погрузился в тот же свет, которым сопровождалось само появление этих опытов, и ощутил присутствие могучей разумной личной силы, лишившей его собственной крепости и воли. «У меня создалось неизгладимое впечатление, что я нерасторжимо связан узами преданности (*loyalty*) с ней, всегда был с ней связан и что на земле у меня есть дело, которое я должен выполнить»¹⁸³. Спустя несколько недель, при еще одной встрече с незримой силой или «существом», оно (или они), как казалось, вошло в его разум и произвело «обыск», а затем «они воспарили в небо, я же воссылал им вслед мольбы»¹⁸⁴. «Тогда, — продолжает Монро, — я понял, что их мыслительные способности и разум далеко превосходят мое понимание. Это безликий холодный разум, без эмоций любви и

сострадания, которые мы столь искренне ценим... Я сел и заплакал, глубокие рыдания вырывались из моей груди, я никогда так горько не рыдал, потому что безоговорочно осознал, что Бог моего детства, церквей, религии всего мира был не тем, Которому мы поклонялись (*was not as we worshiped him to be*), что весь остаток моей жизни я буду “страдать” от утраты этой иллюзии без всякой надежды на “перемену”»¹⁸⁵. Нельзя представить себе лучшее описание контакта с дьяволом, в который многие ничего не подозревающие современники вступают, будучи бессильны ему противостоять из-за своей отчужденности от истинного христианства.

Свидетельства Монро о природе и обитателях «астральной плоскости» имеют большую ценность. Он изложил свои впечатления простым, «неокультурным» языком и с понятной людям точки зрения, что делает его книгу убедительным предостережением против «экспериментов» в этой области, ведь именно из-за них он фактически отдал свою душу в подчинение падшим духам. Те, кому известно православное христианское учение о поднебесном мире, о подлинном небе и аде, находящимися вне его пределов, могут удостовериться в реальности падших духов и их сферы обитания, равно как и в большой опасности, которую несут в себе встречи с ними, даже при «научном» подходе¹⁸⁶. Для нас, православных, нет необходимости знать, какая часть этого опыта «реальна», а какая — плод спектаклей и иллюзий, разыгранных падшими духами. Обман настолько значительная часть поднебесной сферы, что нет смысла пытаться установить его точные формы. Но в том, что он столкнулся с областью падших духов, нет сомнений.

В контакт с «астральной плоскостью» (но не обязательно во «внетелесном» состоянии) можно вступить и употребив определенные препараты. В недавних экспериментах по введению ЛСД умирающим пациентам были получены убедительные «близкие к смерти» опыты, сопровождавшиеся «сжатым воспроизведением» всей жизни человека, наблюдением ослепительного свечения, встречами с «умершими» и нечеловекоподобными «духовными существами», а также передачей духовных сообщений об истинах «космической религии», реинкарнации и т. п. Д-р Кюблер-Росс была тоже вовлечена в такие исследования¹⁸⁷.

Известно, что шаманы примитивных племен вступают во «внетелесных» состояниях в контакт с воздушным миром падших духов и после «посвящения» способны посещать «мир духов», общаясь с его обитателями¹⁸⁸.

Такие опыты были обычными среди посвященных в «тайны» античного языческого мира. В житии свв. Киприана и Иустины (память — 2 октября) мы имеем свидетельство бывшего волхва об этой области:

«На горе Олимп Киприан обучался всевозможным дьявольским искусствам: он освоил разные демонические превращения, изучил, как изменять природу воздуха... Там он увидел несметные легионы бесов с князем тьмы во главе; одни ему предстояли, другие служили, иные восклицали, восхваляя князя своего, а иные были посылаемы в мир для развращения людей. Здесь же он видел мнимых языческих богов и богинь, разного рода призраки и привидения, вызывать которых учился в течение строгого сорокадневного поста... Так он стал чародеем, волхвом и разрушителем душ, близким другом и верным рабом князя тьмы, с которым беседовал лицом к лицу и от которого принимал почести.

“Поверь мне, — сказал он, — я видел самого князя тьмы... Я поприветствовал его и его старейшин... Он пообещал сделать меня князем после моего исхождения из тела и в течение всей земной жизни помогать мне во всем... Внешний облик князя тьмы был подобен цветку. Его голова была увенчана короной (ненастоящей) из золота и сверкающих камней, отчего пространство вокруг него освещалось; одежда была изумительна. Стоило ему обернуться в ту или другую сторону, как то место трепетало, множество бесов различных степеней покорно стояло у его престола. Тогда я всего себя вверил ему в услужение, во всем ему повинуюсь”»¹⁸⁹.

Св. Киприан не утверждает определенно, что эти встречи он имел вне тела, ведь многие опытные волхвы и чернокнижники могут не покидать тело, чтобы установить полный контакт с воздушной сферой. Даже Сведенборг утверждал в своих «внетелесных» опытах, что большинство его контактов с духами были в теле, но при открытых «дверях восприятия»¹⁹⁰. Однако характеристики этой области одни и те же, независимо от того, происходит опыт в «теле» или «вне тела».

Известный языческий чародей античности (II век), описывая свое посвящение в тайны Изиды, предлагает классический пример «внетелесного» опыта с поднебесной сферой, который разъяснит современные «внетелесные» и «посмертные» случаи.

«Я запишу (о своем посвящении) столько, сколько могу передать непосвященным, не преступая закона, но только с условием, что ты этому поверишь. Я достиг врат смерти и переступил порог Прозерпины, однако, когда прошел все стихии, мне дозволено было вернуться. В полночь я видел сияющее полуденное солнце; я был в непосредственной близости с богами дольного и [богами] горнего мира, предстоя им и принося поклонение. Теперь ты услышал, что случилось, но боюсь, от этого у тебя нисколько не прибавилось мудрости»¹⁹¹.

Выводы о «внетелесной» области

Всего сказанного здесь о «внетелесных» опытах достаточно, чтобы поместить современные «посмертные» впечатления на соответствующий им уровень. Подведем итоги наших исследований.

1. Это «внетелесные» состояния (опыты) в их непосредственном выражении; некоторые из них известны в оккультной литературе; в последние годы они все чаще случаются среди обычных людей, не связанных с оккультизмом. Однако такие опыты не говорят ничего о том, что происходит с душой после смерти, разве только то, что она продолжает жить и обладает сознанием.

2. Область, куда душа попадает немедленно по разлучении с телом, теряя контакт с «материальной действительностью» (после смерти или «вне тела»), есть ни небо, ни ад, но сфера незримая, близкая к земле, называемая «посмертной» или «Бардо плоскостью» («Тибетская книга мертвых»), «миром духов» (Сведенборг и спиритизм), «астральной плоскостью» (теософия и многие направления оккультизма), «местом действия II» (Монро), или же, на православном языке, воздушным миром поднебесья, где обитают падшие духи, прельщающие людей, чтобы привести их к осуждению и гибели. Это не тот «иной мир», ожидающий человека по смерти, а

лишь невидимая часть мира **сего**, которую надлежит пройти человеку, чтобы достигнуть мира «иногo»: неба или ада. Для тех, кто действительно умер и кого Ангелы уводят из земной жизни, это область, где на мытарствах начинается частный суд, а воздушные духи открывают свою истинную природу и враждебность по отношению к человечеству; для всех прочих — область бесовского обмана со стороны тех же духов.

3. Существа, с которыми сталкиваются в этой области, всегда (или почти всегда) демоны, вызваны ли они с помощью медиумов либо оккультными способами или же встречены во время пребывания «вне тела». Это не Ангелы — Ангелы обитают на небе и лишь пересекают данную область как Божии вестники. И не души умерших, так как их души обитают либо на небе, либо в аду, а проходят через сию область сразу после смерти на пути к суду за дела своей жизни. Даже наиболее опытные и вовлеченные во «внетелесные» опыты люди не могут остаться в той области надолго, не подвергая себя опасности навсегда разлучиться с телом (то есть умереть); в оккультной литературе описания воздушных встреч участников таких опытов — большая редкость.

4. Опытам в этой области нельзя ни доверять, ни, разумеется, принимать их за чистую монету. Даже овладевшие основами православного христианского учения могут быть прельщены падшими духами в любом «видении»; те же, кто вступает в сию область без знаний о ней и принимает ее «откровения» с полным доверием, становятся несчастными жертвами падших духов.

Могут спросить: что это за ощущения «мира» и «приятности», которые, по всей видимости, всегда повторяются во «внетелесном» состоянии? Что это за созерцание «света», свидетелями которого являлись многие? Неужели один обман?

В каком-то смысле, вероятно, такие состояния «естественны» для души, отделившейся от тела. Наши физические тела в греховном мире — это тела страдания, разрушения и смерти. Покинув свое тело, душа тотчас оказывается в состоянии, для себя более «естественном», близком к тому, которое определяет для нее Бог, потому воскресшее тело «духовное», в котором будет жить человек в Небесном Царстве, имеет больше общих свойств с душой, чем с земным телом. Даже то тело, с которым был создан Адам, имело природу, отличную от

тленной природы Адама после грехопадения, было открыто восприятию духовного и не подвержено страданиям, боли и утомлению.

В этом отношении «мир» и «приятность» во «внетелесном» опыте можно считать подлинными, не лживыми. Обман вторгается тогда, когда человек начинает объяснять себе «естественные» чувства как «духовные», — словно бы этот «мир» есть истинный мир, примирение с Богом, а «приятность» несет подлинное духовное утешение, возможное только на небе. Так могут истолковывать свои «внетелесные» и «посмертные» состояния люди вследствие недостатка подлинных знаний и духовного опыта. Что такое понимание — ошибка, можно видеть из факта, что даже закоренелые безбожники, «умирая», достаиваются того же ощущения. В одной из предыдущих глав мы отмечали этот факт, описывая случай с индийцем — атеистом и самоубийцей. Другой удивительный пример — случай с английским романистом-агностиком Сомерсетом Моэмом. Он прошел через краткий опыт смерти незадолго до ухода из жизни в восемьдесят лет: сначала, по его описанию, он увидел все усиливающийся свет, а затем ощутил «блаженное чувство облегчения»¹⁹². Это переживание ни в какой мере не было духовным — лишь еще одно «естественное» событие в жизни, так и окончившейся неверием.

Может показаться, что смерть, как чувственное и «естественное» переживание, в самом деле приятна. В равной мере ощущение приятности как у тех, чья совесть чиста пред Богом, так и у тех, кто не имеет глубокой веры в Бога, в вечную жизнь и не сознает, что он досаждал Богу в течение своей жизни. «Лютую смерть» встречают те, кто, как хорошо выразился один писатель, «знает, что Бог есть, однако проводит свою жизнь так, словно Его нет»¹⁹³, то есть те, чья душа мучима угрызениями совести, не получают естественной «приятности» физической смерти. Разница между верующими и неверующими проявляется не в момент смерти, а позже, на частном суде. «Приятность» смерти может быть реальной, но вне связи с вечной участью души, которая может оказаться мучительной.

Тем более это верно в отношении «света». Он также **может** быть чем-то естественным — отражением подлинного состояния света, для которого был сотворен человек. Если это так, то серьезнейшей ошибкой будет придание сему «духовного» значения, как неизменно

делают духовно неопытные люди. Православная аскетическая литература полна предупреждений, что нельзя доверять любому виду «света», который может появиться; и когда такой свет начинают принимать за «Ангела» или же «Христа», то ясно, что человек впадает в прелесть, создавая «реальность» из своего воображения прежде того, как падшие духи начали строить козни.

Вполне естественно для души, отделенной от тела, иметь обостренное чувство реальности и проявлять (*exercise*) то, что называется теперь экстрасенсорным восприятием (ESP). Тот факт, что душа именно после «смерти» (иногда в самый последний момент перед ней) видит то, чего не видят стоящие рядом, знает, что где-то далеко умирает человек и т. д., — отмечен как в православных источниках, так и в современных научных исследованиях. Говорит об этом опыт д-ра Моуди, называемый «видением знания», когда, как кажется, душа получает «просвещение» и зрит «все знания» пред собой¹⁹⁴. Св. Бонифаций описывает мгновения после смерти «монаха из Уэнлока»: «Он чувствовал себя человеком, очнувшимся от сна; с его глаз, плотно закрытых покрывалом, пелена была сорвана, и все невидимое, неизведанное и закрытое стало ясным. Перед взором собралась воедино, как казалось, вся вселенная, части земного материка, моря и все люди»¹⁹⁵.

Такая восприимчивость присуща некоторым душам еще в теле. Св. Григорий Великий замечает, что «иногда души могут предвидеть будущее благодаря собственной утонченной силе, в отличие от тех, кто прозревает будущее по Божию откровению»¹⁹⁶. Но люди с такими душевными способностями (*psychics*) неизменно впадают в прелесть, когда самовольно истолковывают и развивают свой талант, который может быть правильно использован лишь святыми подвижниками, и, конечно, Православной веры. Американский «телепат» (*psychic*) Эдгар Кейси — пример такого экстрасенсорного восприятия. Обнаружив у себя дар устанавливать правильный медицинский диагноз в состоянии транса, он стал доверять всем сообщениям, полученным в таком состоянии, предлагая астрологические прогнозы, прослеживая «прошлые жизни» людей в «Атлантиде», Древнем Египте и т. д., и закончил тем, что выдавал себя за прорицателя будущего (иногда с ним случались громкие провалы: например, он обещал катастрофу на Западном побережье в 1969 году, но предсказание не сбылось).

Естественные переживания души, когда она отделена от тела, — будь то переживания мира и приятности, света или «экстрасенсорного восприятия» — являются поэтому всего лишь следствием ее повышенной восприимчивости, но дают (мы вновь должны это сказать) очень мало достоверной информации о состоянии души после смерти и слишком часто приводят к произвольным толкованиям иного мира, а также к прямому общению с падшими духами, к чьему царству все это и относится. Подобные переживания относятся целиком к «астральному» миру и сами по себе не имеют ничего духовного или небесного; даже когда сам опыт реален, нельзя доверять его толкованиям.

5. По природе вещей **истинное знание о воздушной области духов и их проявлениях не может быть приобретено одним только опытом.** Уверенность всех «ветвей» оккультизма в том, что именно их знание — подлинное, потому как основывается на «опыте», есть роковая ошибка оккультного «знания». Как раз наоборот, ведь опыты этой сферы проходят в воздушной области и чаще проводятся демонами с целью соблазна и опустошения человеческих душ, то есть они самой своей природой привязаны ко лжи и обману, и человек, будучи чужим в этом поднебесье, никогда не сможет хорошо ориентироваться здесь и быть уверенным в его реальности, как уверен в реальности материального мира. Вполне справедливо буддийское учение (в «Тибетской книге мертвых») утверждает, что природа явлений «Бардо плоскости» иллюзорна, но ошибается, когда на основе одного опыта заключает, что за такими явлениями вообще не стоит никакой реальности. Реальность невидимой сферы нельзя познать, если она не будет открыта источником, находящимся вне ее, над ней.

По тем же причинам подход к этой сфере через личный или «научный» комплекс экспериментов неизбежно приведет к ложным результатам. Почти все современные исследователи принимают оккультное учение в данной области или горячо симпатизируют ему по единственной причине: оно основано на опыте, который является основой науки. Но опыт в материальном мире есть нечто совершенно отличное от опыта в сфере воздушной. Исходный материал, над которым проводится эксперимент и изучение которого идет, в первом случае морально «нейтрален» и потому может быть объективно исследован и подтвержден другими; во втором случае этот «сырой»

материал скрыт, труднодоступен для восприятия и во многих случаях обладает **своей собственной волей**: его цель — ввести исследователя в заблуждение. Поэтому серьезные исследования: д-ра Моуди, д-ра Крукалла, д-ров Осиса и Харальдссона, д-ра Кюблер-Росс — неминуемо используются для популяризации оккультных идей, «естественно» выходящих из изучения оккультной воздушной сферы. Только усвоив, что существует истина Откровения (что происходит все реже), которая выше всякого опыта, можно внести ясность в эту область, понять ее природу и провести различие между нижним царством и вышним Царством Небесным.

Было необходимо посвятить эту пространную главу «внетелесным» состояниям, чтобы определить природу того, что переживают множество обычных людей, а не одни медиумы и оккультисты. (В конце книги мы попробуем объяснить, почему такие опыты становятся в наши дни столь обыденными.) Опыты реальны и не могут быть отвергнуты как «галлюцинации». Ясно и то, что они не духовны, а потому желание интерпретировать их как «духовные» опыты, раскрывающие подлинную природу загробной жизни и конечное состояние души, лишь способствует усилению духовной неразберихи у современного человека и показывают, насколько они отстоят от истинного духовного ведения и опыта.

Для наглядности в следующей главе мы перейдем к анализу случаев **настоящих** опытов потустороннего мира — вечного мира неба, открываемого человеку только по воле Божией и совсем непохожего на воздушную сферу, рассматриваемую нами и все-таки являющуюся частью **этого** мира, грядущего к своему концу.

Замечания о перевоплощении — реинкарнации

Ныне широко обсуждается и иногда усваивается теми, кто прошел через «внетелесные» и «посмертные» состояния, и рядом ученых идея реинкарнации. Она заключается в том, что после смерти душа не подвергается частному суду и не обитает потом на небе или в аду, ожидая общего воскресения и Страшного Суда, но (видимо, после долгого или краткого пребывания в «астральной плоскости»)

возвращается на землю, занимая новое тело — животного или другого человека.

Еще в языческой древности эта идея широко бытовала на Западе, чтобы впоследствии уступить место христианству; в наши дни ее распространение обусловлено влиянием индуизма и буддизма, в которых она принята повсеместно. Сегодня идея реинкарнации «гуманизируется»: люди допускают, что свои «предыдущие жизни» они провели в человеческом облике, тогда как, по общему мнению индуистов и буддистов, древних греков и римлян, редко удается достигнуть «воплощения» в человека и большинство современных «воплощений» суть животные, насекомые и даже растения.

Те, кто верит в реинкарнацию, говорят, что она дает обоснование многочисленным «несправедливостям» земной жизни, необъяснимым страхам (фобиям). Если кто-то родился слепым или в нищете, то сие есть воздаяние за поступки в «предыдущей жизни» (или, по их выражению, причиной является «дурная карма»); боязнь воды означает, что в «прежнем существовании» человек утонул.

У верящих в реинкарнацию нет никакой глубокой философии происхождения и предназначения души, ни убедительных доказательств в подтверждение своей теории. Ее основные привлекательные стороны весьма поверхностны и сводятся к призрачному торжеству «правды» на земле, мнимому объяснению ряда психических загадок и возможности подобия «бессмертия» для тех, кто не принимает христианских позиций.

После серьезного размышления понятно, что теория реинкарнации вовсе не дает объяснения несправедливостей: если кто-то страдает в этой жизни за грехи и ошибки прежней, о которой он не помнит и за которую (если был животным) не может быть ответственным, и если (согласно буддистскому учению) не существует Я, продолжающего свое бытие от одного «воплощения» к другому, а потому чьи-то прошлые ошибки суть ошибки кого-то другого, — то вообще не существует никакой справедливости, а только слепое страдание от зла, происхождение которого проследить невозможно. Христианское учение о грехопадении Адама как источнике зла в мире предлагает им лучшее объяснение, а христианское Откровение о совершенной Божией правде и справедливости, Его суд над людьми, окончанием которого будет вечная жизнь на небе или в аду, делает

ненужной идею о достижении «справедливости» путем последовательных «воплощений» в этом мире.

Идея реинкарнации в последние десятилетия завоевала удивительную популярность на Западе. Было много случаев, наводящих на мысль о «воспоминании о прошлых жизнях», многие люди после пребывания во «внетелесном» состоянии верят, что эти переживания вселяют или внушают идею о перевоплощении. Что следует думать о таких случаях?

Отметим, что лишь в немногих представленных описаниях есть «доказательства» более или менее «конкретные», а не туманные и случайные, которые могут быть продуктом воображения: ребенок родился с пятном на шее и впоследствии вспоминает, что в «предыдущей жизни» был повешен как конокрад; кто-то боится высоты и «вспоминает», что в «прежней жизни» умер от падения. Склонность человека к фантазии делает такие случаи сомнительными для «доказательства» перевоплощения. Однако подобные «минувшие» жизни обнаруживаются с помощью гипнотического метода, названного «регрессивный гипноз», который часто давал удивительные результаты в воспоминании событий, давно забытых в сознательном возрасте, вплоть до младенческих лет. Гипнотизер переносит человека «назад» в детство и затем спрашивает: «Что было до этого?» Нередко человек «вспоминает» свою «смерть» или целый отрезок прошлой жизни. Как воспринимать такие «проблески» памяти?

Опытные гипнотизеры сами признают наличие ловушек в методе «регрессивного гипноза». Д-р Артур Хастингс (Arthur C. Hastings), специалист по психологии общения из Калифорнии, отмечает, что «самое очевидное, что случается под гипнозом, — предельная открытость человека для тончайших, неосознанных, несловесных (невербальных) внушений гипнотизера и его чрезвычайная податливость. Если попросите уйти в прошлую жизнь, а у него нет прошлой жизни, то он изобретет ее для вас! Если внушите ему, что он видел НЛО, он вспомнит об этом»¹⁹⁷.

Д-р Ларри Гарретт (Larry Garrett), гипнолог, работающий в Чикаго и проведший более пятисот сеансов регрессивного гипноза, замечает, что такие регрессии часто неточны, когда предметом воспоминания является событие, свершившееся в **этой** жизни. «Люди часто

выдумывают события, движимые желанием превратить мысль в действительность, либо фантазиями, сновидениями и подобными аффектами... Любой, практикующий гипноз и применяющий один из типов регрессии, обнаружил бы, что нередко люди, сидя на сеансе, живо воображают все что угодно, лишь бы угодить гипнотизеру»¹⁹⁸.

Один из исследователей данного вопроса пишет: «Метод чреват опасностями, главная из которых — склонность разума в бессознательном состоянии к неожиданной фантазии. Плодом гипнотического сеанса может быть мечта о том или ином образе прежнего бытия, который хотелось иметь пациенту, или же он полагал, верно или неверно, что прожил именно так... Одним психологом гипнотизируемым были даны инструкции вспомнить прежнюю жизнь, что они и сделали, все без исключения. Некоторые полученные сообщения изобиливали яркими подробностями и казались убедительными... Во время повторного сеанса у того же психолога они в состоянии транса могли проследить все детали своих отчетов о “прежнем существовании” и возвести их к какому-то вполне нормальному источнику — к человеку, которого они знали в детстве, к эпизодам из некогда прочитанных романов или к кадрам из кинофильмов, просмотренных много лет назад, и т. д.»¹⁹⁹.

Что же сказать о случаях, отчеты о которых публиковались в последнее время, когда налицо «объективное доказательство» чьей-либо «прежней жизни»: когда человек «помнит» подробности времени и мест, которые сам разузнать не мог, но они могут быть проверены историческими документами?

Ведь они весьма убедительны для тех, кто предрасположен верить в реинкарнацию, но этот вид «доказательств» не отличается от стандартной информации, представляемой «духами» на спиритических сеансах (и может носить удивительный характер), а потому нет основания полагать, что ее источник — другой. Если «духи» на сеансах суть бесы, то и информация о «предшествовавших жизнях» того или иного человека может поставляться бесами. Цель одна и та же — смутить людей демонстрацией «сверхъестественного» знания и ввести их в заблуждение относительно подлинной природы жизни после смерти, оставив их духовно не подготовленными к ней.

Даже оккультисты, принимающие благосклонно идею перевоплощения, признают, что «доказательства» реинкарнации

можно истолковывать по-разному. Один американский популяризатор оккультных идей полагает, что «в большинстве представленных примеров, свидетельствующих о реинкарнации, речь, видимо, может идти о случаях одержимости»²⁰⁰. «Одержимость», по мнению этих оккультистов, случается, когда «мертвый» индивидуум овладевает живым телом, так что само существо последнего, скорее всего, изменяется и создается впечатление, что на него действуют какие-то стороны «прежней жизни». Существа, которые «овладевают» людьми, конечно, демоны, как бы ни скрывались они под маской умерших душ. Вышедшая недавно книга д-ра Яна Стивенсона «Двадцать случаев, приводящих к мысли о реинкарнации» (“Twenty Cases Suggestive of Reincarnation”) на самом деле представляется собранием случаев такой одержимости.

Ранняя христианская Церковь боролась с идеей реинкарнации, проникшей в христианский мир из восточных учений — таких как манихейство.

Лжеучение Оригена о «предсуществовании душ» было тесно связано с ними. Пятый Вселенский Собор строго осудил ересь Оригена, предав анафеме его последователей. Некоторые отцы Церкви посвящали свои труды обличению данного заблуждения, среди них отметим св. Амвросия Медиоланского на Западе («О вере в воскресение», книга II) и св. Григория Нисского на Востоке («О душе и воскресении»).

Современному православному христианину, искушаемому принятием этой идеи или просто интересующемуся ее «доказательствами», достаточно обдумать три основных христианских догмата, которые решительно опровергают возможность перевоплощения.

Воскресение тела. Христос воскрес из мертвых в том самом теле, которое приняло смерть (неизбежную для каждого человека), став начатком, по апостолу Павлу (см. 1 Кор. 15, 20), [открыв путь ко всеобщему воскресению] для всех людей, чьи тела будут воскрешены в последний день и воссоединены с их душами, чтобы вечно жить на небе или в аду, в соответствии со справедливым словом Божиим об их земной жизни. Это воскресшее тело восстанет в новом виде и по примеру Тела Самого Христа будет отличаться от земного большей утонченностью, уподобившись во многом природе ангельской, без

чего не сможет пребывать в Царстве Небесном, в котором нет ни смерти, ни тления; и все-таки это будет то же самое тело, чудесно восстановленное Богом для вечной жизни, как было открыто Иезекиилю в видении о «сухих костях» (см. Иез. 37, 1-14). На небесах искупленные узнают друг друга. Тело, таким образом, есть неотъемлемая часть всей человеческой личности, которая будет жить вечно, а потому сама мысль о многих телах, принадлежащих одному и тому же человеку, отрицает природу Царства Небесного, которое Господь приготовил любящим Его.

Наше искупление Иисусом Христом. Через Воплощение и искупительную Жертву (земное служение, страдания, Крестная смерть) Сын Божий совершил наше спасение, избавил от власти греха и смерти. В Его Церкви мы освящаемся и обретаем спасение без наказания за прошлые согрешения. А согласно идее реинкарнации, если кто-то и «спасается», то только после многих жизненных периодов (жизней), отработывания последствий сделанных грехов. Это — сухое и безотрадное законничество языческих религий, полностью упраздненное Крестной Жертвой Спасителя; разбойник, висящий на кресте справа, получил спасение в мгновение ока благодаря вере в Сына Божия, так что «дурную карму» его злодеяний изгладила Божия благодать.

Суд. *Человекам положено однажды умереть, а потом суд* (Евр. 9, 27). Человеческая жизнь — это единственный и определенный период испытания, после которого уже нет «второго шанса», только Божий суд (справедливый и милостивый) над человеком в соответствии с состоянием его души по окончании жизни.

В отличие от языческих религий, где нет веры в воскресение или искупление либо есть неопределенность в отношении суда и будущей жизни, христианское Откровение в этих трех догматах представлено точно и ясно. Единственный ответ на все «воспоминания» о «предыдущих жизнях» — четко очерченное христианское учение о природе человеческой жизни и об отношении между Создателем и человеком.

VIII. Подлинные христианские опыты неба

1. Местонахождение неба и ада

Многочисленные примеры из повествований святых отцов и житий святых показали, что душа после смерти сразу входит в поднебесную воздушную область, свойства которой подробно рассмотрены выше. Мы видели, что, как только тело умирает и душа прощается со всем земным, ее прохождение через воздушную область описывается как восхождение по мытарствам, где начинается частный суд, цель которого — определить, готова ли она обитать в раю. Души, уличенные в нераскаянных грехах, низвергаются бесами в ад, успешно проходящие испытания на мытарствах свободно восходят на небеса, сопровождаемые Ангелами.

Что такое небо? Где оно? Занимает ли оно какое-то место? Находится ли оно вверху? Как и во всех вопросах, касающихся жизни после смерти, нам следует задавать такие вопросы не из любопытства, но с целью лучше вникнуть в учение, переданное нам Церковью, и избежать недоумений, которые современные идеи и некоторые психические опыты могут вызвать у православных христиан.

Вопрос о «местонахождении» неба (и ада) в наше время почти везде понимается неправильно. Еще недавно советский руководитель Хрущев смеялся над верующими в Бога — он, видите ли, послал космонавтов в космос, и они Его не видели!

В атеистическую карикатуру рая на «облаках» не верит ни один здравомыслящий христианин, но находятся наивные протестанты, которые поместили бы рай в отдаленную галактику или созвездие. Видимое творение пало и подверглось тлению, и потому в нем нет места для невидимого Божия неба как реальности духовной и невещественной. Однако многие христиане, чтобы избежать насмешек со стороны неверующих и уйти от малейшей примеси материалистического учения, уклоняются в другую крайность, заявляя, что неба нет «нигде». Среди римо-католиков и протестантов бытует мнение, что небо — это «состояние, а не место», что «вверху» лишь метафора, что вознесение Христово (см. Лк. 24, 50-51; Деян. 1, 9-

11) было на самом деле не вознесением, а лишь изменением состояния. Плод всего подобного — утрата четкой и конкретной концепции неба и ада, так что чувство реальности начинает угасать, что чревато разрушительными последствиями для христианской жизни, потому как это та реальность, к которой обращена вся наша земная жизнь. Все подобные апологии, по учению свт. Игнатия Брянчанинова, основываются на ложной послышке философа новейшего времени Декарта, утверждавшего, что все нематериальное есть «чистый дух», не ограниченный временем и пространством. Учение Православной Церкви — другое. Свт. Игнатий пишет: «Мечта Декарта о независимости духов от пространства и времени — решительная нелепость. Все ограниченное, по необходимости, зависит от пространства»²⁰¹. «Многочисленные цитаты... из богослужебных книг и из творений отцов Православной Церкви... со всею удовлетворительностью решают вопрос относительно того, где помещаются *рай* и *ад*... Обратим теперь внимание на учение Православной, восточной Церкви... О! С какою ясностью она указывает место **рая на небе и место ада во внутренности земли**»²⁰². Здесь мы укажем, как следует это учение понимать.

Все православные источники (Священное Писание, богослужения, жития святых, творения святых отцов), которые цитирует свт. Игнатий, свидетельствуют о том, что рай и небо находятся «вверху», а ад «внизу», под землей.

И поскольку Ангелы и души ограничены в пространстве (о чем говорится в главе II «Православное учение об Ангелах»), то им приходится всегда быть в определенном месте — будь то небо, ад или земля. Мы цитировали учение преп. Иоанна Дамаскина об Ангелах: «Когда они находятся на небе, их нет на земле; и посылаемые Богом на землю — они не остаются на небе»²⁰³. Это учение тождественно [учению] изложенному ранее св. Василием Великим в сочинении «О Святом Духе» (гл. 23), св. Григорием Двоесловом в «Поучениях на Книгу Иова» (II, 3) и всеми отцами Православной Церкви.

Итак, небеса — место, и оно, конечно, **вверху**, выше любой точки земли, а ад **внизу**, в недрах земли, но эти места и их обитателей люди не видят, пока их духовные очи не открыты, как об этом говорилось ранее, относительно воздушной области. Места сии вне пределов нашей пространственно-временной системы: ни самолет не пролетит

«незримо» через рай, ни спутник Земли не пересечет третье небо, ни до души, ожидающей Страшного Суда в аду, нельзя добраться путем бурения земной коры. Они не там, а в ином виде пространства, начинающегося здесь, но простирающегося, если можно так сказать, в другом направлении.

Свидетельства или намеки на иной тип действительности существуют даже в повседневном опыте мира сего. Существование вулканов и высокой температуры в недрах Земли многими святыми и отцами Церкви рассматривается как прямое указание на существование ада в глубине Земли²⁰⁴. Конечно, ад не «материален», как материальна лава, выходящая из земной коры; по всей видимости, имеется некое сближение двух видов реальности, сближение, которое можно видеть в самой природе человека, его способности в определенных обстоятельствах или по воле Божией воспринимать оба вида реальности даже в этой жизни. Современным ученым приходится признать, что они не уверены ни в элементарной природе и границах материи, ни в том, где она исчезает и начинается реальность «душевная» (*psychic*).

Многочисленные сообщения в житиях святых показывают, как иной вид действительности вторгается в «нормальное» пространство мира сего. Часто душа новопреставленного человека зримо восходит на небо, как это было, когда св. Венедикт видел душу св. Германа Капуанского, возносимую на небо Ангелами в огненном шаре²⁰⁵, или когда жители Афогнака видели душу св. Германа, восходящую в огненном столпе, или когда старец Филарет Глинский лицезрел восходящую душу преп. Серафима Саровского. Пророк Елисей видел пророка Илию, взятого на небо на огненной колеснице (см. 4 Цар. 2, 11). Нередко были видимы души, проходящие через мытарства; такие случаи часто встречаются в житии св. Нифонта, епископа Констанции Кипрской (память 23 декабря), и св. Колумбы Ионского (некоторые примеры из его жития мы привели в главе о мытарствах). Житие блж. Феофила Киевского повествует, что один из свидетелей его праведной кончины видел, как «вдруг перед ним что-то промелькнуло и в лицо пахнула струя прохладного воздуха. С изумлением взглянул Димитрий вверх и остолбенел: в келии медленно стал подниматься покров, и голубое небо, точно простирая свои объятия, приготовилось принять святую душу умирающего праведника»²⁰⁶.

Наша любознательность не должна простираться дальше общего знания, что небо и ад — это в самом деле «места», но не в сем мире, не в нашей пространственно-временной системе. Мы собьемся с толку, пытаясь собрать воедино их «географию», настолько эти «места» отличаются от земных понятий. Некоторые жития святых ясно указывают, что «небо» находится над «раем»; в других отмечается, что существует, по крайней мере, «три неба», но нам не следует определять «пределы» этих мест или разграничивать их свойства. Описания даны нам Божественным Промыслом, чтобы побудить нас наследовать рай путем христианской жизни и смерти, а не для того, чтобы прилагать к ним светские категории логики и познания, которые к ним не подходят. Справедливо напоминает нам о должной осторожности в стяжании знаний о небе и аде св. Иоанн Златоуст: «Ты спрашиваешь, где ад? Но для чего тебе это знать? Ты должен знать то, что ад существует, а не то, где он сокрыт... По моему мнению, он где-то за пределами всего этого мира... Постараемся же узнать не где он, а как его избежать»²⁰⁷.

Нам в сей жизни много не дано понять о потусторонней реальности, хотя сведений вполне достаточно, чтобы отвечать рационалистам, утверждающим, что неба и ада нет «нигде», то есть они не существуют, только потому, что они не могут их видеть. На самом деле эти места существуют «где-то», причем некоторые из живущих на земле были там и вернулись на землю, чтобы рассказать о них; однако сии места видимы нами во плоти более верой, чем знанием: *Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан* (1 Кор. 13, 12).

2. Христианские опыты неба

Подлинные христианские опыты неба всегда несут один и тот же отпечаток восприятия потустороннего. Те, кто видел небо, не только были вознесены в другое место, но они перешли в иное **духовное состояние**. Не испытав этого лично, нам должно удовлетвориться описанием внешних характеристик; взятые воедино, они позволяют

отличить настоящие опыты от других встреч с воздушной сферой, о чем шла речь выше.

Большая часть житий святых содержит повествование о том, как души восходили на небеса и это было видно с земли. В житии преп. Антония Великого мы читаем: «В другое время случилось, что он [преп. Антоний] сидел на горе и, поднявши взор к небу, увидел какую-то душу, восходящую на небо в сопровождении веселящихся о ней Ангелов. Дивясь этому, преподобный помолился, чтобы ему было открыто, что означает это видение. И был к нему голос: “Это — душа инока Аммония, жившего в Нитрии”. Аммоний был старец, который с ранней юности и до смерти проводил строгую подвижническую жизнь»²⁰⁸.

А так описал смерть св. Марка Фраческого авва Серапион: «Я... взглянув, увидел душу святого уже освободившуюся от оков плоти, — она была покрыта ангельскими руками белосветлую одеждою и возносилась ими на небеса. Я созерцал воздушный путь к небу и отверзшиеся небеса. При сем я видел стоящие на этом пути полчища бесов и слышал обращенный к бесам ангельский голос: “Сыны тьмы, бегите и скройтесь от лица света правды!” Святая душа Марка была задержана на воздухе около одного часа. Затем послышался с неба голос, говоривший Ангелам: “Возьмите и принесите сюда того, кто посрамил бесов”. Когда душа преподобного прошла без всякого для себя вреда через бесовские полчища и приближалась уже к отверстому небу, я увидел как бы подобие простертой с неба правой руки, принимавшей непорочную душу. Затем это видение сокрылось от глаз моих, и более я ничего не видел»²⁰⁹.

По этим повествованиям можно выделить три основных признака подлинного христианского опыта неба: восхождение; душу сопровождают Ангелы; ее приветствуют обитатели неба, и она вступает в их число.

Опыты неба различны. Иногда душа препровождается на небо прежде смерти, чтобы явлены были чудеса или же уготованное для нее место. Так, св. Мавра, отвергнув два ложных явления падших духов (они как пример искушений в час смерти изложены выше), описала последовавшее за тем Богом данное благодатное видение. «Также видела я и третьего мужа, прекрасного видом; лицо его сияло, как солнце. Взяв меня за руку, он возвел меня на небо и показал мне

престол, покрытый белой одеждою, и венец, прекрасный видом. Удивившись такой красоте, я спросила того мужа, который привел меня на небо: “Чье это, господин?” Он же сказал мне: “Это воздаяние за подвиг твой... Но теперь возвратись в тело твое; утром же, в шестый час, придут Ангелы Божии, чтобы взять ваши души и вознести их на небо”»²¹⁰.

Издали видел небеса и св. первомученик Стефан: *небеса открытые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога* (Деян. 7, 56). Однако мы тщательно рассмотрим только тот опыт, который легче сравнить с современными «посмертными» состояниями: восхождение на небо во время смерти либо при наитии Божественной благодати «в теле» или «вне тела».

Св. Сальвий Альбийский, галльский иерарх VI века, возвратился к жизни после того, как был мертв большую часть дня, и рассказал своему духовному другу, св. Григорию Турскому: «Четыре дня назад, когда келья сотряслась и вы увидели меня бездыханным, я был подхвачен двумя Ангелами и поднят высоко в небеса²¹¹, и мне казалось, что у меня под ногами не только жалкая Земля, но даже Солнце, Луна, облака и звезды. Затем меня ввели в сверкающие ярче этого света ворота, в просторное жилище, наполненное невыразимым светом, где пол блестел золотом и серебром. Здесь было такое множество людей обою пола, что нельзя было объять их взглядом, ни конца ни края им не было видно. Сквозь сомкнутые ряды мне проложили путь Ангелы, шедшие впереди, и мы оказались у места, которое созерцали издали. Над ним расположилось облако ярче всякого света, а там не было ни Солнца, ни Луны, ни звезд, но сияние его превосходило все эти светила, и из него исходил глас “как шум вод многих”. Меня, грешника, смиренно приветствовали мужи в священнических и мирских одеждах. Это были, как сказали мои спутники, мученики и исповедники, которых мы на Земле глубоко почитаем. Когда я встал там, где мне приказали, меня окутал такой сладкий аромат и я так насытился его сладостью, что до сих пор не хочу ни есть, ни пить. И услышал я глас, говорящий: “Да возвратится он в мир, ибо надобен нашим церквам”. Я услышал голос, но не мог видеть, кто говорит. Затем я пал ниц на землю и заплакал: “Увы, увy, Господи, зачем Ты дал мне видеть все это, чтобы снова отнять у меня!...” И глас, обращенный ко мне, сказал: “Иди с миром. Я буду

стражем твоим, пока не возвращу тебя в эту землю”. Тогда я, покинутый спутниками, с плачем вернулся через врата, в которые вошел»²¹².

В этом примере добавилось несколько важных характеристик: яркий свет небес; незримое Божие присутствие, Чей голос слышен; благоговение и страх святого перед Богом и ощущение Божественной благодати в виде дивного благоухания. Кроме того, указано, что множество встреченных на небе «людей» (помимо Ангелов, сопровождающих души) — это души мучеников и святых.

Монах из Уэнблока, после того как он был вознесен и прошел мытарства, «увидел также место дивной красоты, где множество очень красивых людей наслаждались небывалым счастьем, и они позвали его разделить с ними это счастье, если ему позволят. И от дыхания ликующих вместе блаженных душ до него донеслось дивной сладости благоухание. Святые Ангелы сказали ему, что это преславный рай Божий». Далее «он увидел великолепные сияющие стены удивительной длины и необычайной высоты. И святые Ангелы сказали: “Это тот святой и славный град, небесный Иерусалим, где души святых пребывают в радости вовеки”. Он сказал, что души и стены сего славного города... были такой ослепительной яркости, что его глаза никак не могли взирать на них»²¹³.

Но самым полным и поразительным опытом небес, отмеченным в христианской литературе, является событие, происшедшее с блж. Андреем, Христа ради юродивым, Константинопольским (IX век). Оно было записано со слов самого святого его другом Никифором; мы приведем из него некоторые отрывки.

«Однажды во время суровой зимы, когда св. Андрей лежал на городской улице замерзший и был близок к смерти, он ощутил в себе теплоту и узрел прекрасного юношу с лицом, сияющим, как солнце, возведшего его в рай на третье небо.

По Божественному изволению я пребывал в течение двух недель в сладостном видении... я видел себя в прекрасном и дивном рае... умом и сердцем удивлялся я несказанной прелести рая Божия и услаждался, ходя по нему. Там находилось множество садов, наполненных высокими деревьями, которые, колыхаясь своими вершинами, веселили мои очи, и от ветвей их исходило великое благоухание... сих деревьев нельзя уподобить по красоте ни одному земному дереву... В

тех садах были бесчисленные птицы с золотыми, белоснежными и разноцветными крыльями. Они сидели на ветвях райских деревьев и так прекрасно пели, что от сладкозвучного их пения я не помнил себя... После сего на меня напал какой-то ужас, и мне показалось, что я стою наверху небесной тверди, предо мною же ходит какой-то юноша со светлым, как солнце, лицом, одетый в багряницу... Когда я ходил по его стопам, то увидел Крест большой и прекрасный, по виду подобный радуге, а кругом его стояли огневидные, как пламень, певцы и воспевали сладостное песнопение, славословя Господа, некогда распятого на Кресте. Шедший предо мною юноша, подойдя ко Кресту, облобызал его и дал знак и мне, чтобы и я облобызал Крест... Лобызая его, я исполнился несказанной духовной сладости и обонял благоухание сильнее райского. Пройдя мимо Креста, я посмотрел вниз и увидел под собою как бы морскую бездну... [Мой путеводитель] обратившись ко мне, сказал: “Не бойся, ибо нам необходимо подняться еще выше”.

И он подал мне руку. Когда я ухватился за нее, мы уже находились выше второй тверди. Там я увидел дивных мужей, их упоение и не передаваемую на языке человеческом радость их праздника... И вот... мы поднялись выше третьего неба, где я видел и слышал множество сил небесных, воспевающих и славословящих Бога. Мы подошли к какой-то блистающей, как молния, завесе, пред которой стояли великие и страшные юноши, видом подобные как бы огненному пламени... И сказал мне водивший меня юноша: “Когда отверзется завеса, ты увидишь Владыку Христа. Поклонись же престолу славы Его”. Услыхав сие, я радовался и трепетал, ибо меня объял ужас и неизреченная радость... И вот какая-то пламенная рука отверзла завесу, и я, подобно пророку Исаии, узрел Господа моего, *сидяща на престоле висоце и превознесенне, и Серафими стояху окрест Его* (Ис. 6, 1-2). Он был облечен в багряную одежду; лице Его было пресветло, а очи Его с любовью взирали на меня. Увидев сие, я пал пред Ним ниц, поклоняясь пресветлому и страшному престолу славы Его. Какая радость объяла меня при созерцании лица Его, того нельзя словами и выразить. Даже и теперь, при воспоминании о том видении, я преисполняюсь неизреченною радостью. В трепете лежал я пред моим Владыкою... После сего все небесное воинство воспело предивную и

неизреченную песнь, а затем — не понимаю сам как — снова очутился я ходящим по раю»²¹⁴.

Когда св. Андрей размышлял о том, что на небесах он не видел Божию Матерь, Ангел сказал ему: «Пресветлейшую небесных сил Царицу хотел ты увидеть здесь? Но Ее нет здесь. Она удалилась в многобедственный мир — помогать людям и утешать скорбящих. Я показал бы тебе Ее святое место, но теперь нет времени, ибо тебе надлежит опять возвратиться туда, откуда ты пришел». Тем самым подтверждается факт, что Ангелы и святые могут пребывать в одно время только в одном месте.

Подобного и истинного небесного видения удостоился в XIX веке ученик старца Паисия Величковского, схимонах Феодор Свирский. К концу жизни он ощущал присутствие Божией благодати. После одного из таких благодатных осенений он впал в недуг и в течение трех дней был в состоянии, близком к коме.

«В этом состоянии его душа покинула тело, и он созерцал нечто Божественное. Он ощутил незримо, одним сердечным чувством какого-то юношу, который повел его узкою дорожкой налево. Отец Феодор, как рассказывал, испытал чувство, что уже умер, и говорил: “Я скончался. Неизвестно, спасусь я или погибну”.

“Ты спасен!” — ответил ему на его мысли незримый голос. И вдруг какая-то сила, как стремительный вихрь, восхитила его и перенесла вправо.

“Вкуси сладость райских обручений, которые даю любящим Меня”, — сказал невидимый голос. С этими словами, как показалось о. Феодору, Сам Спаситель положил Свою десницу на его сердце, и он был восхищен в невидимую, неизреченно-приятную как бы обитель, которую не объяснить земным языком. От чувства райской сладости он перешел к другому, еще более прекрасному, затем к третьему; но все чувства, по его словам, мог понимать только сердцем, но не разумом.

Дальше он увидел храм, и в нем близ алтаря как бы шалаш, в котором было пять или шесть человек.

“Вот для этих людей, — сказал мысленный голос, — отменяется смерть твоя. Для них ты будешь жить”.

Ему был открыт духовный возраст некоторых его учеников. Господь возвестил ему те искушения, которые он должен преодолеть в конце дней своих. Божественный голос уверил, что корабль души его

не может пострадать от этих свирепых волн, ибо невидимый управитель его — Христос»²¹⁵.

Можно привести и другие примеры из житий святых и подвижников, но они лишь повторят уже сказанное. Однако будет назидательно представить опыт современного грешника в аду, особенно для сравнения с «посмертными» опытами нашего времени.

Так, автор «Невероятного для многих...» (чье свидетельство мы уже приводили выше), избежав бесов на мытарствах благодаря помощи Божией Матери, описал, как, сопровождаемый своими Ангелами, продолжал подниматься вверх. Он «увидел над собой яркий свет, похожий на солнечный, но гораздо сильнее его. Какое-то царство света.

“Именно царство, где властвует один свет, — угадывая особым чувством не виданное мною, думал я, — потому как в нем нет теней”.

“Но как может быть свет без тени?” — по-земному недоумевал я.

Мы неожиданно внеслись в сферу этого света, и он буквально ослепил меня. Я закрыл глаза рукой, но это не помогало, мои руки не давали тени. Да и что значила здесь подобная защита?

“Боже мой, что это такое, что это за свет? Для меня он та же тьма, если я не могу смотреть и, как во тьме, ничего не вижу...”

Невозможность видеть увеличивала для меня страх неизвестности, естественный в неведомом мне мире, я с тревогой думал: “Что же будет дальше? Скоро ли мы минуем сферу света, есть ли ей предел?”

Но случилось иное. Кто-то величественный властно и без гнева произнес неотвратимые слова: “Не готов!” И затем... затем мгновенная остановка в нашем полете — и мы быстро стали спускаться вниз»²¹⁶.

В этом опыте небесный свет представлен яснее: он таков, что его не может вынести тот, кто не подготовлен к этому христианской жизнью, содержание которой — борьба с грехом, такая, которую прошли св. Сальвий и блж. Андрей.

3. Свойства подлинного опыта неба

Итак, назовем основные характеристики подлинных опытов неба и посмотрим, чем они отличаются от опытов воздушной сферы,

описанных в предыдущих главах.

1. Подлинный опыт неба неизменно бывает в конце процесса **восхождения** через мытарства (если душа должна ответить за свои грехи). Между тем мытарства и приставленные к ним бесы в сегодняшних «внетелесных» и «посмертных» опытах никогда не встречаются, и только в отдельных случаях описывается процесс восхождения.

2. Душа всегда сопровождается на небо Ангелом или Ангелами, никогда не попадает туда и не уходит оттуда по своей воле или собственными силами. Это одно из самых ярких отличий истинного восприятия неба от опытов современных пятидесятников и им подобных, описывающих «посмертные» опыты «рая» и «неба». Последние, как мы видели, похожи на светские и даже атеистические опыты «рая», за исключением случайных моментов, привносимых людской фантазией в «астральную плоскость», но фактически в таких опытах душу никогда не сопровождают Ангелы. Св. Иоанн Златоуст, объясняя Евангелие от Луки (16, 19-31), пишет: «Лазаря тогда отвели Ангелы. Напротив, душу одного [богача] взяли страшные некие силы, может быть, посланные для этого; **ибо душа не сама собою отходит к иной жизни**, потому что это и невозможно. Если мы, переходя из города в город, имеем нужду в руководителе, то кольми паче нуждаться будет в путеводителях душа, исторгнутая из тела и представляемая к будущей жизни»²¹⁷.

Это обстоятельство можно считать одним из критериев подлинности восприятия неба. Истинное восхождение происходит не по выбору человека, а по велению Божию, исполняемому Его Ангелами; тогда как в современных опытах душе чаще предлагается выбор «рая» или возвращения на землю. Обычному в наши дни «внетелесному» опыту «рая» не требуется сопровождение, ведь все происходит **здесь**, в воздухе над нами, все еще в этом мире; присутствие же Ангелов необходимо в иной форме реальности, за его пределами, куда душа не может добраться сама. (Это не значит, что бесы не могут принять вид «ангелов — проводников в мир иной», однако такое бывает редко в нынешних опытах.)

Опыт сопровождается ярким светом и знаменами Божией благодати, выражающимися, в частности, в дивном благоухании. Правда, подобное присутствует и в современных «посмертных»

опытах, но между ними существует серьезное различие, которое вряд ли можно переоценить. Сегодняшние опыты поверхностны, даже чувственны; они ничем не отличаются от впечатлений людей неверующих, если только оставить в стороне внешне наблюдаемые или добавляемые христианские образы; это не более чем **естественное** наслаждение «вне тела» под «христианской» ширмой. (Возможно, что к некоторым падшие духи прилагают ухищрения, чтобы еще больше свергнуть в гордыню и утвердить в поверхностном понимании христианства; но здесь нет необходимости определять более точные границы.) Глубина восприятия подлинных христианских опытов подтверждается истинно чудесными событиями: св. Сальвий, «насыщенный» благоуханием, не нуждался в пище и питии больше трех дней, и, лишь когда он открыл происшедшее с ним, благоухание исчезло, а язык его воспалился и распух; блж. Андрей исчез на две недели; К. Иксуль 36 часов находился в состоянии клинической смерти.

Безусловно, в современных опытах порой бывают «чудесные исцеления» в близких к смерти и похожих на смерть состояниях, но нет ничего необычного, как в вышеизложенных случаях, и ничто никогда не указывает на то, что эти люди видели небо, а не просто испытали наслаждение от выхода «из тела» (в «астральную плоскость»). Различие сегодняшних опытов и подлинных восприятий неба — то же самое, что и [различие] между христианством подлинным и ложным, исповедующим Христа только на словах. Тот «мир», который испытывает человек, «принявший Христа как своего личного Спасителя», или имевший весьма распространенный опыт «говорения языками», или видевший «Христа» (что сейчас не редкость), но ничего не знающий о жизни, содержание которой — покаяние и борьба с древним врагом человечества, и не принимавший истинное Тело и Кровь Спасителя в таинстве Св. Евхаристии, установленном Господом Иисусом Христом, несопоставим с миром, открывающимся в житиях великих святых Православной Церкви. Опыты нашего времени — это в буквальном смысле ложное восприятие неба.

3. Подлинный опыт сопровождается чувством такого благоговения и страха перед величием Бога, ощущением недостойности созерцать Его, какие редко можно найти среди

православных христиан, не говоря о тех, кто находится вне Церкви Христовой. Чувства собственного недостойнства, идущие из глубины сердечной св. Сальвия, трепетно склоненный ниц пред Христом блж. Андрей, К. Икскуль, ослепленный светом, которого он не мог вынести, — все это реальность, неслыханная в современных опытах. Те, кто видит «рай» в воздушной сфере ныне, «польщены», «счастливы», «довольны», — редко можно услышать что-то иное. Если они видят «Христа» в каком-либо облике, то для того, чтобы доставить себе удовольствие от непринужденных «бесед» с Ним, — в этом характерная особенность «харизматического» движения. В таких опытах нет ничего Божественного, а человеческое благоговение перед Всевышним, страх Божий отсутствуют.

Можно привести и другие характеристики истинного восприятия неба, особо отмеченные в православных житиях святых, но сказанного уже достаточно, чтобы четко отличить его от опытов современных. Будем всегда помнить, когда бы мы ни говорили о возвышенных потусторонних состояниях, что их уровень намного превосходит наше сознание и понимание, так что они даются больше как **образные понятия** (*hints*), а не как полные описания того, что на человеческом языке вообще нельзя выразить. *Не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9).

Замечание о видении ада

Для православных верующих ад столь же реален, как и бытие рая. Сам Господь неоднократно говорит о тех, кого за непослушание Его заповедям Он пошлет *в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41). В одной из Своих притч Он дает яркий пример богача, осужденного на адские муки за неправедные дела и взирающего на рай, потерянный им. Богач просит патриарха Авраама разрешить нищему, презираемому им при жизни Лазарю, омочить конец перста своего в воде и прохладить язык его, ибо он мучается в пламени. Но Авраам отвечает, что *между нами и вами утверждена великая пропасть*, потому невозможны встречи между спасенными и осужденными (см. Лк. 16, 24, 26).

В православной литературе видения ада столь же обычны, как и видения рая и неба. Свидетелями таких видений и опытов, в отличие от видений неба, чаще бывают обычные грешники, чем святые, и цель сего ясна. Св. Григорий в «Диалогах» утверждает: «Бог, по Своей благодати и неизреченному милосердию, так устрояет, что некоторые и после действительной смерти внезапно оживают и начинают бояться адских мучений, которые видели, но которым не верили, когда только слышали о них»²¹⁸. Далее св. Григорий описывает несколько опытов ада и впечатлений от них. Так, умер один испанский отшельник Петр и увидел «ад со всеми мучениями и бесчисленные озера огня». Вернувшись к жизни, Петр рассказал все, что происходило с ним, «но, даже если бы он и хранил молчание, его покаянные посты и ночные бдения были бы красноречивыми свидетельствами его ужасающего пребывания в аду и глубокого страха жутких мучений. Бог явил Свое безмерное милосердие, не дав ему умереть и испытать это все после смерти»²¹⁹.

Английский летописец VIII века Беда Достопочтенный передает, как некий человек из провинции Северная Умбрия (Northumbria) возвратился в тело, пробыв «мертвым» всю ночь, и рассказал о посещении и рая, и ада. В аду он очутился в непроглядной темноте; «часто перед нами внезапно возникали клубы тусклого пламени, поднимающегося как бы из огромной ямы и вновь туда спадающего... По мере того как языки пламени разрастались, они наполнялись человеческими душами, которые, подобно искрам, разлетающимся с дымом, то оказывались иногда высоко в воздухе, то падали обратно в глубину по мере уменьшения огненных паров. Более того, неопишное зловоние изливало с этими парами и заполняло все это мрачное место... Вдруг позади я услышал звук самого ужасного и отчаянного стенания, сопровождаемого грубым смехом... Я увидел толпу злых духов, влекущих за собою в глубины пять душ, которые выли и стонали, в то время как бесы смеялись и ликовали... Тем временем из огненных глубин появились темные духи и стали окружать меня, пугая своими сверкающими глазами и отвратительным пламенем, исходящим из их ртов и ноздрей...»²²⁰.

Святой воин Таксиот, как повествует житие, был остановлен на мытарствах бесовскими мытарями. Вот собственное свидетельство воина: «Тогда злые духи, взяв меня, начали бить, затем свели вниз;

земля расступилась, и я, будучи веден узкими ходами через тесные и смрадные скважины, сошел до самой глубины адовых темниц, где в вечной тьме заключены души грешников, где нет жизни людям, а одна мука, неутешный плач и несказанный скрежет зубов. Там стоит отчаянный крик: “Горе, горе нам! увы, увы!” Невозможно передать всех страданий, нельзя пересказать всех мук и боли, которые я видел. Стон из глубины души, и никто о них не милосердствует; плач, и нет утешающего; мольба, и нет внимающего им и избавляющего их. Я был заключен в тех мрачных, полных ужасной скорби местах, и плакал я и горько рыдал от третьего часа до девятого»²²¹.

Монах из Уэнлока видел похожее зрелище в «дальних глубинах» земли. Там «он слышал ужасные, душераздирающие и невыразимые стоны и рыдания страдающих душ. И Ангел сказал ему: “Ропот и крики, слышимые тобою, исходят от душ, к которым никогда не снизойдет любящая благодать Господа, но неугасающий огонь будет мучить их вечно”»²²².

Нас не должны особенно изумлять такие подробности, и еще меньше, чем в случае с небом и раем, следует нам пытаться собрать воедино сведения о «географии» ада. Западные понятия «чистилище» и «лимба»²²³ (*limbo*) лишь попытка создать такую «географию», но Предание Православной Церкви знает только одну реальность ада: он в преисподней. Более того, св. Марк Ефесский учит (см. его Вторую беседу об очистительном огне в Приложении I), что видимое там — это нередко образ будущих мучений, а не точное описание состояния тех, кто ожидает Страшного Суда в аду. Но будь оно созерцанием настоящей действительности или видением грядущего, опыт ада, как он представлен в православных источниках, является действенным средством побудить того или иного человека к христианскому подвигу, который есть единственный путь к избавлению от вечных мук, — вот почему Бог и дарует такой опыт.

Есть ли в современной литературе о «посмертных» состояниях впечатления, сопоставимые с этим опытом ада?

Д-р Моуди и большинство других исследователей наших дней, как мы видели, не находят таких опытов. Мы объяснили данный факт «комфортностью» духовной жизни современников, у которых нет страха перед адом и знания о бытии демонов, потому они и не думают увидеть нечто подобное после смерти. Тем не менее недавно

вышедшая книга о жизни после смерти предлагает иное объяснение, которое, по-видимому, важно. Из книги следует, что опыт ада на самом деле не так редок, как кажется сначала. Мы кратко проанализируем выводы этой книги.

Д-р Морис Роулингз, врач-терапевт из штата Теннесси, специализирующийся на сердечно-сосудистых заболеваниях, лично реанимировал многих пациентов из состояния клинической смерти. Опросы таких пациентов натолкнули его на мысль, что «в отличие от большинства опубликованных случаев о “жизни после смерти”, не все они доставили наслаждение. Ад тоже существует! После осознания этого факта я стал собирать отчеты о неприятных случаях, упущенных прочими исследователями. Происходит это, как я думаю, оттого, что исследователи — психиатры и никогда не **реанимируют** пациента. У них нет возможности находиться на месте события. В моих исследованиях неприятные опыты происходят так же часто, как и приятные»²²⁴.

«Я установил, что большинство дурных впечатлений вскоре подавляются в глубинах подсознательного разума пациента. Они столь болезненны и тревожны, что изглаживаются из осознанных воспоминаний, память сохраняет только приятные впечатления либо вообще никаких»²²⁵.

Д-р Роулингс так описывает свою модель опытов ада: «Подобно тем, кто имел приятный опыт, сообщавшие о тягостных впечатлениях тоже с трудом могли осознать, что умерли, наблюдая, как врачи возятся с их трупом. Они также по выходе из комнаты могут попасть в темный туннель, но вместо того, чтобы потом оказаться в светлом окружении, попадают в темную, тусклую обстановку, где встречают странных людей, которые таятся в тени или вдоль горящего огненного озера. Ужасы не поддаются описанию, и их тяжело воскрешать в памяти»²²⁶. Здесь появление бесов-карликов и странных гигантов, спуск в темноту и пламенеющий жар, огненные ямы и океаны огня, — причем некоторые рассказы исходят из уст «постоянных членов Церкви», которые были удивлены, оказавшись в таком состоянии»²²⁷.

Эти опыты — как по своей краткости, так и по отсутствию руководителей (Ангелов или бесов) — не обладают характеристиками подлинного потустороннего опыта, а некоторые из них напоминают приключения Роберта Монро в «астральной плоскости». Но они все же

вносят серьезные коррективы в рекламируемые опыты «приятности» и «рая» после смерти: «внетелесная» область не есть только наслаждение и свет, и те, кто испытал ее «адскую» сторону, ближе к истине, чем те, кто чувствовал только «наслаждение». Падшие духи, населяющие воздушную сферу, лишь приоткрывают свою истинную природу этим лицам, намекая на мучения, ожидающие тех, кто не знал Христа и не исполнял Его заповедей.

IX. Значение современных «посмертных» опытов

Если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят.

Лк. 16, 31

1. Что «доказывают» современные опыты?

Таким образом, мы убедились, что «посмертные» и «внетелесные» опыты, о которых так много спорят, отличны от подлинных восприятий горнего мира, которые на протяжении многих веков обнаруживались в богоугодной жизни подвижников и подвижниц. Более того, современные опыты стали так известны и «модны» в последние годы не потому, что они действительно «новые» (ведь в XIX веке в Англии и США существовали сборники рассказов о похожих событиях) или участились, но главным образом потому, что умонастроение в западном мире, особенно в Америке, к ним «подготовлено». Общественный интерес, по-видимому, является частью распространившейся реакции на материализм и неверие XX века и признаком тяги людей к религии. Здесь мы поставим вопрос: каково значение этого нового «религиозного» интереса?

Но сначала еще раз скажем о том, что «доказывают» данные опыты относительно истины религии. Большинство исследователей, очевидно, соглашаются с д-ром Моуди в том, что эти опыты не подтверждают «принятого» христианского взгляда на небо²²⁸. Впечатления тех, кто *думает*, что видел небо, не выдерживают сравнения с подлинными видениями неба в прошлом, и даже картины ада скорее намеки (*hints*), чем доказательства того, что ад и правда существует.

Поэтому д-р Кюблер-Росс преувеличивает, когда в предисловии к «Жизни после жизни» утверждает, что сегодняшние «посмертные» исследования «подтвердят то, чему нас учат в течение двух тысяч лет: что есть жизнь после смерти», и что они помогут нам «знать, а не

верить»²²⁹. На самом деле про такие опыты можно сказать, что они «доказывают» не более того, что душа человека живет вне тела и нематериальная реальность существует, но не дают никакой информации о дальнейшем: о состоянии души после первых минут «смерти», о конечной природе нематериальной сферы. С этой точки зрения современные опыты менее удовлетворительны, чем свидетельства, изложенные в житиях святых и других христианских источниках. Мы черпаем в этих источниках значительно больше, конечно, при условии, если доверяем им в той мере, в какой современные исследователи доверяют людям, у которых берут интервью. Но и в таком случае нашей основной позицией по отношению к потустороннему миру все-таки остается вера, а не знание; мы уверены, что существует «нечто» после смерти, но что в точности оно представляет — объемлем верой, а не знанием.

Кроме того, то, что д-ру Кюблер-Росс и ее единомышленникам кажется известным о жизни после смерти на основании «посмертных» опытов, находится в явном противоречии с тем, во что веруют православные христиане, основываясь на слове Спасителя, а также «посмертных» свидетельствах, вошедших в православную литературу. Христианский посмертный опыт всецело подтверждает бытие неба, ада и суда, необходимость покаяния, борьбы и страха перед вечной смертью души; тогда как современные опыты, подобно опытам шаманов, посвященных из язычников и медиумов, указывают на наличие в «ином мире» «солнечной страны», полной наслаждений, где нет суда, но только «рост», да и смерти не нужно бояться, лишь приветствовать ее как «друга», дающего удовольствия «жизни после смерти».

В предыдущих главах мы рассмотрели причины, почему различаются эти два опыта: христианский опыт передает настоящий потусторонний мир неба и ада, а спиритические опыты отражают лишь воздушную часть **этого** мира, «астральную плоскость» падших духов. Опыты наших дней явно принадлежат к последним, но нам не постигнуть сего, если мы не примем (верой) христианское Откровение о природе потустороннего мира. Сходным образом если д-р Кюблер-Росс и другие исследователи принимают нехристианскую интерпретацию этих опытов (или симпатизируют ей), то это не оттого, что современные опыты доказывают именно такую интерпретацию, а

потому, что сами исследователи уже имеют веру в ее нехристианскую сущность.

Значение современных опытов заключается в том, что они стали широко известны как раз в то время, когда могут послужить «подтверждением» нехристианского взгляда на жизнь после смерти, и потому их используют как часть нехристианского религиозного движения. Рассмотрим более подробно природу этого движения.

2. Связь с оккультизмом

У исследователей «посмертных» опытов можно довольно ясно проследить связь с оккультными идеями и практикой. Понятие «оккультный» (буквально означающее «сокровенный») определяется как любое общение людей с невидимыми духами и силами с помощью запрещенных в Божественном Откровении действий (см. Лев. 19, 31; 20, 6 и др.). Такое общение может быть вызвано людьми (как бывает на спиритических сеансах), но его причиной могут стать и падшие духи (когда они являются неожиданно).

Противоположностью «оккультному» принято считать понятия «духовный» или «религиозный», которые относятся к разрешенному Богом общению с Ним, Его Ангелами, святыми. Обращаясь к Богу с молитвой, люди в ответ получают истинные благодатные явления помощи Божьей, Ангелов и святых.

Как на пример оккультной связи д-р Ханс Хольцер указывает на «посмертные» опыты. Их значение заключается в том, что они открывают людям связь с умершими, и он полагает, что при этом человек получает такие же сообщения, какие дают «умершие», вызываемые на спиритических сеансах²³⁰. Д-р Моуди и многие другие исследователи за разъяснением сегодняшних опытов обращаются, как мы видели, к оккультным текстам, например к сочинениям Сведенборга и «Тибетской книге мертвых». Роберт Крукалл, чьи изыскания в данной области наиболее научны, использует в качестве основных источников информации о потустороннем мире сообщения медиумов. Роберт Монро и подобные ему люди, практикующие «внетелесные» опыты, являются действующими оккультными

экспериментаторами, и в такой степени, что получают руководство и советы от встречаемых «бесплотных существ».

Самым характерным из всех исследователей, вероятно, является женщина, ставшая ведущим защитником нового отношения к смерти, вытекающего из современных «посмертных» опытов, — это д-р Элизабет Кюблер-Росс. Ни один христианин не может не сочувствовать делу, которое защищает д-р Кюблер-Росс, — гуманному и сострадательному отношению к умирающим, в отличие от холодного, безучастного и жестокого отношения, которое преобладает не только среди больничных врачей и сестер, но и среди духовенства, имеющего, как предполагается, «ответ» на вопросы, поднимаемые самим фактом смерти. С момента публикации в 1969 году ее книги «О смерти и умирании»²³¹ тема смерти стала намного менее запретной среди медиков-профессионалов, что помогает создавать интеллектуальную атмосферу, благоприятную для обсуждения того, что же происходит после смерти, — обсуждения, которое, в свою очередь, продолжилось после публикации первой книги д-ра Моуди в 1975 году. И неслучайно многие из выходящих ныне книг о жизни после смерти сопровождаются предисловиями или короткими комментариями, написанными д-ром Кюблер-Росс.

Всякий, имеющий православный взгляд на жизнь как на время испытания для вечности и на смерть как на переход в вечное блаженство или в вечную скорбь (что зависит от веры и жизни человека на земле), найдет ее книгу обескураживающей. Ведь проявить гуманный подход, помочь «подготовиться» к смерти умирающему человеку, не ставя на первое место веру во Христа и надежду на спасение, когда все уже сказано и сделано, — значит остаться в безжизненной среде «гуманизма», куда было низведено человечество своим неверием.

Можно облегчить умирание человека, сделать его более приятным, чем это происходит в наших больницах, но если нет знания о том, что наступает после смерти, что после смерти — мир иной, то труд таких людей, как д-р Кюблер-Росс, сводится к выдаче безнадежно больным безвредных цветных пилюль, чтобы они, по крайней мере, чувствовали, что «что-то делается». Д-р Кюблер-Росс (хотя и не упоминает об этом в первой книге) на самом деле столкнулась со свидетельствами, что после смерти есть «нечто». В своих

многочисленных лекциях и интервью д-р Кюблер-Росс ясно дает понять, что она достаточно видела, чтобы наверняка знать о существовании жизни после смерти, хотя до сих пор еще не опубликовала собственную книгу о «посмертных» опытах.

Главный источник ее «знаний» — не «посмертные» опыты других, а собственные удивительные встречи с «духами». Первые встречи такого рода произошли в Чикагском университете в 1967 году. Тогда она была разочарована и подумывала о том, чтобы оставить начатые исследования в области смерти и умирания. В кабинет вошла женщина и представилась пациенткой, умершей десять месяцев назад. Д-р Кюблер-Росс отнеслась к ней с недоверием, но, как рассказывает, «призрак» ее убедил. «Она сказала, что знает о моем намерении оставить работу с умирающими пациентами и пришла посоветовать ее не оставлять... Я встала, чтобы дотронуться до нее. Это была проверка реальности.

Я — ученый, психиатр и не верю в подобные вещи». Доктор уговорила «духа» написать записку; последующая экспертиза подтвердила, что это почерк умершей больной. Д-р Кюблер-Росс утверждает, что данный случай «произошел на перепутье, когда я могла принять неправильное решение, если бы ее не послушалась»²³². Мертвые никогда не появляются среди живых столь обыденно; визит «с того света» если и был подлинным, то мог быть проделан только падшим духом с целью обмануть свою жертву. А подделка человеческого почерка для такого духа — вещь совсем нетрудная.

После происшедшего связь д-ра Кюблер-Росс с «миром духов» стала еще теснее. В 1978 году в Эншлэнде (штат Орегон) она поведала внимательной аудитории в две тысячи двести человек, как впервые была вовлечена в общение со своими «духами-наставниками». Довольно таинственно для нее было устроено собрание спиритического типа, вероятно в Южной Калифорнии, где семьдесят пять человек пели вместе, чтобы «накопить необходимую энергию для этого события». «Я, — вспоминает д-р Кюблер-Росс, — была удивлена и даже растрогана тем, что они делали для меня. Не прошло и двух минут, как я увидела перед собой гигантские ступни. Передо мной стоял громадный человек». Этот «человек» сообщил ей, что она должна стать учителем и ей нужен опыт из первых рук, чтобы придать ей сил и смелости в работе. «Спустя полминуты еще одна личность

буквально материализовалась в полудюйме от моих ног... Я поняла, что это мой ангел-хранитель... Назвав меня Изабеллой, он спросил меня, не помню ли я, как две тысячи лет назад мы оба трудились со Христом». Затем появился третий «ангел», чтобы научить ее «радости». «В их наставлениях ощущалась величайшая любовь и совершенная доброта. Хочу подчеркнуть, мы никогда не бываем одни. Каждый из нас имеет своего ангела-хранителя, во всякое время находящегося от нас не далее чем в двух футах. И мы можем взывать к ним. Они нам помогут»²³³.

На конференции в Сан-Франциско в сентябре 1976 года, посвященной «альтернативной медицине» (*holistic health*)), д-р Кюблер-Росс поделилась с аудиторией, состоящей из двух тысяч трехсот человек — врачей, медсестер и других медицинских работников, «глубоким мистическим опытом», который пережила накануне ночью. (Этот опыт такого же плана, что и тот, о котором она рассказывала в Эшлэнде) «Прошлой ночью меня посетил Салем, мой дух-наставник, и два его спутника, Анка и Вилли. Они пробыли с нами до трех часов утра. Мы разговаривали, смеялись и пели вместе. В беседе с ними я чувствовала трогательную любовь и непередаваемую нежность. Это было главное событие в моей жизни». Среди слушателей, «как она отметила, наступило минутное молчание, затем все как один встали в знак почтения. Большинство аудитории, в основном врачи и другие профессиональные работники здравоохранения, были растроганы до слез»²³⁴.

В оккультных кругах хорошо известно, что «духи-наставники» (которые, конечно, суть падшие духи, обитающие в воздушной области) не проявляют себя с такой готовностью, если у человека недостаточно развита медиумическая способность к восприятию. Но еще более удивительны, чем общение д-ра Кюблер-Росс со «знакомыми духами», восторженные отклики на ее рассказы о таких встречах аудитории, состоящей не из оккультистов и медиумов, а из обычных людей среднего класса и профессионалов. Это одно из религиозных «знамений времени»: люди стали восприимчивы к связям с «духовным миром» и готовы принять их оккультное объяснение, противоречащее христианской истине.

Недавно в прессе широко освещались скандалы во вновь устроенном убежище д-ра Кюблер-Росс в Южной Калифорнии,

именуемом «Шанти Нилая» («Дом мира»). Согласно сообщениям, многие «семинары» в «Шанти Нилая» основаны на старомодных медиумических сеансах, причем некоторые из бывших участников заявили, что эти сеансы — надувательство²³⁵. Может быть, в общении д-ра Кюблер-Росс с духами больше желаемого, чем действительного, но это не влияет на то учение о жизни после смерти, распространению которого она и подобные ей способствуют.

3. Оккультное учение современных исследователей

Учение о жизни после смерти д-ра Кюблер-Росс и прочих исследователей современных «посмертных» опытов можно свести к нескольким пунктам. Эти пункты д-р Кюблер-Росс излагает с уверенностью человека, который думает, что имеет непосредственный опыт общения с потусторонним миром; впрочем, такие ученые, как д-р Моуди, хотя их тон более осторожен и сдержан, не могут не содействовать распространению этого учения. Вот теория о жизни после смерти, вошедшая в бытие конца XX века и представляющаяся необъяснимо «естественной» всем изучающим ее, тем, кто не имеет ясного представления ни об одном из других учений.

1. **Смерти не следует бояться.** Д-р Моуди пишет: «В той или иной форме, но практически каждый дает мне понять, что он уже не опасается смерти»²³⁶. Д-р Кюблер-Росс сообщает: «Зарегистрированные случаи свидетельствуют о том, что умирание болезненно, но сама смерть... абсолютно мирная, свободна от боли и страха. Все без исключения говорят о чувстве невозмутимости и цельности (*wholeness*)»²³⁷. Здесь можно увидеть полное доверие к своему собственному психологическому опыту, характерное для тех, кто прельщен падшими духами. В современных «посмертных» опытах нет ничего свидетельствующего о том, что сама смерть будет простым их повторением, и не только на несколько минут, а **постоянно**. Это доверие к психическому опыту — часть того религиозного духа, который ныне носится в воздухе и создает ложное чувство благоденствия, роковое для духовной жизни.

2. **Нет грядущего суда и нет ада.** Д-р Моуди сообщает на основании своих опросов, что в «большинстве случаев модель

“воздаяние — наказание” в грядущей жизни отвергается даже многими из тех, кто привык мыслить в таких понятиях. Люди, к собственному изумлению, обнаруживали, что когда их отвратительные греховные поступки открывались перед “светлым существом”, то реакцией его бывает не гнев и ярость, а скорее понимание, даже с оттенком юмора»²³⁸. Д-р Кюблер-Росс, представляя мнения лиц, у которых брала интервью, выражается более доктринерски: «Все обладают чувством “цельности” (*wholeness*). Судит не Бог, а человек»²³⁹. Таким исследователям, по-видимому, не приходит в голову мысль о том, что отсутствие суда в «посмертных» опытах может оказаться первым обманчивым впечатлением или что первые несколько минут после смерти не место для суда; они просто объясняют эти опыты согласно религиозному духу времени, не желающему верить ни в суд, ни в ад.

3. Смерть не есть уникальное и окончательное событие, как описывает христианское учение, а скорее безобидный переход к «более высокой стадии сознания». Д-р Кюблер-Росс определяет это так: «Смерть есть только сбрасывание физического тела, подобно выходу бабочки из кокона. Это переход к более высокому уровню сознания, где вы продолжаете воспринимать, понимать, смеяться, сохраняете способность расти, и единственное, что теряете, — то, что вам больше не потребуется, — ваше физическое тело. Это подобно тому, как вы убираете зимнее пальто с приходом весны... В этом и состоит смерть»²⁴⁰.

Ниже мы покажем, в каком противоречии такое убеждение находится с подлинным христианским учением.

4. Цель жизни на земле и жизни после смерти — не вечное спасение души, а безграничный процесс «возрастания» в «любви», «понимании» и «самоосознании». Д-р Моуди отмечает, что «многие, наверное, вернулись с новой моделью и новым пониманием мира над нами — заключающим в себе не односторонний суд, а, скорее, сотрудничество в развитии конечного самосознания (*self-realization*). Согласно новым взглядам, развитие души, особенно ее духовных способностей — любви и знания, не прекращается после смерти. Напротив, оно продолжается по ту сторону и, по всей вероятности, вечно...»²⁴¹. Такое оккультное отношение к жизни и смерти приходит не из публикуемых ныне фрагментов опытов, а, скорее, оно рождается

окультной **философией**, заполнившей атмосферу современной жизни.

5. «Посмертные» и «внетелесные» опыты сами по себе имеют значение подготовки к жизни после смерти. То, что принято называть приуготовлением к вечной жизни (вера, покаяние, принятие Святых Таин, духовная борьба), имеет у них небольшое значение в сравнении с предлагаемой «любовью» и «пониманием» в «посмертных» опытах; и представляется возможным обучать (как предусмотрено в программе, разработанной недавно д-ром Кюблер-Росс и Робертом Монро) безнадежно больных «внетелесным» опытом, «так чтобы люди быстро ощутили, что ожидает их по ту сторону, когда они умрут»²⁴². Один из опрошенных д-ром Моуди пациентов категорично утверждает: «Причина, почему я не боюсь умереть, кроется в том, что я знаю, куда пойду, оставив этот мир, ибо я уже был там»²⁴³. Какой трагический и шаткий оптимизм!

Каждый из вышеизложенных пяти пунктов является частью спиритического учения XIX века, открыто самими «духами» через медиумов. Это учение изобретено демонами с ясным намерением опровергнуть православное учение о жизни после смерти и изменить воззрения человечества на религию. Окультная философия, непременно сопровождающая и окрашивающая современные «посмертные» опыты, представляет собой возвращение к популярному эзотерическому спиритизму Викторианской эпохи, что является признаком ухода от христианских норм и понятий большинства западных людей. Сам по себе «посмертный» опыт случаен в сравнении с окультной философией, распространившейся благодаря ему. Опыт способствует ее прогрессу не потому, что его содержание окультно, а потому, что основные начала и устои христианства, защищавшие некогда людей от чуждой философии, ныне все больше устраняются, и, следовательно, любое восприятие «мира иного» используется в современной среде во благо распространения окультизма. В XIX веке немногие «свободные мыслители» и ушедшие из Церкви люди верили в окультную философию, но в наше время стало привычным, что каждого не имеющего осознанной философии влечет к тому, чтобы принять ее «естественно».

4. «Миссия» современных «посмертных» опытов

И все-таки почему «посмертные» опыты настолько заполонили сегодняшнее жизненное пространство и каково значение этой характерной особенности «духа времени»? Наиболее очевидная причина интереса к таким случаям и открытого обсуждения их — изобретение за последние годы новых методов реанимации «клинически умерших», вследствие чего отчеты о подобных опытах появляются чаще, чем раньше. Последнее объясняет количественный рост «посмертных» сообщений, но не дает понимания духовного влияния подобных опытов на человечество, и в частности того, как они способствуют перемене взглядов на жизнь после смерти.

Более глубокое объяснение состоит в том, что, с одной стороны, под влиянием оккультных идей возросла открытость и чувствительность людей к «спиритическим» и «психическим» опытам вообще, а с другой — ослабела как христианская вера, так и гуманистический материализм. В который раз человечество приближается к возможности контакта с «еще одним миром».

«Иной мир» и сам, видимо, больше открывается человечеству, желающему вступить с ним в эмпирическое общение. «Оккультный взрыв» последних лет вызван к жизни ростом «паранормальных» явлений всех видов (и, в свою очередь, сам вызывает их к жизни). «Посмертные» опыты занимают один край спектра, причем здесь для общения с потусторонним миром требуется минимум воли или вовсе никакой.

Современное колдовство и сатанизм — на другом крае спектра: здесь — сознательная попытка установления контакта с силами потустороннего мира и служения им. Промежуточное положение между двумя крайностями занимают мириады вариаций современных «психических» опытов, начиная с «изгибания ложек» Ури Геллера и кончая парапсихологическими экспериментами по «внетелесным» путешествиям и подобными феноменами, включая контакты с НЛЮ и похищения ими. Важно отметить, что большое число «паранормальных» опытов имели «христиане», а один из видов опытов (так называемый харизматический) принимается как явление подлинно христианское²⁴⁴. Вовлеченность христиан в подобное —

поразительный показатель того, насколько в наши времена утрачена христианская осведомленность об оккультной практике.

Один из знаменитых подлинных медиумов XX века, покойный Артур Форд (уважение к нему среди «христиан» и неверующих гуманистов — само по себе знамение времени), сделал ясный намек, что означает широкое распространение и одобрение оккультных опытов: «Дни профессиональных медиумов практически сочтены. Мы бываем полезны лишь как подопытные кролики. Через нас ученые узнают об условиях, необходимых для его (то есть контакта с «духовным миром») осуществления»²⁴⁵. Окультный опыт, ограниченный до сих пор кругом «посвященных», ныне делается доступным для тысяч простых людей. Вызвано это не наукой, а прогрессирующим отчуждением человечества от христианства и жадной новизны «религиозных ощущений». Пятьдесят или семьдесят пять лет назад только медиумы и последователи стоящих вне общества культов имели контакты с «духами-проводниками», проводили «внетелесные» опыты или «говорили на языках»; ныне такая практика становится всеобщей и принимается всеми слоями общества как «обычная».

Заметный рост «потусторонних» опытов в наше время, без сомнения, одно из знамений приближения конца света. Св. Григорий Великий, описав в «Диалогах» разные видения и опыты жизни после смерти, отмечает, что «духовный мир приближается к нам, проявляя себя посредством видений и откровений... По мере того как сей мир подходит к своему концу, мир вечности все более и более занимает наше зрение... Конец сего мира сливается с началом вечной жизни»²⁴⁶.

Однако св. Григорий добавляет, что через эти видения и откровения (которые в наши дни куда более обычны, чем в его время) мы видим истины грядущей жизни не во всем совершенстве, потому что свет сей еще «тусклый и бледный, как свет солнца на рассвете». Как это верно в отношении современных «посмертных» опытов! Никогда человечеству не были даны столь ясные и ошеломляющие доказательства (или «косвенные свидетельства») того, что существует еще один мир, что жизнь не прекращается со смертью тела, что есть душа, продолжающая жить после смерти и именно **после** смерти обретающая более полное сознание и более совершенную жизнь. Для человека с четким пониманием христианского учения о состоянии

души сразу после смерти сегодняшние оккультные опыты могут только подтвердить существование и природу воздушного царства падших духов.

Для остальной части человечества, включая большинство тех, кто еще именуется христианами, современные опыты, вместо того чтобы утверждать истины христианства, служат тонким руководством к обману и лжеучению, подготовкой к грядущему царству антихриста. Даже вернувшиеся из «мертвых» не могут пробудить в человечестве покаяние: *Если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят* (Лк. 16, 31). Лишь сохраняющие в себе полноту истины, остающиеся верными «Моисею и пророкам» способны понять подлинное значение совершающихся ныне «опытов». То, что из этих опытов узнает остальная часть человечества, — не необходимость покаяния и не близость Божия суда, а лишь странное и новое «благовестие» о приятных впечатлениях от «мира оного» и об упразднении страха смерти, который установил Бог для пробуждения в человеке стремления к истинному знанию о реальности потустороннего мира, мира неба и мира ада.

Артур Форд откровенно дает понять, что миссия подобных ему медиумов сводится к «употреблению особых» «талантов, чтобы на все времена устранить из земных умов страх смерти»²⁴⁷. В этом состоит и миссия д-ра Кюблер-Росс, таковы «научные» выводы исследователей вроде д-ра Моуди, а именно: потусторонний мир приятен, и никто не должен бояться войти в него. Два века назад Эмануэль Сведенборг так изложил суть «духовности» последователей этого вероучения: «Мне позволено наслаждаться не только радостями тела и чувств, подобно живущим на земле, но и испытывать восторги и радости жизни, каких не изведает никто и никогда во всем мире, ибо они превосходнее и изысканнее всего, о чем можно помыслить и во что можно поверить... Поверьте, если бы я знал, что Господь призовет меня к Себе завтра, я сегодня созвал бы музыкантов, чтобы еще раз испытать настоящее веселье в мире сем». Предсказав хозяйке гостиницы, в которой он жил, дату своей смерти, он был в таком прекрасном настроении, «словно отправлялся на праздник, на какое-то торжество»²⁴⁸.

Теперь мы опишем подлинное христианское отношение к смерти, сложившееся в течение веков, противопоставив его тому, о чем написано выше. И увидим, насколько опасны для души

неразборчивость в усвоении «духовных опытов» и отвержение охранительных устоев (догматов) христианского учения!

5. Христианское отношение к смерти

Оккультное учение о жизни после смерти, хотя и уводит далеко от истинного положения вещей, начинается с несомненной христианской истины: смерть тела — не конец жизни человека, а только начало нового состояния его личности, продолжающей свое бытие отдельно от тела. Смерть не создана Богом, но привнесена в творение грехопадением Адама в раю; смерть — это паразитическое явление, в котором человек так близко сталкивается с последствиями согрешения прародителей, с фактом повреждения человеческой природы («физические» последствия грехопадения). Вечная участь человека зависит главным образом от того, как он относится к смерти и как к ней готовится.

Настоящее христианское отношение к смерти заключает в себе как страх, так и неуверенность — те эмоции, которые оккультизм хочет упразднить. Однако в христианском отношении нет ничего от животного страха, который могут испытывать умирающие без надежды на вечную жизнь; христианин с умиротворенной совестью приближается к смерти спокойно и, по Божией милости, даже с определенной уверенностью. Посмотрим же на христианскую смерть нескольких великих святых египетских подвижников V века.

«Когда наступило время кончины преподобного Агафона, он пребыл три дня в глубоком внимании к себе, не беседуя ни с кем. Братия спросили его: “Авва Агафон, где ты?” — “Я предстою суду Христову”, — отвечал он. Братия сказали: “Неужели и ты, отец, боишься?” Он отвечал: “Я старался по силе моей сохранять заповеди Божии, но я человек и откуда знаю, были ли угодны дела мои Богу?” Братия спросили: “Неужели ты не уповаешь на жительство твое, которое было сообразно воле Божией?” — “Не могу уповать, — отвечал он, — потому что ин суд человеческий и ин суд Божий”. Они хотели еще спросить его, но он сказал им: “Окажите мне любовь, теперь не говорите со мною, потому что я не свободен”. И он скончался с радостью. “Мы видели его веселящимся, — передавали

ученики его, — как бы он встречал и приветствовал дорогих друзей»²⁴⁹.

Великие святые, умирающие при явных признаках Божией благодати, сохраняют трезвый, полный смирения взгляд на собственное спасение. «Когда настало время умирать великому Сисою, просветилось лицо его, и он сказал сидевшим у него отцам: “Вот пришел авва Антоний”. Помолчав несколько, сказал: “Вот лик пророческий пришел”. Потом просветился более и сказал: “Вот пришел лик апостольский”. И опять сугубо просветилось лицо его; он начал с кем-то беседовать. Старцы упрашивали его сказать, с кем он беседует. Он отвечал: “Ангелы пришли взять меня; но я умоляю их, чтобы они оставили меня на короткое время для покаяния”. Старцы сказали ему: “Отец, ты не нуждаешься в покаянии”. Он отвечал им: “Поистине не знаю о себе, положил ли я начало покаянию”. А все знали, что он совершен. Так говорил и чувствовал истинный христианин, несмотря на то что во время жизни своей воскрешал мертвых единым словом и был исполнен даров Святого Духа. И еще более засияло лицо его, засияло, как солнце. Все убоялись. Он сказал им: “Смотрите — Господь пришел и изрек: ‘Принесите Мне избранный сосуд из пустыни’”. С этими словами он испустил дух. Увидена была молния, и храмина исполнилась благоухания»²⁵⁰.

Как же отличается глубокая и взвешенная христианская позиция от поверхностного отношения к смерти некоторых неправославных христиан в наши дни, полагающих, что они уже «спасены» и даже не подвергнутся суду, как все люди, а потому смерти им бояться нечего! Такое воззрение, распространенное среди современных протестантов, отстоит не далеко от оккультной идеи, заключающейся в том, что смерти страшиться не следует, так как вечного наказания не существует; без сомнения, пусть и ненамеренно, оно способствует укреплению подобного отношения [к смерти]. Блж. Феофилакт Болгарский в своем толковании на Евангелие, написанном в XI веке, писал: «Многие обольщают себя тщетной надеждой, надмеваясь в своих сердцах и полагая, что получают Царство Небесное и присоединятся к сонму почивающих на высоте добродетелей... Много званных, потому что Бог призывает многих, на самом деле — каждого; но мало избранных, мало спасенных, мало достойных Божия избрания»²⁵¹.

Сходство оккультной философии с устоявшимся протестантским взглядом — причина того, почему попытки протестантов евангелического направления критиковать современные «посмертные» опыты с точки зрения «библейского христианства» не приносят успеха. Эти критики утратили так много из традиционного христианского учения о жизни после смерти, о поднебесной сфере и бесовских соблазнах и кознях, что критика их расплывчата и произвольна, а осведомленность в этой области не лучше, чем у светских исследователей, и потому так легко они обманываются «христианскими» и «библейскими» опытами в воздушной сфере.

Истинное христианское отношение к смерти основывается на осознании критических различий между этой жизнью и жизнью грядущей. Митрополит Московский Макарий в следующих словах подытожил учение Священного Писания и святых отцов по данному вопросу: «Смерть есть предел, которым оканчивается время подвигов человека и начинается время воздаяния, так что по смерти не возможно нам ни покаяние, ни исправление жизни. Эту истину выразил Христос Спаситель Своею притчею о богатом и Лазаре, из которой видно, что тот и другой немедленно по смерти получили воздаяние и богатый, как ни мучился во аде, не мог, чрез покаяние, освободиться от своих страданий (см. Лк. 16, 26)»²⁵².

Итак, смерть — реальность, заставляющая человека провести различие между миром земным и миром иным, пробуждающая к жизни, цель которой — покаяние и очищение, пока нам дано на это драгоценное время. Когда один брат спросил авву Дорофея о себе, почему в своей келье он проводит время беспечно, авва ответил: «Оттого что ты не узнал еще ни ожидаемого покоя, ни будущего мучения. Ибо если бы ты достоверно знал это, то хотя бы келлия твоя была полна червей, так что ты стоял бы в них по самую шею, ты терпел бы сие не расслабевая»²⁵³.

Подобным образом поучал и преп. Серафим Саровский в наше время: «Если бы ты знал, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келлия наша была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно было бы на это

согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его»²⁵⁴.

Бесстрашие оккультистов и протестантов перед лицом смерти — прямой результат скудности познаний о том, что ожидает их в будущей жизни и что можно сделать сейчас, чтобы быть к ней готовым. По этой причине подлинные видения жизни после смерти способны потрясти человека до глубины души и, если он не проводит ревностную христианскую жизнь, заставить его всецело изменить жизнь, чтобы подготовиться к жизни будущей. Когда преп. Афанасий Киево-Печерский умер и ожил спустя два дня, братья-монахи «ужаснулись... увидев его ожившим; потом начали вопрошать: как ожил он? что видел и слышал в то время, как разлучался с телом? На все вопросы он отвечал только словом: “Спасайтесь!” Когда же братья неотступно упрашивали его сказать им полезное, то он завещал им послушание и непрестанное покаяние. Вслед за этим Афанасий заключился в пещере, пребыл в ней безвыходно в течение двенадцати лет, день и ночь проводя в непрестанных слезах, чрез день вкушая понемногу хлеба и воды и не беседуя ни с кем во все это время. Когда настал час его кончины, он повторил собравшимся братьям наставление о послушании и покаянии и скончался с миром о Господе»²⁵⁵.

Так и Беда Достопочтенный на Западе повествует, как некий человек из Северной Умбрии (Northumbria), будучи мертв всю ночь, вернувшись к жизни, сказал: «Я был исторгнут из объятий смерти, и мне вновь позволено жить среди людей. Но отныне мне не подобает жить так, как жил раньше; я должен начать совсем иной образ жизни». Он раздал все свое имущество и удалился в монастырь. Позже он рассказал, что видел небо и ад, однако «этот человек Божий не разговаривал об увиденном с людьми нерадивыми и безразличными, но лишь с теми, кто памятовал о страхе наказания и имел надежду на вечную радость, принимая его слова к сердцу, желал возрасти в святости»²⁵⁶.

Даже в наши времена автор «Невероятного для всех, но истинного происшествия» был столь потрясен неподдельным опытом зрения мира иного, что всецело изменил жизнь. Он стал монахом и написал воспоминания об этом событии, чтобы пробудить других, подобных себе, живущих в ложной уверенности, подпитывающей их неверие в будущую жизнь.

Таких свидетельств много в житиях святых и других православных источниках. Они резко отличаются от опытов современников, созерцавших «небеса» и «мир иной», все еще пребывающих в самообольщении своей «приготовленности» к загробной жизни, — что самой смерти бояться нечего.

О памятовании смерти можно прочесть в наставлениях к христианскому подвигу в «Лествице» преп. Иоанна (шестая ступень которой особо посвящена этому): «Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий... Невозможное для человеков дело, чтобы настоящий день провели мы благочестиво, если не думаем, что это последний день нашей жизни»²⁵⁷. В Священном Писании хорошо говорится: *Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовек не согрешишь* (Сир. 7, 39). Преп. Варсануфий Газский дал такой совет своему брату: «Да укрепляет помыслы твои памятование смерти, час которой не известен никому. Потщимся же творить добро до исхода нашего из сей жизни — ибо мы не знаем, в какой день будем призваны, — чтобы не оказаться нам неготовыми и не остаться вне чертога брачного с пятью юродивыми девами»²⁵⁸.

Великий авва Пимен, узнав о преставлении преп. Арсения Великого, подвизавшегося в Египте, сказал: «Блажен Арсений: оплакал себя в течение земной жизни! Не оплакивающий себя здесь будет плакать вечно. Невозможно избежать плача: или здесь — произвольного, или там, в муках, невольного»²⁵⁹.

Только имеющий трезвый христианский взгляд на жизнь может дерзновенно вслед за апостолом Павлом сказать, что *имеет желание разрешиться и быть со Христом* (Флп. 1, 23). Только тот, кто вел христианскую жизнь в подвиге, покаянии с плачем о своих грехах, может свидетельствовать вслед за святителем Амвросием Медиоланским: «Глупые боятся смерти как величайшего из зол, но мужи мудрые ищут ее как отдохновения после своих напряженных трудов и как окончания всех бед»²⁶⁰.

Свт. Игнатий Брянчанинов заканчивает свое знаменитое «Слово о смерти» словами, которые для живущих спустя столетие служат призывом вернуться к единственно верному христианскому взгляду на смерть, отбросив розовые иллюзии нашего нынешнего духовного состояния, все ложные надежды на будущую жизнь:

«Полезно возбуждать в себе воспоминание о смерти посещением кладбища, посещением болящих, присутствием при кончине и погребении ближних, частым рассматриванием и обновлением в памяти различных современных смертей, слышанных и виденных нами... Уразумею краткость нашей земной жизни и суетность всех земных приобретений и преимуществ, узреть ужасную будущность, ожидающую тех, которые, пренебрегши Искупителем и искуплением, принесли себя всецело в жертву греху и тлению, — отворотим мысленные наши очи от пристального зренья на обманчивую и обворожительную красоту мира, удобно уловляющую слабое сердце человеческое в любовь к себе и в служение себе; обратим их к страшному, но спасительному зрелищу — к ожидающей нас смерти. Оплачем себя благовременно; омоем, очистим слезами и исповеданием грехи наши, записанные в книгах миродержца. Стяжем благодать Святаго Духа — эту печать, это знамение избрания и спасения: оно необходимо для свободного шествия по воздушному пространству и для получения входа в небесные врата и обители... Изгнанники рая! Не для увеселений, не для торжества, не для играний мы находимся на земле, но для того, чтобы верою, покаянием и крестом убить убившую нас смерть и возвратить себе утраченный рай. Милосердный Господь да дарует читателям этого слова и составившему его помнить смерть во время земной жизни; памятованием ее, умерщвлением себя ко всему суетному и жизнью для вечности отстранить от себя лютость смерти, когда настанет час ее, и перейти ею в блаженную, вечную, истинную жизнь. Аминь»²⁶¹.

Х. Краткое изложение православного учения о посмертной участи души

В первых девяти главах этой книги мы попытались изложить некоторые основные аспекты православного христианского взгляда на жизнь после смерти, противопоставляя их широко распространенному современному взгляду, а также тем западным воззрениям, которые отошли от подлинного христианского учения еще многие столетия назад. Утрачивались или искажались на Западе подлинные христианские догматы об Ангелах, о поднебесной сфере падших духов, о природе человеческого общения с духами, о небе и аде, в результате чего абсолютно неверно трактуются нынешние «посмертные» опыты. Единственным правильным ответом на эти ложные толкования является православное христианское учение.

Ограниченный объем настоящей книги не позволяет подробно изложить православное учение о потустороннем мире и загробной жизни. Мы ставили перед собой более узкую задачу — представить данное учение так, чтобы ответить на вопросы, поднимаемые современными «посмертными» опытами, и указать читателям на православные тексты, содержащие это учение. В заключение мы даем в качестве краткого обзора православного учения о посмертной участи души статью нашего современника, великого русского православного богослова архиепископа Иоанна (Максимовича), написанную им за год до смерти. Его слова здесь набраны другим шрифтом, а пояснительные заголовки, комментарии, сопоставления с цитатами из святых отцов, вставленные между параграфами, — обычным [262](#).

Архиепископ Иоанн (Максимович) Жизнь после смерти

*Чаю воскресения мертвых
И жизни будущего века.*

Никейский символ веры

Неутешна и безгранична должна была бы быть наша скорбь об умирающих наших близких, если бы не даровал нам Господь жизнь вечную.

Бессмысленна была бы наша жизнь, если бы она кончалась со смертью. Какая польза тогда от добродетели, от добрых дел? Правы тогда говорящие: *Станем есть и пить, ибо завтра умрем!* (1 Кор. 15, 32). Но создан человек для бессмертия, а Своим Воскресением Христос разверз врата Небесного Царства, вечного блаженства, в Него веровавшим и праведно жившим. Земная наша жизнь — подготовка к будущей, и смертью нашей заканчивается та подготовка. *Человеку надлежит однажды умереть, потом же суд* (Евр. 9, 27). Оставляет тогда человек все свои земные попечения, распадается тело, чтобы вновь восстать в общее воскресение. Но душа его продолжает жить и ни на миг не прекращает своего существования. Многими явлениями умерших дано нам отчасти знать, что происходит с душой, когда она выходит из тела. Когда же прекращается ее зрение телесными очами, то открывается ее духовное зрение.

Свт. Феофан Затворник в письме к своей умирающей сестре пишет: «Ведь ты не умрешь. Тело твое умрет, а ты перейдешь в другой мир, живая, себя помнящая и весь окружающий мир узнающая»²⁶³.

После смерти душа более жива и сознательна, чем до смерти. Св. Амвросий Медиоланский учит: «Жизнь души после смерти продолжается в приумножении добра, не похищаемого смертью. Никакие препятствия, расставляемые смертью, ее не удерживают, она деятельней в собственной сфере, без сопряжения с телом, которое для нее скорее бремя, нежели польза»²⁶⁴.

Преп. Авва Дорофей, отец газского монашества VI века, сжато излагает учение ранних отцов Церкви по данному предмету: «Ибо души помнят все, что было здесь, как говорят отцы, и слова, и дела, и помышления, и ничего из этого не могут забыть тогда. А сказанное в псалме: *В той день погибнут вся помышления* (Пс. 145, 4), — это говорится о помышлениях века сего, то есть о строении, имуществе, родителях, детях и всяком даянии и получении. Все сие вместе с тем, как душа выходит из тела, погибает... А что она сделала относительно добродетели или страсти, все то помнит, и ничто из этого для нее не

погибает... И ничего, как я сказал, не забывает душа из того, что сделала в этом мире, но все помнит по выходе из тела, и притом лучше и яснее, как свободившаяся от земного сего тела»²⁶⁵.

Великий отец монашества V века, преп. Иоанн Кассиан, отвечая еретикам, считавшим, что душа после смерти бессознательна, ясно и понятно говорит об активном (деятельном) состоянии души после смерти тела: «Души после разлучения с этим телом бывают не праздны, не остаются без всякого чувства; это доказывает евангельская притча о богатом и Лазаре (см. Лк. 16, 19-31)... Души умерших не только не лишаются своих чувств, но не теряют и расположений своих, то есть надежды и страха, радости и скорби, и нечто из того, чего ожидают себе на всеобщем Суде, они начинают уже предвкушать... они еще живее становятся и ревностнее прилепляются к прославлению Бога. И действительно, если, рассмотрев свидетельства Священного Писания о природе самой души по мере нашего смысла, несколько порассудим, то не будет ли, не говорю, крайней глупостью, но безумием — хоть слегка подозревать, что драгоценнейшая часть человека (то есть душа), в которой, по блаженному апостолу, заключается образ Божий и подобие (см. 1 Кор. 11, 7; Кол. 3, 10), по отложении этой дебелости телесной, в которой она находится в настоящей жизни, будто становится бесчувственной — та, которая, содержа в себе всякую силу разума, своим причастием даже немое и бесчувственное вещество плоти делает чувствительным? Отсюда следует, и свойство самого разума требует того, чтобы дух по сложении этой плотской дебелости, которою ныне ослабляется, свои разумные силы привел в лучшее состояние, восстановил их более чистыми и более тонкими, а не лишился их»²⁶⁶.

Современные «посмертные» опыты наделяют людей паразитическими сведениями о том, что вне тела душа обладает сознанием, причем ее ментальные качества приобретают большую подвижность и проницательность. Но одних этих сведений недостаточно, чтобы предохранить того или иного человека, находящегося в таком состоянии, от оболещений явлениями во «внетелесной» области; человек должен обладать христианским знанием данной темы **во всей полноте**.

Начало духовного зрения

Часто оно [это духовное зрение] начинается у умирающих еще до кончины, и они, еще видя окружающих и даже разговаривая с ними, видят то, что другие не видят.

Подобное у стоящих на пороге смерти наблюдалось во все века, и сегодняшние опыты не новость. Тем не менее следует повторить изложенное выше (глава I, часть 2): только при благодатных посещениях праведников, когда являются им святые и Ангелы, мы можем быть уверены, что приходящие — и в самом деле существа из мира иного. В обычных же случаях, когда умирающий видит почивших друзей и родственников, это может быть лишь естественным «преддверием» невидимого мира, в который он вот-вот войдет; действительная же природа появляющихся в тот момент образов почивших известна, возможно, одному лишь Богу, — и нам нет нужды вникать в сие.

Очевидно, Бог дарит нам этот опыт, чтобы умирающий ясно осознал, что мир иной, несмотря ни на что, не чужд нам, что жизни потустороннего мира присуща любовь, которую каждый в жизни земной питает к близким. Епископ Феофан трогательно выражает сие в словах к умирающей женщине: «Там встретят тебя батюшка и матушка, братья и сестры. Поклонись им и наши передай приветы, — и проси попечись о нас. Тебя окружают твои дети со своими радостными приветами. Там лучше тебе будет, чем здесь».

Встречи с духами

Выйдя же из тела, душа оказывается среди других духов, добрых и злых. Обычно она стремится к тем, которые более сродны по духу, а если, находясь в теле, она была под влиянием некоторых, то остается в зависимости от них, выйдя из тела, как бы неприятны они ни оказались при встрече.

Нам серьезно напоминают, что мир иной, даже если и не окажется для нас чужим, не будет просто приятной встречей с близкими людьми в «солнечной стране» счастья — духовное соприкосновение с ним испытает расположение нашей души в земной жизни: приблизилась ли она к Ангелам и святым, проведя жизнь в добродетелях и послушании заповедям Божиим, или пренебрегала ими, пребывала в неверии и тем самым сделала себя пригодной для общества падших духов. Епископ Феофан Затворник хорошо сказал (см. выше, в конце главы VI), что разбирательство на воздушных мытарствах может оказаться испытанием искушениями, а не обвинениями.

Хотя сам факт суда в будущей жизни — как частного, сразу после смерти, так и Страшного, при кончине мира, — не вызывает сомнений, **внешний** (*outward*) приговор Божий будет лишь подтверждением **внутреннего** (*inward*) расположения души, которое она создала в себе по отношению к Богу и небесному миру.

Первые два дня после смерти

В течение двух дней душа пользуется относительной свободой, может посещать места на земле, ею любимые, а на третий день направляется в иные пространства.

Здесь архиепископ Иоанн повторяет учение, известное Церкви с IV века. Предание сообщает, что Ангел, сопровождавший в пустыне преп. Макария Александрийского, сказал, объясняя церковное поминовение усопших на третий день после смерти: «Когда в третий день бывает в церкви приношение, то душа умершего получает от стерегущего ее Ангела облегчение в скорби, каковую чувствует от разлучения с телом, получает потому, что славословие и приношение в церкви Божией за нее совершены, отчего в ней рождается благая надежда. Ибо в продолжение двух дней позволяется душе, вместе с находящимися при ней Ангелами, ходить по земле, где она хочет. Посему душа, любящая тело, скитается иногда возле дома, в котором разлучалась с телом, иногда возле гроба, в который положено тело; и таким образом проводит два дня, как птица, ища гнезда себе. А добродетельная душа ходит по тем местам, в которых имела

обыкновение творить правду. В третий день же Тот, Кто воскрес из мертвых, повелевает, в подражание Его воскресению, вознестись всякой душе христианской на небеса для поклонения Богу всяческих»²⁶⁷.

Преп. Иоанн Дамаскин в православном чине погребения усопших ярко изображает состояние души, разлучившейся с телом, однако все еще пребывающей на земле, но бессильной общаться с любимыми людьми, которых она может видеть: «Увы мне, яковый подвиг имать душа, разлучающаяся от телесе! Увы, тогда колико слезит, и несть помилуйй ю! Ко Ангелам очи возводящи, бездельно молится; к человекам руце простирающи, не имать помогающаго. Тем же, возлюбленнии мои братие, помысливше краткую нашу жизнь, преставленному упокоения от Христа просим и душам нашим велию милость»²⁶⁸.

Свт. Феофан Затворник в письме мужу упоминавшейся выше умирающей сестры пишет: «Ведь сестра-то сама не умрет; тело умирает, а лице умирающего остается. Переходит только в другие порядки жизни. В теле, лежащем под святыми, а потом выносимом, ее нет, и в могилу ее не прячут. Она в другом месте. Так же жива, как теперь. В первые часы и дни она будет около вас. И только не проговорит, да увидеть ее нельзя, а то тут... Поимейте сие в мысли. Мы, остающиеся, плачем об отшедших, а им сразу легче: то состояние отраднее. Те, которые обмирали и потом вводимы были в тело, находили его очень неудобным жильем. То же будет чувствовать и сестра. Ей там лучше, а мы убиваемся, будто с нею беда какая случилась. Она смотрит и, верно, дивится тому»²⁶⁹.

Следует иметь в виду, что это описание первых двух дней смерти составляет **общее правило**, которое ни в коей мере не охватывает все случаи. И действительно, многие примеры, взятые из православной литературы и процитированные на страницах настоящей книги, не подходят под такое правило, и по весьма ясной причине: святые, которые всегда жили в чаянии перехода в мир иной, которых никогда не привлекали блага мира сего, не останавливаются на местах своих подвигов, они тотчас начинают восход к небу. Некоторые, подобно К. Иксулю, начинают свое восхождение до истечения двух дней — по особому велению Божия Промысла. Но современные «посмертные» опыты, как бы фрагментарны они ни были, все без исключения

подпадают под данное правило: состояние «вне тела» есть не что иное, как этап бестелесного «странствования» души по местам ее земных пристрастий; но никто из людей не пробыл мертвым так долго, чтобы встретить Ангелов, которые должны были его сопровождать.

Некоторые критики православного учения о загробной жизни считают, что подобные отклонения от общего правила в посмертных опытах суть доказательство «противоречий» в православном учении, но такие критики просто все понимают слишком буквально. Описание первых двух дней (равно как и дней последующих) не является догмой, оно лишь «образец», отражающий наиболее часто встречающийся порядок бытия души после смерти. Многие случаи — как в православной литературе, так и в рассказах о современных опытах, где мертвые мгновенно являлись живым в первый день или два после смерти (а иногда в сновидениях), — лишь примеры истины того, что душа и в самом деле остается близкой к земле на короткое время²⁷⁰. К третьему дню или раньше этот период оканчивается.

Мытарства

Притом [на третий день] она проходит через полчища злых духов, преграждающих ей путь и обвиняющих ее в различных грехах, на которые они сами ее соблазнили. Согласно откровениям, имеется двадцать таких преград, так называемых мытарств, на каждом из них испытывается тот или иной вид греха; пройдя через одно, душа попадает на следующее. И, лишь благополучно пройдя через все, может душа продолжать свой путь, а не быть сразу ввержена в геенну. Насколько ужасны те бесы и их мытарства, показывает то, что Сама Богородица, извещенная Архангелом Гавриилом о предстоящей кончине, молила Сына Своего избавить Ее от этих бесов, и, исполняя Ее молитву, Сам Господь Иисус Христос явился с Неба принять душу Своей Пречистой Матери и вознести на Небо²⁷¹. Страшен бывает третий день для души усопшего, и посему особенно нуждается она тогда в молитве о ней.

В главе VI приведен ряд святоотеческих и агиографических текстов о мытарствах, и нет надобности делать к ним какие-то

добавления. Однако мы вновь можем отметить, что описания мытарств образуют своего рода «модель» опытов души после смерти, причем впечатления разных людей могут значительно различаться. Мелкие детали, например число мытарств, конечно, второстепенны, если сравнить их с истиной о том, что душа в самом деле вскоре после смерти подвергается (частному) суду, где подводится окончательный итог «невидимой брани» с падшими духами, которую она вела (или не вела) на земле.

Свт. Феофан Затворник, продолжая письмо мужу умирающей сестры, пишет: «У отшедших скоро начинается подвиг перехода через мытарства. Там нужна ей помощь! — Станьте тогда в этой мысли, и вы услышите вопль к вам: “Помогите!” — Вот на что вам надлежит устремить все внимание и всю любовь к ней. Я думаю, самое действительное засвидетельствование любви будет, если с минуты отхода души вы, оставя хлопоты о теле другим, сами отстранитесь и, уединясь где можно, погрузитесь в молитву о ней в новом ее состоянии, о ее неожиданных нуждах. Начав так, будьте в непрестанном вопле к Богу — ей о помощи, в продолжение шести недель — да и далее. В сказании Феодоры мешец, из которого Ангелы брали, чтобы отделяться от мытарей, это были молитвы ее старца. То же будет и ваши молитвы... Не забудьте так сделать... Се и любовь!»

«Мешец золота», из которого Ангелы «оплачивали долги» св. Феодоры на мытарствах, часто неверно понимается критиками православного учения; его иногда ошибочно сравнивают с латинским понятием «избыточных (сверхдолжных) заслуг» святых. Здесь такие критики, читая православные тексты, всё понимают слишком буквально. Ни о чем другом не идет речь, как только о молитвах Церкви за усопших, в частности о молитвах святого человека и духовного отца. Вряд ли есть необходимость говорить, что форма, в которой сие изображено, метафорична.

Православная Церковь придает учению о мытарствах такое значение, что ссылки на него включены в ее богослужение (см. некоторые из них выше, в главе VI).

Церковь уделяет особое внимание преподанию этого учения каждому из своих умирающих чад. В «Каноне на исход души», который священник читает у изголовья верующего, находящегося на смертном одре, имеются следующие тропари:

«Воздушного князя, насильника, мучителя, страшных путей стоятеля и напрасного сих словоиспытателя, сподоби мя прейти невозбранно, отходяща от земли» (песнь 4).

«Святых Ангел священным и честным рукам преложи мя, Владычице, яко да тех крилы покрывся, не вижу бесчестнаго и смраднаго и мрачнаго бесов образа» (песнь 6).

«Рождшая Господа Вседержителя, горьких мытарств начальника, миродержца отжени далече от мене, внегда скончатися хошу, да Тя во веки славлю, Святая Богородице» (песнь 8).

Таковыми словами Церковь подготавливает православного христианина в последние минуты его жизни к предстоящим испытаниям.

Сорок дней

Благополучно пройдя мытарства и поклонившись Богу, душа в течение еще тридцати семи дней посещает селения небесные и пропасти адские, не зная еще, где она окажется, и лишь на сороковой день определяется ее место до воскресения мертвых.

Нет ничего необычного в том, что душа, пройдя через мытарства и навсегда расставшись с земной реальностью, должна быть введена в **иной** мир, в одной части которого и будет пребывать вечно. Согласно откровению Ангела преп. Макарию Александрийскому, особое церковное поминовение усопших на девятый день после смерти (помимо общего символического значения девяти ангельских чинов) совершается потому, что до этого душе показывают красоты рая, после чего в течение остальной части сорокадневного периода она зрит муки и ужасы ада, перед тем как в сороковой день ей назначается место, где она будет ожидать воскресения мертвых и Страшного Суда. Еще раз подчеркнем, что эти цифры составляют общее правило, или «образец», посмертной реальности, но не все почившие совершают сей путь в соответствии с данным правилом. Мы знаем, что Феодора завершила свое «странствование по аду» именно на сороковой день — по земным отсчетам.

Состояние души до Страшного Суда

Одни души [после сорока дней] находятся в состоянии предвкушения вечной радости и блаженства, а другие — в страхе вечных мучений, которые полностью наступят после Страшного Суда. До тех пор возможны еще перемены в состоянии душ, особенно через приношение за них Бескровной Жертвы (поминование на Литургии), а также и по другим молитвам.

Церковное учение о состоянии душ на небе и в аду до Страшного Суда подробно изложено ниже — в словах св. Марка Ефесского (см. Приложение I).

Польза от молитв — как церковных, так личных — для душ, находящихся в аду, описана во многих житиях святых угодников и подвижников благочестия, в трудах святых отцов. Как сказано в житии св. мученицы Перпетуи, пострадавшей в III веке, участь ее брата Димократа была открыта ей в образе большого, наполненного водой сосуда, слишком высоко расположенного, так что он не мог до него дотянуться из омерзительного и чрезвычайно жаркого места, куда был заключен. Благодаря настойчивой молитве мученицы на протяжении целого дня и ночи сосуд стал для него достигаемым, — и она увидела его в месте, полном света. И поняла, что брат освобожден от наказания²⁷².

Подобное повествование имеется в жизнеописании подвижницы XX века, монахини Афанасии (Анастасии Логачевой), духовной дочери преп. Серафима Саровского:

«В свое время она предприняла молитвенный подвиг за своего родного брата Павла, удавившегося в пьяном виде. Она пришла к блаженной Пелагее Ивановне²⁷³ в Дивеевский монастырь спросить совета, что ей сделать для облегчения загробной участи своего брата, так страшно и нечестиво окончившего свою земную жизнь. Было решено: затвориться Анастасии в своей келье, поститься и молиться за брата, прочитывая каждодневно по сто пятьдесят раз молитву: “Богородице, Дево, радуйся...” После сорока дней ей было видение: глубокая пропасть, на дне лежал как бы кровавый камень, а на нем — два человека с железными цепями на шее, и один из них — ее брат. Она сообщила о видении блаженной Пелагее, та посоветовала ей

повторить подвиг. Когда вторично прошли сорок дней, она видит ту же пропасть, тот же камень, на котором те два человека с цепями на шее, но брат ее встал, походил около камня, упал на камень, и цепь опять оказалась на его шее.

И снова блаженная Пелагея Ивановна посоветовала в третий раз продолжить подвиг. Через сорок дней Анастасия увидела ту же пропасть и тот же камень, на котором был только один неизвестный ей человек, а брат ее, уходя от камня, скрылся из виду; оставшийся на камне сказал: “Хорошо тебе, что на земле у тебя такие сильные заступники”. После сего блаженная Пелагея сказала: “Твой брат освободился от мучений, но не получил блаженства”»²⁷⁴.

Много подобных случаев описано в житиях православных святых и подвижников нашей Церкви. Если кто-то склонен буквально понимать такие видения, то следует сказать, что очертания видений (обычно во сне), какие они принимают, не обязательно точно воспроизводят состояния, в котором душа пребывает в мире потустороннем, но это лишь образы, передающие нам духовную истину о том, что участь души там может быть улучшена по молитвам оставшихся на земле.

Молитва об усопших

Насколько важно при этом поминовение за Литургией, показывает следующее событие. Перед открытием мощей св. Феодосия Черниговского (1896 г.) совершавший переоблачение мощей священник²⁷⁵, устав, сидел около мощей и, задремав, увидел перед собой Святителя, сказавшего ему: «Спасибо за труд для меня. Прошу еще тебя, когда будешь совершать Литургию, помяни моих родителей» — и назвал имена (иерея Никиту и Марию)²⁷⁶. «Как ты, Святителю, просишь у меня молитв, когда сам стоишь у Престола небесного и подаешь людям милости Божии?» — спросил священник. «Да, это верно, — ответил св. Феодосий, — но приношение за Литургией сильнее моей молитвы».

Посему полезны усопшим и панихиды, и домашние молитвы, и добрые дела, творимые в их память, как, например, милостыня,

жертвы на церковь, но особенно полезно поминовение за Божественной Литургией. Много явлений усопших и событий было подтверждающих ценность поминовения усопших. Многие умершие с покаянием, но не кающиеся при жизни освобождались от мук и получали упокоение. В церкви возносятся молитвы о упокоении усопших всегда, даже в день Сошествия Святого Духа, на вечерне, есть особая коленопреклоненная молитва «о иже во аде держимых».

Св. Григорий Великий, отвечая в своих «Диалогах» на вопрос: «Есть ли нечто такое, что может быть полезным для душ после смерти?», поучает: «Святое жертвоприношение Христа, нашей спасительной Жертвы, доставляет великую пользу душам даже после смерти, при условии, что их грехи могут быть прощены в грядущей жизни. По сей причине души умерших иногда просят, чтобы о них была отслужена Литургия... Естественно, более безопасный путь — самим делать при жизни то, что, как мы надеемся, другие будут делать для нас после смерти. Лучше совершить исход свободным человеком, нежели искать свободы, оказавшись в цепях. Посему надлежит от всего сердца презирать этот мир, как если бы его слава иссякла (*were already spent*), ежедневно воздавая Богу слезы покаяния, когда приносим в жертву (*immolate*) Его священные Плоть и Кровь. Только эта Жертва имеет силу спасти душу от вечной смерти, она таинственно представляет нам смерть Единородного Сына»²⁷⁷.

Св. Григорий приводит несколько примеров, когда умершие являлись живым, прося совершить Литургию об их упокоении или благодаря за совершение такой Литургии. Однажды один пленник, которого жена считала умершим и по кому она в определенные дни просила отслужить Литургию, вернулся из плена и рассказал ей, что в некоторые дни освобождался от цепей, — именно в те дни, когда о нем служилась Литургия²⁷⁸.

Протестанты, со своей стороны, считают церковную молитву об усопших несовместимой с необходимостью подвизаться ради спасения души в этой жизни. «Если ты можешь быть спасен Церковью после смерти, то зачем тогда утруждать себя борением или же стремиться к обретению веры в этой жизни? Будем есть, пить и веселиться...» Никто из придерживающихся таких взглядов никогда не достигал спасения по церковным молитвам, и ясно, что такой аргумент — искусственный

и лицемерный. Церковные молитвы не могут спасти того, кто не хочет спасения и кто сам не боролся за себя во время земной жизни. Можно сказать, что молитва Церкви или каждого из христиан об умершем человеке не что иное, как плод жизни этого человека: о нем бы не молились, если бы в течение своей жизни он не сделал того, что вдохновляло бы на такую молитву после его смерти.

Св. Марк Ефесский рассматривает вопрос о церковной молитве за почивших и об улучшении их положения, приводя в пример молитву св. Григория Двоеслова о римском императоре Траяне — молитву, поводом к которой стало одно доброе дело, совершённое языческим императором (см. ниже, Приложение I).

Что мы можем сделать для усопших?

Каждый из нас, желая проявить свою любовь к усопшим и оказать им действительную помощь, может наилучшим образом сделать это через молитву о них и в особенности поминовением их на Литургии, когда вынимаемые за живых и усопших частицы опускаются в Кровь Господню со словами: *Омый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею Честною, молитвами святых Твоих*. Ничего лучшего и большего мы не можем сделать для усопших, как молиться, подавая за них поминовение на Литургии. В том они нуждаются всегда, а особенно в те сорок дней, в которые душа усопшего проходит свой путь до вечных обителей. Не чувствует ничего тогда тело, не видит собравшихся близких, не обоняет благоухания цветов, не слышит надгробных речей. Но ощущает душа возносимые о ней молитвы, благодарна бывает тем, кто их творит, и духовно бывает близка им.

Родные и близкие усопших! Делайте для них то, что им нужно и что в ваших силах. Тратьте средства не на внешние украшения гроба и могилы, а на помощь нуждающимся в память усопших близких, на церкви, где возносятся о них молитвы. Окажите милость усопшему, позаботьтесь о душе его. Всем предстоит этот путь; как будем тогда желать, чтобы молитвенно помянули нас! Будем же и сами милостивы к усопшим. Как только кто преставится, немедленно зовите или извещайте священника прочитать «Последование по исходе души», которое положено читать над всеми православными сразу по их

кончине. Постарайтесь, чтобы, если есть возможность, отпевание происходило в церкви и до отпевания над покойником читалась Псалтирь. Отпевание может совершаться и не пышно, но обязательно полностью, без сокращения; думайте тогда не о себе и своих удобствах, а об усопшем, с которым прощаетесь навеки. Если одновременно в церкви несколько покойников, не отказывайтесь от того, чтобы их отпевали совместно. Лучше пусть отпевают сразу двух или больше покойников, и еще горячее будет молитва собравшихся всех близких, чем будут отпевать их по очереди и, не имея сил и времени, будут сокращать службу, когда каждое слово молитвы для усопшего есть как капля воды жаждущему. Обязательно позаботьтесь сразу о совершении сорокоуста, то есть ежедневном поминовении в течение сорока дней на Литургии. Обычно в церквях, где происходит ежедневное священнослужение, отпетые там усопшие поминаются в течение сорока дней и больше. Если же отпевают в церкви, где нет ежедневной службы, близкие должны сами позаботиться и заказать сорокоуст там, где служат ежедневно. Хорошо посылать на поминовение в монастыри и в Иерусалим, где постоянная молитва у святых мест. Но нужно сорокоуст начинать сразу после кончины, когда душа особенно нуждается в молитвенной помощи, и начать поминовение в ближайшем месте, где ежедневная служба.

Будем заботиться об уходящих в иной мир прежде нас, дабы для них сделать все, что можем, помня, что *блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7).

Воскресение тела

Однажды этот тленный мир придет к своему концу, и забрезжит заря вечного и непреходящего Небесного Царства, где души искупленных, соединившиеся со своими воскресшими телами, вовеки будут обитать со Христом, бессмертные и нетленные. Тогда часть радости и славы, которую имеют души на небе ныне, сменит полнота радости нового творения, для которого и был создан человек. Однако те, кто не принял спасения, принесенного человечеству пришедшим на землю Христом, подвергнутся вечным мукам — вкупе с их воскресшими телами — в аду. Преп. Иоанн Дамаскин в

заключительной главе своего «Точного изложения православной веры» хорошо описывает это конечное состояние души после смерти:

«Верим же и в воскресение мертвых. Ибо оно истинно будет, будет воскресение мертвых. Но, говоря о воскресении, мы представляем себе воскресение тел. Ибо воскресение есть вторичное воздвижение упавшего; души же, будучи бессмертными, каким образом воскреснут? Ибо если смерть определяют как отделение души от тела, то воскресение есть, конечно, вторичное соединение и души, и тела и вторичное воздвижение разрешившегося и умершего живого существа. Итак, само тело, истлевающее и разрешающееся, оно само воскреснет нетленным. Ибо Тот, Кто вначале произвел его из праха земли, может снова воскресить его, после того как оно опять, по изречению Творца, разрешилось и возвратилось назад в землю, из которой оно было взято...

Конечно, если одна только душа упражнялась в подвигах добродетели, то одна только она будет и увенчана. И если одна только она постоянно пребывала в удовольствиях, то по справедливости одна только она была бы и наказываема. Но так как ни к добродетели, ни к пороку душа не стремилась отдельно от тела, то по справедливости то и другое вместе получают и воздаяние...

Итак, мы воскреснем, так как души опять соединятся с телами, делающимися бессмертными и совлекающими с себя тление, и явимся к страшному судейскому Христову седалищу; и диавол, и демоны его, и человек его, то есть антихрист, и нечестивые люди, и грешники будут преданы *во огонь вечный*, не вещественный, каков огонь, находящийся у нас, но такой, о каком может знать Бог. А *сотвориши благая*, как солнце, воссияют вместе с Ангелами в жизни вечной, вместе с Господом нашим Иисусом Христом, всегда смотря на Него, и будучи видимы Им, и наслаждаясь непрерывным проистекающим от Него веселием, прославляя Его со Отцом и Святым Духом в бесконечные веки веков. Аминь»²⁷⁹.

Приложение I. Православное учение св. Марка Ефесского о состоянии душ после смерти

Православное учение о состоянии душ после смерти — одна из тех истин, которую во всей полноте не понимают даже сами православные христиане; к тому же сравнительно недавно латинское учение о «чистилище» произвело еще большее смущение в умах людей. Между тем православное учение вовсе не страдает двусмысленностью или неточностью. Его емкое изложение можно найти в трудах св. Марка Ефесского, написанных во время Флорентийского собора 1439 года и составленных с единственной целью — дать ответ на латинское учение о «чистилище». Эти сочинения представляют для нас особую ценность, поскольку принадлежат одному из последних борцов за Православие в Византии, который жил до времени подмены и изменения богословских понятий; кроме того, писания св. Марка указывают на источники церковного учения [о состоянии душ после смерти] и наставляют, как ими правильно пользоваться. К ним [источникам] относятся Священное Писание, святоотеческие беседы и проповеди, церковные богослужения, жития святых и некоторые откровения и видения посмертной жизни, как, например, в четвертой книге «Диалогов» св. Григория Великого. У современных академических богословов наблюдается недоверие к последним двум или трем видам источников; именно поэтому они нередко чувствуют неловкость, говоря на данную тему, предпочитая хранить относительно нее «агностическое молчание»²⁸⁰. Труды св. Марка свидетельствуют нам, как «легко и уверенно (*at home*)» пользуются этими источниками истинные православные богословы, тогда как ощущающие при их чтении «неловкость» обнаруживают тем самым свою неосознанную зараженность современным неверием.

Из четырех ответов относительно «чистилища», составленных св. Марком на Флорентийском соборе, наиболее сжатое и четкое изложение православного учения применительно к заблуждениям

латинства содержит первое слово [об очистительном огне], и потому именно из него были взяты отрывки для перевода. Другие ответы включают в себя материал к обсуждаемым здесь вопросам, а также опровержения наиболее специфичных латинских аргументов.

«Латинские главы», на которые отвечает св. Марк, были написаны кардиналом Джулианом Чезарини; в них предлагается латинское учение о состоянии души после смерти, определения которого были сформулированы еще ранее — на «униатском» соборе в Лионе (1270 год). Это учение поражает православного читателя (как, разумеется, поразило оно тогда и св. Марка) своим «буквалистским» и «законническим» характером. Латины к тому времени начали рассматривать небо и ад как «завершенные» и «абсолютные», а пребывающих в них — как уже обладающих полнотой того состояния, которое будут иметь после Страшного Суда; из сего следовало, что нет надобности молиться ни за живущих на небе (удел которых уже достиг совершенства), ни за находящихся в аду (так как они никогда не получают отпущения или очищения грехов). Но поскольку многие из верующих умирают в «промежуточном» состоянии — не будучи достаточно совершенными для неба, ни вполне злыми для ада, — то, по логике латинской аргументации, требовалось третье место очищения («чистилище»), в котором даже те, чьи грехи были прощены, должны подвергнуться наказанию или же воздать «удовлетворение» за свои грехи, до того как будут очищены в мере, довольной для входа в небеса. В подтверждение этих доводов чисто человеческого правосудия и «справедливости» (фактически отрицающей неизменную благодать Бога и Его человеколюбие) латины постоянно приводили дословные толкования ряда святоотеческих текстов и разного рода видений; почти все они натянуты и произвольны, даже латинские отцы, учившие на Западе до разделения Церквей, говорили не о таком месте, как «чистилище», а лишь об «очищении» грехов после смерти посредством «огня» — как выражались некоторые из них (вероятно, аллегорически).

Согласно православному учению, как наставлял и св. Марк, те верующие, которые умерли с незначительными неисповеданными грехами или же не принесли плодов покаяния в исповеданных грехах, очищаются от грехов испытанием смертью с ее страхом либо после смерти — когда они заключаются (но не навсегда) в аду — Литургией

и другими церковными молитвами, добрыми делами верующих, творимыми ради них. Даже тем, кому назначены вечные муки, может быть дано облегчение от страданий в аду теми же средствами. Однако сейчас нет огня, мучающего грешников в аду (вечный огонь начнет их мучить после Страшного Суда), а еще менее — в каком-то третьем месте, наподобие «чистилища»; все виды огня, зримые людьми, лишь образы и пророчества того, что будет в веке грядущем. Прощение грехов после смерти совершается лишь по Божией благодати, простирающейся, при содействии людских молитв, и на заключенных в аду, потому ни «выплата», ни «сатисфакция» за прощенные грехи не нужны.

Ответы св. Марка написаны на определенную тему — о **состоянии** душ после смерти и лишь мимоходом затрагивают череду событий, происходящих с душой после преставления. По последнему вопросу есть множество православной литературы, но во Флоренции он не обсуждался.

Все примечания добавлены переводчиками оригинала на английский язык [281](#).

Из первого слова св. Марка Ефесского об очистительном огне

1. Поскольку нам долженствует, сохраняя наше Православие и преданные отцами церковные догматы, с любовью ответить на сказанное вами, то мы каждый аргумент и свидетельство, письменно приведенное вами, как общее правило приводим впереди, дабы затем кратко и ясно следовал ответ и разрешение на каждое из них.

Итак, в начале вашего доклада вы так говорите: «Если истинно кающиеся отошли из этой жизни в любви [к Богу], прежде чем успели достойными плодами удовлетворить за свои согрешения или проступки, их души очищаются после смерти очистительными страданиями; но для облегчения (или “освобождения”) их от этих страданий им способствует та помощь, которая оказывается им со стороны верных живых, как то: молитвы, литургии, милостыня и прочие дела благочестия».

На это отвечаем следующее: то, что усопшим в вере, несомненно, помогают совершаемые за них литургии и молитвы и милостыни, и обычай этот был в силе от древности, свидетельствуют о сем многие и различные изречения учителей, как латинских, так и греческих, сказанные и написанные в разные времена и в разных местах. А что касается того, что души освобождаются благодаря некоему имеющему характер помощи очистительному страданию и временному огню, обладающему таковой [очистительной] силой, — этого мы не находим ни в Писаниях, ни в молитвах и песнопениях, бываемых об усопших, ни в словах учителей. Но мы приняли, что и душам, содержащим в аду и уже преданным вечным мукам, самим ли делом и опытом или в не допускающем надежды ожидании таковых, возможно пособить и оказать некую малую помощь, хотя и не в том смысле, чтобы совершенно разрешить их от мучения или дать надежду на конечное освобождение. И это обнаруживается из слов великого Макария, египетского подвижника, который, найдя в пустыне череп, был научен им о сем по действию Божественной силы²⁸². И Василий Великий в молитвах, чтимых на Пятидесятницу, дословно пишет следующее: «Иже и в сей всесовершенный и спасительный праздник очищения убо

молитвенная о иже во аде держимых сподобивый приимати, великия же подаваяй нам надежды ослабления содержимым от содержащих я [их] скверн, и утешению Тобою низпослатися»²⁸³.

Если же души отошли из этой жизни в вере и любви, однако унося с собою известные вины, будь то малые и в которых они вообще не каялись или будь то большие, о которых они хотя и каялись, но не предприняли явить плоды покаяния, — такие души, мы веруем, должны очиститься от такового рода грехов, но не неким очистительным огнем или определенным в некоем месте наказанием (ибо сего, как мы сказали, отнюдь не было предано нам), но одни должны будут очиститься в самом исходе от тела, благодаря только страху, как это дословно являет святой Григорий Двоеслов [в четвертой книге «Диалогов»]; в то время как другие должны будут очиститься после исхода из тела или еще пребывая в том же земном месте, прежде чем придут на поклонение Богу и удостоятся блаженных уделов; или если грехи их были более тяжкими и связующими на более длительный срок, то и они содержатся в аду, но не для того, чтобы навсегда находиться в огне и мучении, а как бы в тюрьме и заключении под стражу. Всем таковым, мы утверждаем, помогают совершаемые за них молитвы и литургии, при содействии сему Божественной благости и человеколюбия, которое одни согрешения, сделанные по человеческой немощи, сразу же презрит и отпустит, как говорит Дионисий Великий в «Размышлениях о тайне священо-усопших»²⁸⁴, а другие грехи после известного времени праведными судами или также разрешает и прощает, и то — совершенно, или облегчает ответственность за них до конечного того Суда. И посему мы не видим никакой необходимости в ином наказании или в очищении огнем: ибо одних очищает страх, а других угрызение совести пожирает мучительнее всякого огня, а иных очищает самый только ужас перед Божественной славой и неизвестность будущего, каково оно будет. А что это мучительно и наказательно гораздо более, чем что-нибудь иное, и самый опыт показывает, и святой Иоанн Златоуст свидетельствует нам почти во всех или в большинстве своих моралистических омилий, утверждая это, а также и божественный подвижник Дорофей в своем слове «О совести»...

2. Итак, мы молим Бога и веруем — от подобного освободить усопших, а не от какого-то иного мучения или иного огня, помимо тех

мук и огня, которые возвещены навеки. И что к тому же души усопших по молитвам освобождаются из заключения в аду, как бы из некой темницы, свидетельствует между многими другими Феофан Исповедник, именуемый Начертанный, ибо слова своего свидетельства за икону Христову, на челе его написанные, он кровью запечатлел. В одном из канонов за усопших он так молится за них: «Слез и воздыхания сущия во аде рабы Твоя свободы, Спасе»²⁸⁵. Слышишь ли? — «слез», сказал, и «воздыханий», а не какого-то наказания или очистительного огня. Если же когда и встречается в этих песнопениях и молитвах упоминание об огне, то не от временного и имеющего очистительную силу, но от того вечного огня и непрестающего наказания святые, движимые человеколюбием и состраданием к соплеменникам, желающие и дерзающие почти на невозможное, молятся избавить в вере усопших. Ибо так говорит святой Феодор Студит, и сам исповедник и свидетель Истины, в самом начале своего канона об усопших: «Вси помолимся Христу, творяще память днесь от века мертвых, да вечнаго огня избавит я [их], в вере усопшия и надежде жизни вечныя»²⁸⁶. И затем, в ином тропаре, пятой песни канона, говорит следующее: «Огня приснопалящаго, и тьмы несветимыя, скрежета зубнаго, и червия безконечно мучащаго, и всякаго мучения избави, Спасе наш, вся верно умершия».

Где же тут «очистительный огонь»? И если бы он вообще был, где было бы удобнее сказать святому про него, как не здесь? Бывают ли святые услышаны Богом, когда молятся о сем, — это не нам исследовать, но сами-то они знали и Дух, обитающий в них, движимые Которым они и говорили, и писали, знал это; а в равной степени знал это Владыка Христос, Который дал заповедь, чтобы мы молились за врагов, и Который молился за распинающих Его и подвигнул к тому же и первомученика Стефана, побиваемого камнями. И хотя, быть может, кто-нибудь скажет, что, когда мы молимся за такого рода людей, мы не бываем услышаны Богом, однако все то, что от нас зависит, мы исполняем; а вот некоторые из святых, молившиеся не только за верных, но и за нечестивых, были услышаны и своими молитвами похитили их от вечного мучения, как, например, первомученица Фекла Фалконилу и божественный Григорий Двоеслов, как повествуется, царя Траяна²⁸⁷.

4. После сего, немного далее, вы желали доказать реченный догмат об очистительном огне, сначала ссылаясь на сказанное в книге Маккавеев, где говорится: *Свято и спасительно... молиться за усопших... дабы они были разрешены от грехов* (2 Мак. 12, 44-45); а потом, взяв из Евангелия от Матфея то место, в котором Спаситель возвещает, что *хулящему на Духа Святаго не простится ни в сем веке, ни в будущем* (Мф. 12, 32), вы говорите, что из сего можно видеть, что есть отпущение грехов в будущей жизни.

Но что отсюда никоим образом не вытекает понятие очистительного огня, это яснее солнца, ибо что общего между отпущением и очищением огнем и наказанием? Ибо если отпущение грехов совершается ради молитв или самым только Божественным человеколюбием, то нет нужды в наказании и очищении. Если же наказание, как и очищение, установлены [Богом], — ибо благодаря первому совершается второе, и они были бы напрасны, если бы благодаря им не проистекало, как результат, очищение, — то напрасно, кажется, совершаются молитвы [за усопших], и мы воспеваем Божественное человеколюбие. Итак, этими ссылками не столь доказывается существование очистительного огня, сколь опровергается; ибо отпущение грехов согрешившим в них представляется как действие некой царственной власти и человеколюбия, а не как освобождение от наказания или очищения.

5. В-третьих, то изречение, взятое из Первого послания блаженного Павла к Коринфянам, в котором он, рассуждая о назидании на основании, которое есть Христос: *золото, серебро, драгоценные камни, дерево, сено, солома*, — присовокупляет: *ибо день Господень покажет, потому что в огне открывается, и огонь испытает дело каждого, каково оно есть. У кого дело, которое он строил, устоит, тот получит награду. А у кого дело сгорит, тот потерпит урон; впрочем сам спасется, но так, как бы из огня* (1 Кор. 3, 11-15), — кажется, что больше всего иного вводит понятие очистительного огня, но на самом-то деле больше всего иного опровергает его.

Ибо, во-первых, божественный апостол назвал его не очистительным, а испытательным; затем он возвестил, что чрез него должны пройти также и добрые и честные дела, а таковые, ясно, что не нуждаются ни в каком очищении; затем он говорит, что те, которые

приносят злые дела, после того как эти дела сгорят, потерпят урон; между тем как очищаемые вдобавок к тому, что не терпят урона, еще больше приобретают; затем он говорит, что это должно быть в «тот день», именно — в день Суда и будущего века, а предполагать существование очистительного огня после того страшного Пришествия Судии и конечного приговора — разве это не совершеннейшая нелепость? Ибо Писание не передает нам ничего такого, но Сам Тот, Кто будет судить нас, говорит: *Идут сии в муку вечну: праведницы же в живот вечный* (Мф. 25, 46), и еще: *Изыдут сотвориши благая в воскрешение живота: а сотвориши злая в воскрешение суда* (Ин. 5, 29); так что отнюдь не остается какого-нибудь промежуточного места; но после того, как всех судимых разделил на две части, одних поставив одесную, других же — ошуюю и первых назвав *овцами*, вторых же — *козлищами*, Он отнюдь не явил, что есть такие, которым долженствует очиститься тем [очистительным] огнем. Кажется, что тот огонь, о котором говорит апостол, — это тот, о котором говорит пророк Давид: *Огонь пред Ним возгорится, и окрест Его буря зельна* (Пс. 49, 3); и еще: *Огонь пред Ним предыдет, и поалит окрест враги Его* (Пс. 96, 3). Еще и Даниил пророк говорит о сем огне: *Река огненная течаше исходящи пред Ним* (Дан. 7, 10).

Так как святые не приносят с собою никакого злого дела или злого признака, этот огонь явит их еще более светлыми, как золото, в печи испытанное, или как камень амиант, который, как говорят, будучи положенным в огонь, кажется обуглившимся, вынутый же из огня, становится еще чище, как бы вымытым водой; как были и тела святых трех отроков в печи Вавилонской. Грешников же, приносящих с собою зло, охватив, как удобный материал для сего огня, он немедленно зажжет, и «дело» их, то есть злое расположение или действие [энергию], сожжет, и до конца уничтожит, и лишит их того, что они принесли с собою, то есть лишит их злого груза, однако самих их «спасет», то есть навеки будет сохранять и соблюдать, дабы они не подверглись уничтожению вместе со своим злом.

6. Такое толкование этого изречения апостола считает должным сделать и божественный отец Златоуст (который именуется нами «Уста Павловы», как тот — «Уста Христовы»), разъясняя Послание [в Беседе 9 на Первое послание к Коринфянам]» причем Павел говорит чрез

Златоуста, как это было явлено благодаря видению Прокла, ученика и преемника престола его²⁸⁸.

Он посвятил особый трактат этому одному изречению, дабы оригеняне не приводили сии апостольские слова в подтверждение образа своего мышления (которые, кажется, более подходят им, чем вам) и не причиняли зло Церкви, вводя конец адского мучения и конечное восстановление (греч. *αποκατάστασις*; «апокатастасис») грешников. Ибо выражение, что грешник «спасется якоже огнем», означает, что он пребудет мучимый в огне и не уничтожится вместе со своими злыми делами и душевным злым устроением.

Об этом говорит и св. Василий Великий в «Моралиях», толкуя изречение псалма: *Глас Господень, разсецающий пламень огня*, говоря так: «Огонь, уготованный для мучения диаволу и ангелам его, рассекается гласом Господа, дабы засим в нем было две силы: одна попяляющая, а другая просвещающая; мучающая и карательная сила того огня сохранена для достойных мучения, а просвещающая и осиявающая предназначена для осияния ликующих. Итак, для того глас Господа, рассекающего и разделяющего пламень огня, чтобы мрачная часть была огнем мучения, а неопяляющая пребывала светом наслаждения»²⁸⁹.

Итак, как видится, это рассечение и разделение того огня будет тогда, когда всем равно проходящим чрез него светлые и сияющие дела явятся еще более светлыми, и принесшие их станут наследниками света и восприимут оную вечную награду, а принесшие дурные и удобосгораемые, наказуемые лишением их, вечно пребывая в огне, наследуют спасение, которое хуже гибели, ибо это-то, собственно говоря, и обозначает выражение «спастись», дабы не случилось им уничтожительной силой огня и самим также полностью быть уничтоженными. Последуя этим отцам, и многие иные из наших учителей поняли сие изречение в том же смысле. Если же кто-нибудь иначе растолковал его и «спасение» разумел как «освобождение от наказания» и «прохождение чрез огонь» — как «чистилище», то такой, если можно так выразиться, является совершенно превратно понявшим данное изречение. И неудивительно, ибо он человек, когда вот многие и из учителей видятся различно толкующими изречения Писания, и не все достигли в равной степени точного смысла; ибо невозможно, чтобы тот же текст, передаваемый в различных

пониманиях, всем бы пониманиям его в равной степени соответствовал; но нам долженствует, избрав важнейшие из них и более согласующиеся с церковными догматами, прочие толкования поставить на второе место. Поэтому мы не уклонимся от приведенного толкования слов апостола, хотя бы и Августин, или Григорий Двоеслов, или кто иной из ваших учителей дал такое (несоответствующее) толкование; ибо подобное толкование меньше идет в пользу понятия временного, очистительного, нежели на руку Оригенова учения, которое, как говорящее о конечном восстановлении душ чрез тот огонь и освобождении от мучения, было запрещено и предано анафеме Пятым Вселенским Собором и окончательно отвергнуто как общее бесчестье для Церкви.

13²⁹⁰. И наконец, вы говорите: «Преждереченная истина явствует на основании Божественного Правосудия, которое не оставляет безнаказанным ничего из того, что было сделано непорядочно, и отсюда необходимо вытекает, что для тех, которые не перенесли наказания здесь и не могут его выплатить ни на небе, ни в аду, остается допустить существование иного, третьего места, в котором совершается сие очищение, благодаря которому всякий, становясь чистым, немедленно возводится к небесному наслаждению».

На это мы говорим следующее, и обратите внимание, как сие просто и вместе справедливо: является общепризнанным (*ομολογουμένως*), что отпущение грехов есть вместе с тем и освобождение от наказания, ибо тот, кто получает отпущение их, вместе с этим и освобождается от наказания, долженствующего за них. Дается же оно в трех видах и в разные времена: 1) во время крещения; 2) после крещения, чрез обращение и скорбь и возмещение добрыми делами в настоящей жизни; и 3) после смерти, по молитвам и благодеяниям и благодаря иному, что Церковь совершает за умерших. Итак, первое отпущение грехов совершенно не связано с трудом и обще для всех и единично, как излитие света и созерцание солнца и перемен времен года, ибо это только благодать, и от нас не требуется ничего более, как только вера. Но второе — мучительно, как *омывающему одр свой на всяку ночь и постель слезами* (Пс. 6, 7), которому болезненны и следы ударов греха, который плача и с сокрушенным лицом шествует и подражает обращению ниневитян и помилованному смирению Манассии. Третье же — мучительно и оно,

ибо связано с раскаянием и с совестью сокрушенной и страдающей от недостатка добра, однако оно отнюдь не смешано с наказанием, если является отпущением грехов, ибо отпущение и наказание никак не могут шествовать заодно. Впрочем, в первом и последнем отпущении грехов большую часть имеет благодать Божия при содействии молитвы, весьма же немного вносится от нас. Среднее же, напротив, мало имеет от благодати, большая же часть долженствует нашему труду. Различается же первое отпущение грехов от последнего тем, что первое в равной степени есть отпущение всех грехов, а последнее — тех только грехов, которые не смертные и о которых каждый каялся в жизни.

Так мыслит Церковь Божия, и, прося усопшим отпущения грехов и веруя, что оно даруется им, она не определяет, как закон, какому-нибудь наказанию в отношении их, хорошо зная, что Божественная благодать преобладает в таких вещах понятие правосудия.

Из второго слова св. Марка Ефесского об очистительном огне

3. Мы утверждаем, что ни праведные еще не восприняли полностью свой удел и оное блаженное состояние, к которому они себя здесь уготовали чрез дела, ни грешные после смерти не были отведены в вечное наказание, в котором будут вечно мучиться, но и то и другое необходимо должно быть после последнего того дня Суда и воскресения всех; ныне же и те и другие находятся в свойственных им местах: первые — в совершенном покое и свободными находятся на небе с Ангелами и пред Самим Богом и уже как бы в раю, из которого ниспал Адам, вошел же прежде иных Благоразумный разбойник, — и часто нас посещают в тех храмах, где их почитают, и слушают призывающих их и молятся за них Богу, прияв от Него этот изрядный дар, и чрез свои мощи творят чудеса, и наслаждаются созерцанием Бога и оттуда посылаемым озарением более совершенно и более чисто, нежели раньше, когда были при жизни; вторые же, в свою очередь, заключенные в аду, пребывают *в темных и сени смертной, в рове преисподнем* (Пс. 87, 7), как говорит Давид, и затем Иов: *В землю темну и мрачну, в землю тмы вечным, идеже несть света, ниже видети живота человеческого* (Иов. 10, 21-22). И первые пребывают во всякой радости и веселии, ожидая уже и только лишь не имея еще в руках обетованного им Царства и неизреченных благ; а вторые — напротив, пребывают во всякой тесноте и безутешном страдании, как некие осужденные, ожидающие приговора Судии и предвидящие оные мучения. И ни первые не восприняли еще наследие Царства и тех благ, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9), ни вторые еще не преданы вечным мукам и горению в негаснущем огне. И это учение мы имеем переданным от отцов наших из древности и легко можем представить из самих Божественных Писаний.

10. Итак, из всего этого явствует, что то, что некоторые из святых в видении и откровении видели относительно будущего мучения и находящихся в нем нечестивых и грешников, является некоторыми образами будущих вещей и как бы начертаниями, а не тем, что уже

теперь сбывается на деле; так, например, Даниил, описывая будущий тот Суд, говорит: *Зрях, дондеже престолы поставишася, судище седе и книги отверзошася* (Дан. 7, 9-10), между тем ясно, что этого на самом деле не происходило, но было в духе предоткрыто пророку.

19. К тому же когда мы рассматриваем приведенные вами свидетельства из книги Маккавеев и Евангелия, то, говоря просто и с любовью к истине, мы видим, что они отнюдь не содержат в себе свидетельства о каком-то наказании или очищении, но говорят только об отпущении грехов.

Вы сделали некое удивительное разделение, говоря, что всякий грех надо понимать в двух аспектах: 1) само оскорбление Бога и 2) последующее за сие наказание; из этих двух аспектов оскорбление Бога действительно может быть отпущено после раскаяния и отращения от зла, но подлежащее наказанию долженствует быть во всяком случае; так что на основании этого понятия является необходимым, чтобы разрешаемые от грехов подлежали все же наказанию за них.

Но мы допускаем себе сказать, что такая постановка вопроса противоречит явным и общеизвестным истинам: если мы не видим, чтобы царь после того, как даровал амнистию и оставление, еще бы и подвергал наказанию провинившихся, то гораздо более Бог, у Которого при многих свойствах человеколюбие является особенно выдающимся свойством, хотя и наказывает человека после совершения им греха, но после того, как простил, немедленно освобождает и от наказания. И это естественно. Ибо если оскорбление Бога приводит к наказанию, то когда вина разрешена и произошло примирение, то и само следствие вины, то есть наказание, по необходимости приходит к концу.

Приложение II. Ответ критику

В то время как настоящая книга печаталась в выпусках журнала «Православное слово» (“The Orthodox Word”), редактор другого православного периодического издания — «Тлингит Геральд» (“The Tlingit Herald”; издается храмом св. Нектария Американской Православной Церкви в Сиэтле, штат Вашингтон) предпринял публикацию целой серии нападок на изложенное здесь учение о жизни после смерти (т. 5, номера с 6-го и далее). Эти нападки были направлены не только против учения, содержащегося в данной книге, но также и против учения, излагаемого в публикациях Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, штат Нью-Йорк (особенно выпуск «Православной жизни» (“Orthodox Life”) за январь — февраль 1978 года, брошюра «Невероятное для многих, но истинное происшествие», опубликованная там же в июле — августе 1976 года, и антология «Вечные тайны за гробом»); против проповеди архиепископа Иоанна (Максимовича) «Жизнь после смерти», которая появилась в четвертом номере «Православного слова» за 1971 год и перепечатывается в главе X данной книги; против всего учения преосвященного Игнатия Брянчанинова, которое вдохновило автора на создание этой книги, и в целом против того учения, которое было изложено за последние столетия в многочисленных православных источниках и которое отражает живое благочестивое Православие до сего дня.

Ознакомившись с критикой, я не считал необходимым изменять что-либо из мною написанного, лишь добавил кое-где ряд параграфов, чтобы сделать более ясным православное учение, которое недостойно искажается и неверно трактуется в этих нападках. Нет смысла отвечать на критику пункт за пунктом. Приводимые им цитаты из святых отцов едва ли служат подтверждением основных аспектов его позиции, хотя сам он думает так; единственное, что уместно показать, так это то, что они использованы неверно. Так, все процитированные места, удостоверяющие нас в том, что человек состоит как из души, так и из тела (7:2, р. 26, etc.) — чего никто не отрицает, — ничего не говорят о независимой [от тела] деятельности души после смерти, но в пользу

этой истины так много свидетельств, что она, очевидно, превышает всех «опровержений», если только доверять православным источникам. Многие места из Священного Писания и святоотеческих текстов, где смерть метафорически называют термином «сон», «успение», не свидетельствуют о том, что данную метафору нужно понимать буквально: на протяжении веков лишь немногие из христианских учителей говорили о подобном, но Церковь такой взгляд, как не согласный с истиной, не приняла, и т. д. Подборка «подтверждающих» текстов имеет смысл только тогда, когда действительно доказывает какое-то положение, а не говорит о чем-то ином или тема дискуссии ясно не прослеживается.

С одной стороны, критик приводит длинный перечень (ничего не проясняющих) цитат, а с другой — и это его привычный прием в полемике, — сражает оппонентов огульным заявлением, не содержащим никаких доводов или явно противоречащим свидетельствам. Так, если критик старается оспорить возможность получения сообщений от людей, вернувшихся «с того света», он категорично заявляет: «Такое просто невозможно», — а ведь православная литература содержит немало подобных фактов; если отрицает, что люди после смерти видят падших духов, то говорит: «Отцы этому не учат» (6:12, р. 24), — несмотря на многочисленные упоминания в трудах святых отцов, например о мытарствах, с которыми сталкиваемся после смерти. Если критик признает существование свидетельств, ставящих под вопрос его аргументы, то банально отделяется встречным обвинением: всё лишь «аллегии» или «нравоучительные притчи» (5:6, р. 26).

Он также привержен тому, чтобы прибегать к жестким аргументам *ad hominem*, направленным на дискредитацию любого не согласного с ним оппонента: «Интересно, что некоторые люди вместе с латинами, по-видимому, считают, что необязательно соотноситься со Священным Писанием» (6:12, р. 30), — это сказано в контексте, где он подвергает критике учение свт. Игнатия Брянчанинова, на которого, таким образом, косвенно возводится обвинение в неуважении к тексту Священного Писания. Мнения других, не согласных с ним, решительно получают название «оригеновских» или «кощунственных» (5:6, р. 23), а если оппоненты отвергаются, то как имеющие «платоновско-оригеновский склад ума» или находящиеся «в состоянии

духовной прелести, под влиянием латино-схоластических и эллинистических... или как пребывающие в глубочайшем невежестве» (6:12, р. 39).

По всей вероятности, уровень полемики данного критика невысок, если он затрагивает в своих выпадах почитаемых православных учителей. Но поскольку критик, как кажется, по-своему отражает ложные представления некоторых православных, не понимающих православной литературы, в которой есть описание загробной жизни, было бы полезным ответить на некоторые возражения, выдвигаемые им против принятого Церковью учения о жизни после смерти.

1. «Противоречия» в православной литературе о состоянии души после смерти

Вопреки сложившемуся мнению о том, что православная литература о жизни после смерти «наивна» и «проста», при внимательном рассмотрении можно увидеть, что на самом деле она глубока и даже утонченна. Часть ее действительно может читать на своем уровне и ребенок — как увлекательные истории, написанные языком житий святых, в которых мы и находим свидетельства о посмертной жизни.

Но этот материал передан нам Церковью не из-за «историй», а потому, что он достоверен; его главный источник — аскетические сочинения святых отцов, где данное учение дано трезво, в непосредственном изложении, а не в форме «рассказов». Поэтому более глубокий анализ материалов может принести свои плоды. Мы попытались сделать это выше, в главе VI, параграфе под заголовком «Как понимать мытарства». Следуя толкованиям св. Григория Двоеслова и других отцов Церкви, мы провели различие между **духовной реальностью**, с которой сталкивается душа после смерти, и приемами **пояснительными** или **образными** (*figurative and interpretative devices*), используемыми, чтобы выразить эту реальность. Православный человек, хорошо знакомый с такой литературой (еще с детства, по рассказам взрослых), автоматически читает ее на своем уровне и истолковывает образы в соответствии с духовным пониманием. «Мешки с золотом», «разложенные костры», «золотые обители» и подобные явления потустороннего мира не воспринимаются взрослыми в буквальном смысле, и попытка нашего критика дискредитировать православные источники потому, что они содержат в себе фигуральные образы, свидетельствует о том, что он не знает, как их читать. Таким образом, многие из «противоречий» в православной литературе относительно загробного мира имеют место только в умах тех, кто читает ее буквально, — взрослых, искусственно пытающихся понимать ее по-детски.

Ряд «противоречий» таковыми вообще не являются. То, что одни святые (и некоторые [люди], чьи повествования приняты Церковью),

говорят о своем «посмертном» опыте, а другие нет, — в этом не более «противоречий», чем в факте, что одни святые не благоволят, чтобы их мощи переносили, а другие благословляют перенесение своих мощей: сие — дело Божия Промысла. Критик приводит пример преп. Афанасия [Воскресшего] Киево-Печерского, который не хотел говорить о пережитом после смерти, и категорически утверждает: «И вообще, такие люди никогда не передавали нам *ничто* из того, что имело место» (7:1, р. 31, курсив его). Однако воин Таксиот («Жития святых», 28 марта), св. Сальвий Альбийский и многие другие как раз **и говорили** о своем опыте, и отрицание их свидетельств есть ненаучное и выборочное использование источников. Св. Сальвий и другие неохотно упоминали о происшедшем, но все-таки о нем говорили. Такой факт [нежелание рассказывать о пережитом] не доказывает, что посмертного опыта нет: он дает понять, как богат этот опыт и как трудно передавать его живущим.

Многие отцы (и полнота Вселенской Церкви) предостерегают от принятия бесовских видений (иногда, сообразуясь с обстоятельствами, в категоричной форме), но здесь нет «противоречия» той истине, что подлинные видения приняты Церковью.

Нередко критик в своих нападках неверно прилагает вырванное из контекста святоотеческое высказывание к частной ситуации, для которой оно не подходит. Когда св. Иоанн Златоуст в «Беседах на Евангелие от Матфея» (28, 3) утверждает, что «невозможно разлученной с телом душе продолжать странствовать здесь», то ясно высказывается против языческой мысли, что души умерших могут стать демонами и на время остаться на земле; но эта [общая] истина не противоречит и не имеет отношения к тому [конкретному факту], что многие души и в самом деле остаются близ земли на несколько часов или дней после смерти, прежде чем отправиться в мир иной. Св. Златоуст добавляет в той же Беседе: «После исхода отсюда души уводятся в некое место, не имея больше силы **самим** снова вернуться сюда», — но это тоже не противоречит тому, что по велению Божию и для Его целей некоторые души и на самом деле являются живым.

Как учит св. Афанасий Великий, Христос очистил воздух от злобы демонов, что никоим образом не отрицает существования бесовских воздушных мытарств, как полагает критик (6:8-9, р. 13); ведь в другом месте он сам цитирует православное учение, согласно

которому злые духи, которые **все еще** в воздухе, производят многие искушения и наваждения (6:6-7, р. 33). До нашего искупления Христом никто не мог пройти сквозь воздух на небо, так как путь преграждали бесы, и люди нисходили в ад; теперь возможно пройти эту воздушную среду, потому что сила бесовская ограничена и касается тех людей, чьи грехи не очищены покаянием, — об этом говорит учение Церкви. И хотя Христос «адову разрушил... силу» (Кондак Святой Пасхи), любой из нас может попасть туда, отвергнув спасение во Христе.

И еще: то, что наша духовная брань с «началами и властями» идет в сей жизни, не противоречит истине, что она продолжается и тогда, когда мы ее покидаем. Параграф в главе VI под заголовком «Созерцание мытарств до смерти» объясняет связь между этими моментами невидимой брани в Православии.

То, что поминовение усопших на третий, девятый и сороковой дни иногда объясняют символизмом Святой Троицы, девяти ангельских чинов и вознесением Христовым, никак не отрицает того, что эти дни каким-то образом также связаны и с тем, что в них происходит с душой (согласно модели, описанной в главе X). Ни одно из объяснений не является догмой, ни одно не противоречит другим; православному христианину нет нужды отрицать ни одно из них.

Тому неоспоримому факту, что наша посмертная участь зависит от нашей жизни, ни в коей мере не противоречит другой столь же неоспоримый факт, что молитва об умерших может облегчить их участь и даже изменить их состояние — согласно православному учению, изложенному св. Марком Ефесским и [принятому] вообще Православной Церковью (см. главу X). Критик так озабочен тем, чтобы найти противоречия в этом учении, что видит их в трудах одного православного учителя — св. праведного Иоанна Кронштадтского, утверждая, что святой то учит в согласии со «святоотеческим пониманием», то придерживается «схоластической концепции» (7:3, р. 28). Св. Марк Ефесский «виновен» в том же, ибо, говоря о молитвах об умерших, которые критик считает святоотеческими, он ясно учит и тому, что «души усопших по молитвам освобождаются от заключения в аду, как бы из некой темницы» (7:3, р. 202), что критик считает «схоластической концепцией», потому что полагает невозможным, чтобы молитвы об умерших могли изменить их состояние или снискать им упокоение (7:3, р. 23).

Ответ на все «противоречия», которые, как думает критик, он нашел в православном учении о загробной жизни, можно увидеть при честном и менее однобоком (*simple-minded*) прочтении самих православных текстов. Святоотеческие и агиографические тексты не противоречат сами себе; если будем глубоко и внимательно вчитываться в православные книги о жизни после смерти, обнаружим, что проблема — в нашем несовершенном их понимании, а не в самих текстах.

2. Существует ли «внетелесный» опыт (до или после смерти) или «иной мир», где обитают души?

Суждение критика о «внетелесных» опытах категорично: «Такое просто невозможно» (5:6, р. 25). Причем не приводится никаких свидетельств в подтверждение своего заключения, а только собственное мнение, что множество православных текстов с подобными явлениями лишь «аллегии» или «нравоучительные притчи» (5:6, р. 26). Небо, рай и ад, на его взгляд, не «места», а лишь «состояния» (6:2, р. 23); «душа не может действовать сама по себе, но только посредством тела» (6:8-9, р. 22), потому не только не может быть после смерти в каком-то «месте», но и **вообще** не способна действовать (6:8-9, р. 19); «предположить, что где-то там, за пределами чьего-то упокоения, находится эта сложная сфера, — сие есть сущее безумие» (6:6-7, р. 34).

Но возможно ли такое, чтобы душа сама по себе была не чем иным, как «духовной сущностью» и «покоем», не обладая ни «внешней» стороной, ни «местом» действия? Для православного христианства такое — крайность, и, будь это правдой, потребовалось бы (как критик предлагает) решительное переосмысление, пересмотр святоотеческих и агиографических текстов, где деятельность души описывается в явно «внешней» форме: душа знает, видит, общается и т. д.

Одно дело — быть осторожным и не читать православные тексты о мире ином, о жизни после смерти слишком буквально, приземленно, как и всегда советуют признанные православные учителя, исследующие эти вопросы, ибо отражаемое в таких текстах сильно отличается от земной реальности, но совсем другое дело — «отметать» подобные тексты, отрицая, что их внешние образы что-то подразумевают, заявляя, что они просто «аллегии» и «притчи». Православная литература на данную тему дает точные описания, изображая все так, как виделось человеку, имевшему такой опыт, а Православная Церковь и верующие принимают эти описания как

соответствующие действительности, если даже и идет речь о потусторонней природе изображенной реальности.

Не будет преувеличением сказать, что ни один православный писатель за все времена не был столь **догматичен** в изображении природы потусторонней действительности, как наш критик в полном ее отрицании. Однако это не область для категорических утверждений. Св. Павел, описывая свои впечатления в общих понятиях, осторожно говорит: *В теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает* (2 Кор. 12, 2).

Св. Иоанн Златоуст, изъясняя это место, проявляет ту же осмотрительность в словах: «Ум ли только и душа были восхищены, а тело оставалось мертвым? Или и тело было восхищено? Этого нельзя определить. Если не знает сам Павел, который был восхищен и удостоился столь многих и столь неизреченных откровений, то тем более не знаем мы... А если кто скажет: как возможно быть восхищенным без тела? То и я спрошу: как возможно быть восхищенным с телом? Последнее даже труднее первого, если рассуждать по разуму, а не покориться вере»²⁹¹.

Так и блж. Андрей, Христа ради юродивый, описывая состояние во время восхищения на небо, говорит: я видел себя «как бы без плоти, потому что плоти я не чувствовал... Наверное, я был в теле, но тягости телесной не чувствовал; не чувствовал никакой телесной потребности в течение всех двух недель, пока продолжалось восхищение. Это приводит меня к мысли, что я был без тела. Как сказать достоверно, не знаю; достоверно ведает это сердцеведец Бог».

Такие светильники Православия: апостол, великий святитель и высочайшей жизни святой — свидетельствуют о том, что едва ли можно передать опытное восприятие неба как совершающееся «вне тела»; из их слов понятно, что подобные опыты, происходят ли они «в теле» или «вне тела», имеют в себе нечто телесное и внешнее, иначе не было бы необходимости в связи с ними говорить о «теле» вообще. Мы стараемся эти опыты описывать просто, как в православных источниках, не пытаюсь точно определить это состояние. Свт. Феофан Затворник в своей комментарии на стихи 2 Кор. 12, 2-4 говорит столько, сколько и подобает сказать по данному предмету: «Внутри или во глубине видимого нами мира сокрыт другой мир, столько же действительный, как и этот, — духовный или тонко вещественный, Бог

весть; но то несомненно, что в нем витают Ангелы и святые... [Апостол Павел] не может только сказать того, в теле ли он был восхищен или **кроме** тела. Это, говорит, один Бог знает. Видно, для нас знание сего не нужно... Большая, впрочем, определенность в этих подробностях и не требуется, и ожидать нельзя, чтобы кто-либо сказал об этом что-либо решительно верное, когда молчит сам св. Павел»²⁹².

Вероятно, любой православный, читающий в житиях святых о потустороннем мире, осознает, что природу того мира и опытов точно определить невозможно; то, как они описаны в источниках, есть самый подходящий способ, каким можно о них рассказать на языке мира сего. Попытка отвергнуть опыты как «аллегории» и «притчи» и утверждать, что они не могут протекать так, как описаны, не находит никакого оправдания в православном учении и предании.

3. «Спит» ли душа после смерти?

Критик настолько против деятельности души в потустороннем мире, особенно после смерти (как это описано во многих житиях святых), что доходит до целого «учения» о «покое» и «сне» души в загробном мире, делающего всю ее деятельность невозможной! Он заявляет: «В православном понимании в момент смерти душа удерживается, чтобы, по действию Божией воли, быть переведенной в назначенный ей покой (почивание, *repose*), и вступает в состояние бездеятельности, некий вид сна, в котором ее функциональные свойства угасают, она не видит и не слышит» (6:3-9, р. 19); в этом состоянии душа «вообще не может ничего ни знать, ни помнить» (6:2, р. 23).

Даже среди неправославных подобное учение о «сне» души можно отыскать в наше время только у нескольких сект, далеких от христианской традиции (свидетели Иеговы, адвентисты седьмого дня). Тем более странно, что здесь оно однозначно провозглашается **православным!** Если один или два ранних учителя Церкви (Афраат Сирийский, св. Афанасий Синайский) выдвигали, по утверждению критика, такое учение, то ясно и то, что сама Православная Церковь никогда ему не следовала, а в своих богослужениях, в сочинениях святых отцов, в аскетических трактатах и житиях святых ясно учила и учит об активности и «бодрствовании» души после смерти, поэтому радикальность учения критика просто удивляет.

Да и сам он колеблется, размышляя о том, что же означает этот самый «сон» души, порой определяя его в терминах возвышенного «исихастского» словаря, что как-то смягчает категоричность; по крайней мере, он последователен в своих утверждениях о том, что «сон» души после смерти делает **невозможным** ее любые «внешние» опыты. Из его повествования о смерти как о состоянии «бездеятельности», в котором душа «не может ничего ни знать, ни помнить», ясно, что слово «сон» для него имеет более чем метафорический смысл.

Незачем искать у отцов конкретные «опровержения» этого учения, так как в Церкви его редко воспринимали всерьез и особых

опровержений не требовалось. Выше, в главе X, мы цитировали учение св. Амвросия о том, что душа «более активна», когда оставит тело после смерти, утверждение Аввы Дорофея, что душа «при своем исходе, освободившись от бременности этого тела, помнит все более ясно и отчетливо», учение преп. Иоанна Кассиана о том, что после смерти душа «становится более живой»; похожие высказывания можно найти и у других отцов. Но приведенные цитаты лишь малая толика православных свидетельств, опровергающих теорию «сна» души. Вся практика православного благочестия и молитвы об усопших, конечно же, изначально предполагают, что души в ином мире «деятельны» и их участь может быть смягчена: обращение православных в молитве к святым и их ответ на молитву немислимы без сознательной деятельности святых на небе; нельзя отбросить, как «басни», огромное число православных источников о явлениях и помощи святых после смерти. Если критик прав, то на протяжении многих веков, безусловно, не права Церковь.

Критик пытается нечестно воспользоваться тем, что учение Православной Церкви о загробной жизни содержит много аспектов, которые «в точности не определены», — не потому, что Церковь не знает, как свидетельствовать о мире ином, а оттого, что реальность этого иного мира (надо подчеркнуть еще раз) совершенно отлична от реальности мира земного и не поддается «догматическому» подходу, применяемому к ней критиком. Благочестивому опыту православных христиан известно живое общение странствующей (земной) Церкви со святыми, пребывающими на небе (а в некоторых случаях с усопшими), и таковое не требует «точных определений», но использовать их отсутствие как предлог, чтобы учить, что души святых пребывают в состоянии «покоя», исключаяющего любое «внешнее» общение с людьми на земле, — это переходит все границы дозволенного в православной христианской вере.

Среди других «посмертных» истин, которые отвергает теория «сна души», есть одна, бывшая от начала бытия Церкви предметом всеобщей веры: сошествие Христа во ад. «Во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог, в раи же с разбойником, и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй, Неописанный»²⁹³. Первое поколение христиан знало, что Христос, «уснув» во гробе (как поется в Ексапостиларии Святой Пасхи, в кондаке Великой Субботы и т. д.),

находящимся в темнице [то есть в аду] духам, сойдя, проповедал (1 Пет. 3, 19). Это «аллегория»?

Церковное Предание свидетельствует, что еще св. Иоанн Креститель «радуясь, благовестил... и сущим во аде Бога, являшагося плотию»²⁹⁴. И что тогда видели три ученика на горе Фавор, когда им предстал Моисей, если не его душу, которая явилась им вполне «внешним» образом (см. Мф. 17, 3)? То явление как бы подтверждает неуверенность апостола Павла, «в теле» ли он имел видение неба или «вне тела»: ведь Илия находится на небе «в теле», он не вкусил смерти, тогда как Моисей пребывает там «вне тела», ибо его тело было погребено, однако оба явились при преображении Христовом. Живущие на земле не могут провести различие между этими двумя состояниями, да сие и не нужно; простое описание таких явлений и опыты «умерших» в потустороннем мире, по всей видимости, наделяют нас лучшим пониманием данных истин, и потому не надо стараться понять их иначе, чем учит Церковь и Ее Глава — Христос.

Критик, очевидно, подпадает под то обвинение, которое выдвинул против других: он образ смертного «сна», который повсеместно принят Церковью как метафора, толкует в буквальном смысле. Часто он не замечает, что те источники, которые он цитирует в подтверждение своей теории, напротив, несут в себе убедительное ее опровержение. Он приводит слова св. Марка Ефесского (ссылаясь на наш перевод, впервые появившийся в «Православном слове»; No 79, p. 90) о том, что праведные «пребывают на небе с Ангелами пред Самим Богом и уже как бы в раю, из которого ниспал Адам (и в который прежде других вошел Благоразумный разбойник), и они часто посещают нас в тех храмах, где им воздается почитание, дабы слышать призывающих их и молящихся за (for) них Богу...» (6:12, p. 18). Если все это (включая внешнюю деятельность) может делать душа «спящая», то есть «в состоянии бездеятельности... в котором ее функциональные свойства угасают, она не видит и не слышит» (6:8-9, p. 19), — то теория «сна души» не имеет сферы применения (*Junction*), так как ничего не объясняет, и критик, пользуясь ею, только смущает верующих.

4. «Мнимы» ли мытарства?

Гнев критика обращен против православного аскетического учения о мытарствах, на которых душа после смерти сталкивается с бесами. Такое впечатление, что желание разрушить само это учение и привело его к такой противоречивой теории, как «сон души». Язык, которым он описывает мытарства, довольно категоричен и весьма невыдержан (*immoderate*). Говорит о «мнимых посмертных мытарствах» (6:8-9, р. 18), называет повествования о них в православной литературе «дикими рассказами» (6:8-9, р. 24) и «сказками ужаса, хорошо рассчитанными на то, чтобы ввергнуть душу в отчаяние и неверие» (7:1, р. 33); «мытарства — это миф... абсолютно чуждый Богу и Его Святой Церкви» (7:1, р. 23). Но когда он пытается изложить собственное понимание мытарств, то получается нелепость, и невозможно поверить, что он читал тексты, о которых идет речь. По его мнению, рассказы о мытарствах «заставляют нас поверить в то, что “путь в Царство Божие” — во владении сатаны и что он может собирать пошлины с проходящих по нему... Бесы дают позволение на проход в обмен за сверхдолжные заслуги святого» (6:2, р. 22). Он полагает, что мытарства описывают «странствующую душу, нуждающуюся в молитвах, чтобы найти покой (во что верили язычники)»; это «окультурная концепция о похождениях души, которые нужно оплачивать молитвами и милостынями» (6:2, р. 26). Он ищет «иноземные влияния», чтобы объяснить, как такое учение могло проникнуть в Православную Церковь, и заключает (без малейшего свидетельства, не считая туманных параллелей, которые привели антропологов к заключению, что христианство лишь еще один языческий «культ воскресения»), что «миф о мытарствах — это прямой продукт восточных астрологических культов, утверждавших, что все творение лишено попечения справедливого и любящего Бога» (7:1, р. 23); «эти мытарства суть лишь иллогичная мутация этих языческих мифов» (6:8-9, р. 24). Он находит, что мытарства тождественны «чистилищу» в латинском учении, и заявляет, что «разница между мифом о “чистилище” и подобным ему мифом о воздушных мытарствах сводится к тому, что одно дает Богу

сатисфакцию (удовлетворение) посредством физического мучения, а второе — путем душевных (ментальных)» страданий (6:12)²⁹⁵. Рассказ преп. Феодоры о прохождении мытарств («Жития святых», 26 марта) критик называет «наполненной ересями фантазией» (6:8-9, р. 24), основанной на «галлюцинации» (7:2, р. 14) какого-то человека, который во времена Ветхого Завета «был бы справедливо выведен вон и побит камнями», потому что «пребывал в состоянии духовной прелести» (6:6-7, р. 28). (Неясно, почему критик так негодует на рассказ именно преп. Феодоры, ведь он лишь один из ряда похожих повествований и не учит ничему отличающемуся от них, — это столь очевидно, что я не счел необходимым привести его выше, в главе VI.)

Такие резкие обвинения — личные суждения критика, не имеющие под собой никаких оснований. Удивительно, почему он так настаивает на собственной «трактовке» мытарств, отказываясь понимать их так, как всегда понимала Церковь, которая никогда не учила выдуманной им карикатуре; и возникает недоумение, из какого источника он все это почерпнул.

Отцы Церкви в течение шестнадцати веков (с золотого века святоотеческой письменности — IV век) говорят о мытарствах как о части православного аскетического учения, как о заключительном и решающем периоде невидимой брани, которую каждый христианин ведет на земле. В тот же период времени многочисленные жития святых и другие православные тексты описывают подлинные опыты православных христиан, как святых, так и грешников, побывавших на мытарствах после смерти (а иногда и до нее). Всем, кроме малых детей, ясно, что наименование «мытарства» нельзя воспринимать буквально; эту метафору восточные отцы сочли подходящей для изображения реальности, с которой душа сталкивается после смерти. Для всех очевидно, что некоторые элементы в описаниях мытарств имеют переносное или образное значение. Но сами повествования — не «аллегории», не «притчи», но прямые свидетельства личных опытов, выраженные на том языке, какой доступен рассказчику. Если изображения мытарств кажутся кому-то слишком живыми, натуральными (*vivid*), то происходит такое, видимо, оттого, что эти люди не знают истинной природы невидимой брани, которая ведется в сей жизни. И сейчас нас непрестанно осаждают бесовские искушители и обвинители, но наши духовные очи закрыты, мы видим только

результаты их козней — грехи, в которые впадаем, страсти, прогрессирующие в нас. После смерти духовная реальность становится видимой открывшимся глазам души, которые (как правило, впервые) видят существа, преследовавшие нас в течение всей жизни.

В православных свидетельствах о мытарствах нет ни язычества, ни оккультизма, ни «восточной астрологии», ни «чистилища». Наоборот, мытарства учат нас, что каждый человек ответствен за свои грехи, и после смерти подводятся итог его победам и поражениям в борьбе с грехами (частный суд), и бесы, искушавшие его в течение всей жизни, в последний раз нападают на него до и после смерти, но силу имеют над теми, кто недостаточно упорно вел невидимую брань.

Что же касается литературной формы этих свидетельств, то мытарства встречаются в богослужениях Церкви (церковная поэзия), в аскетических творениях святых отцов и в житиях святых. Каждый православный человек читает сии тексты благоговейно и со страхом Божиим, стремясь почерпнуть духовную пользу, а не так грубо и формально, как делает это критик. Любой духовный отец, назидаящий своих духовных чад в вековых традициях православного благочестия, может засвидетельствовать благотворное влияние тех православных источников, где упоминаются мытарства. Покойный архиепископ Андрей Ново-Дивеевский, любимый и почитаемый многими духовный отец, использовал в качестве основы для деятельной подготовки к таинству исповеди своих духовных чад именно те двадцать мытарств, которые проходила Феодора. Если и есть какая-то «дисгармония» между этими текстами и человеком XX века, то вина ложится на изнеженный и безнравственный дух времени, который воспитывает неверие и беспечное отношение к реальностям иного мира, долженствующим внушать благоговение и трепет, особенно к аду и Суду.

Учению о мытарствах, изложенному в православных источниках, никогда не давалось определение «догмат»; оно скорее принадлежит к преданию (*tradition*) православного благочестия, но это не значит, что оно нечто «не важное» или относящееся к «личному мнению». В Церкви ему учат во все времена, где бы ни передавалась православная аскетическая традиция потомкам. Если в последнее время тема мытарств была, пожалуй, вне сферы размышлений многих православных богословов, то лишь потому, что они принадлежат в

первую очередь к академическому миру, а не к аскетической традиции. Богословы традиционного направления и те, для кого живо православное аскетическое предание, уделяют этому предмету гораздо больше внимания. Кроме Русской Церкви, где учение о мытарствах подробно рассматривали и защищали епископ Игнатий Брянчанинов, епископ Феофан Затворник, митрополит Московский Макарий, св. Иоанн Кронштадтский, архиепископ Иоанн (Максимович), протопресвитер Михаил (Помазанский) и многие другие учителя и богословы, оно получило особое значение в Сербской Церкви и занимает почетное место в «Догматике Православной Церкви» покойного архимандрита Иустина (Поповича). В последние годы, с переводом православной аскетической литературы и богослужений на европейские языки, учение о мытарствах привлекает еще большее внимание.

Мы приведем здесь некоторые упоминания о них из английских изданий последних лет, еще не цитированных на страницах нашей книги²⁹⁶.

Из «Пятидесяти духовных бесед» преп. Макария Великого, одного из главных трудов православной аскетической литературы:

Когда душа человека выйдет из тела, тогда совершается при сем великое некое таинство. Ибо если повинна она во грехах, то приходят толпы демонов, и недобрые ангелы и темные силы поемлют душу ту и берут в собственную свою область. И никто не должен удивляться сему; потому что если душа в сей жизни, находясь в веке сем, им подчинялась и повиновалась и была их рабою, то тем паче удерживается ими и в их остается власти, когда отходит из мира (Беседа 22).

Как сборщики податей, сидя в тесных проходах, останавливают и истязывают проходящих, так и демоны наблюдают и задерживают души; и если души не совершенно очистились, то, при исшествии своем из тела, не получают дозволения войти в небесные обители и предстать Владыке своему, но уносятся вниз воздушными демонами. Но пребывающие во плоти, при трудах и при великом усилии, могут еще приобрести благодать свыше от Господа; и они, вместе с достигшими упокоения за добродетельное житие, отойдут ко Господу, как Сам Он дал обетование... (Беседа 43, 9).

Из «Лествицы» преп. Иоанна Лествичника, другого классического творения православной аскетики:

Иные [из умирающих] с болезнью произносили: *убо преиде ли душа наша воду непостоянную* духов воздушных (Пс. 123, 5)? Говорили же так потому, что еще не имели дерзновения, но издалека усматривали то, что бывает на оном истязании (Слово 5, 22).

В «Послании аввы Иоанна Раифского», служащего введением к «Лествице», указана цель написания таких книг:

Как лествица, утвержденная даже до небесных врат (см. Быт. 28, 12), [эта книга] возводит произволяющих, чтобы они безвредно, безбедственно и невозбранно проходили полчища духов злобы, миродержителей тьмы и князей воздушных.

Из «Слова о трезвении и молитве» преп. Исихия Пресвитера (Добротолюбие. Т. 2):

Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как ныне, дерзновенно возлаголет к ним *во вратех*. Только до самого исхода своего да не скучает она день и ночь взывать ко Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение ее вскоре, по неложному Божественному обетованию Своему, которое изрек Он в притче о неправедном судии: *ей, глаголю вам, сотворит отмщение вскоре* (Лк. 18, 8), — и в настоящей жизни, и по исходе ея из тела (§ 149).

Найдет, наконец, и на нас час смертный, — придет, и избежать его нельзя; и — о, если бы воздушный князь мира, пришедши тогда, нашел беззакония наши малыми и ничтожными, чтобы не мог справедливо обличить нас! — Иначе восплачемся тогда, хотя уже бесполезно (§ 161).

[Тот, кто не живет в трезвении] не освободится... также от греховных, Богу ненавистных дел, слов и помышлений. Таковые во исходе своем не минуют свободно (имеющих сретить их) князей тартара (§ 4).

Из «Подвижнического слова» блж. Диадокха, епископа Фотики (Добротолюбие. Т. 3):

Если же мы не будем достоительно и об этих (невольных и неведомых) грехах исповедоваться, то во время исхода нашего страх некий неопределенный найдем в себе. А нам, любящим Господа, надлежит желать и молиться, чтобы в то время оказаться не причастными никакому страху, ибо кто тогда будет находиться в страхе, тот не пройдет свободно мимо князей адских, потому что эту боязливость души они считают за признак соучастия ея в их зле, как это в них самих есть. Обрадованная же любовью Божиею, душа в час разрешения от тела с Ангелами мира несется выше всех темных полчищ (§ 100).

Из «Ста увещательных глав к монахам, находящимся в Индии» преп. Иоанна Карпафского (Добротолюбия. Т. 3):

С угрозою и бранью дерзко нападает враг на душу, только что исшедшую из тела, являясь горьким и страшным обличителем в падениях ея. Но можно видеть тогда и то, как боголюбивая и верная душа, хотя многократно прежде уязвлена была грехами, не боится его нападений и угроз, а паче его является сильною в Господе, окрыляется радостью, воодушевляется мужеством, видя сопровождающие ее небесные силы и, как стеною, ограждающий ее свет веры, и с великим дерзновением вызывает против злого диавола... От таких дерзновенных слов души, наконец, даст диавол, раздирающий испуская крик, в бессилии устоять против имени Христова (§ 25).

Из воскресного Октоиха тропарь Божией Матери:

... В час мя страшный смертный Ты исхити оглаголющих демонов и всякия муки (полунощница воскресная, глас 1, Богородичен по 6-й песни канона).

Можно видеть, что изречения не передают полно православного учения по данному предмету. И это понятно: нет необходимости «определять» или обосновывать учение о мытарствах всякий раз, когда о нем идет речь, ведь сами авторы и читатели аскетических произведений и богослужебных песнопений с ним уже знакомы и которое принимают. Попытка критика, отметившего некоторые

изречения, провести различие между опытами до и после смерти, отрицая саму возможность совершения их после смерти (6:12, р. 24), искусственна и является «логическим выводом» из его ложного учения о «сне» души и не имеет основания ни в аскетических, ни в богослужебных текстах. Реальность бесовских «истязаний» (*testing*) одна и та же, а мытарства лишь их заключительная фаза, иногда начинающаяся в конце жизни, а иногда — после смерти.

В православной аскетической литературе, житиях святых и богослужениях упоминаний о мытарствах множество; большинство из них еще не переведено на английский язык. Но критик, делая ссылки на такие источники, вынужден толковать их не в соответствии с контекстом, а, скорее, с собственными логическими заключениями о жизни после смерти.

Например, цитируя молитву св. Евстратия (полунощница субботняя): «... Да не узрит душа моя мрачного взора лукавых демонов, но да примут ю Ангели Твои светлии и пресветлии» (6:12, р. 23), — критик считает ее доказательством того, что душа **не** видит (и **не может**) видеть демонов после смерти, потому что это необходимо для его теории, что душа тогда «спит». Но непредубежденному читателю ясно, что данное место в молитве означает **обратное**: святой молится о том, чтобы не увидеть демонов потому, что это **обычный** удел души после смерти! Последнее ясно из контекста всей молитвы св. Евстратия, где прошению предшествуют слова: «...яко смятесе душа моя, и болезненна есть во исхождении своем от окаянного моего и скверного телесе сего.

Да не когда лукавый сопостата совет срящет, и препнет ю во тьме за неведомыя и ведомыя в житии сем бывшия ми грехи». Очевидно, что учение о демонском «истязании» души после смерти (дано ему название «мытарств» или нет) было знакомо св. Евстратию и составляет смысл и основу молитвы. Поэтому свт. Игнатий использует ее как указание на то, что сие учение было хорошо известно Церкви еще в начале IV века²⁹⁷.

Кроме того, критик приводит ответ преп. Варсонуфия Газского одному монаху, просившему сопроводить его «на воздухе и в пути сем», которого он не ведает, словно в нем содержится опровержение идеи мытарств. Но и в этом случае из сути вопроса и ответа ясно, что мытарства, с которыми душа сталкивается после смерти, принимаются

как **разумеющийся факт**, а преп. Варсонуфий, в своем благословении вверяя монаха Христу: «Да соделает [Христос] беспрепятственным восход души твоей и да сподобит тебя поклониться Святой Троице с дерзновением, то есть как освобожденного», — выражает один из моментов общепринятого в аскетической традиции Газы и всего Востока учения о мытарствах²⁹⁸.

Свт. Игнатий приводит этот случай наряду с другими цитатами из [творений] святых отцов в защиту учения о мытарствах²⁹⁹. Он цитирует [следующие фрагменты].

Преп. авва Дорофей Газский:

При нечувствии (жестокости) души полезно частое чтение Божественного Писания и умилительных слов Богоносных отцов, памятование о Страшном Суде Божиим, об исходе души из тела, о имеющих встретить ее страшных силах, с соучастием которых она делала зло в этой маловременной и бедственной жизни³⁰⁰.

Св. Феогност, один из отцов «Добротолюбия»:

Неизреченна и несказанна сладость той души, которая разлучается с телом, будучи извещена о своем спасении... Сопутствуемая... Ангелом, она беспрепятственно проходит воздушное пространство, нисколько не тревожимая лукавыми духами; радостно и дерзновенно восходит она, при восклицаниях благодарения Богу, и приходит наконец на поклонение Создателю своему³⁰¹.

Скитский инок Евагрий:

Опомнись, душа моя, и помысли, как вынесешь внезапное разлучение твое от тела, когда грозные ангелы придут за тобою и восхитят тебя в час, в который ты не ожидаешь, и во время, о котором ты не знаешь! Какие дела пошлешь ты пред собою на воздух, когда начнут истязывать тебя о делах твоих враги твои, находящиеся в воздухе?³⁰²

Св. Иоанн Милостивый:

Когда душа выйдет из тела и начнет восходить к небу, встречают ее лики бесов и подвергают многим затруднениям и истязаниям. Они истязуют ее во лжи, клевете» (и т. д. — дается длинный перечень

грехов, похожих на те двадцать, указанных в житии св. Василия Нового). «Во время шествия души от земли к небу самые святые Ангелы не могут помочь ей: помогают ей единственно ее покаяние, ее добрые дела, а более всего милостыня. Если не покаемся в каком грехе здесь по забвению, то милостынею можем избавиться от насилия бесовских мытарств³⁰³.

Еще один из отцов «Добротолюбия», преп. Петр Дамаскин, так говорит о себе: «Горе! Горе! Что буду делать я, всебеднейший, во время смерти, когда демоны окружают бедную мою душу, держа записи всего злого, мною сделанного»³⁰⁴.

Как отмечалось, в богослужениях есть много молитв, обращенных к Божией Матери, которые подразумевают или прямо утверждают аскетическое учение о мытарствах. Некоторые уже приводились на страницах этой книги. Епископ Игнатий, цитируя большое их число (из Октоиха, Требника (Euchologion), молитв на исход души, акафистов и канонов Божией Матери и святым), заключает, что «учение о мытарствах... встречается, как учение общеизвестное и общепринятое, на всем пространстве богослужения Православной Церкви. Возвещает и напоминает она его чадам своим, чтоб насеять в сердцах их душеспасительный страх и приготовить их к благополучному переходу из временной жизни в вечную»³⁰⁵.

Упоминаниями о мытарствах в православной Минее (двенадцать томов ежедневных служб святым) являются: тропарь из службы св. Иоанну Златоусту (27 января) и Песнь пятая в каноне Пресвятой Богородице, написанном Иоанном (очевидно, преп. Иоанном Дамаскином). В последней говорится: «Мысленныя сатрапы и мучительныя воздушныя полки, пройти без печали во время исхода моего подаждь, да Тебе, еже радуйся, радостно, Владычице, воззову: радуйся, всех Надеждо непостыдная».

Нет смысла умножать цитаты из православной литературы, свидетельствующие о том, как ясно данное учение излагалось в Церкви веками; у свт. Игнатия такие цитаты занимают двадцать страниц, но можно привести их и больше. Однако те, кому не нравится это учение, всегда найдут возможность перетолковать его или осмеять. Даже наш критик вынужден признать существование некоторых православных текстов, говорящих о бесовских истязаниях во время

смерти, хотя он и пытается защитить свое мнение о «мнимых» мытарствах, утверждая, что «таких видений можно избежать, если в этой жизни мы будем вести брань, каяться в грехах и приобретать добродетели» (6:12, р. 24). **Но как раз в этом и состоит сам смысл учения о мытарствах, которое он обращает в карикатуру и отрицает!** Учение о мытарствах преподано именно для того, чтобы мы трудились над собой сейчас, боролись с бесами в сей жизни, — тогда встреча с ними после смерти будет нашей победой, а не поражением! Многих подвижников-аскетов оно вдохновило поступать так! Но кто из нас может сказать, что он выиграл эту борьбу и не боится бесовских истязаний после смерти?

Автор настоящей книги хорошо помнит торжественные заупокойные богослужения по архиепископу Иоанну (Максимовичу) в 1966 году, кульминацией которых был день погребения. Присутствующие ощущали себя свидетелями погребения святого; скорбь разлуки с ним была поглощена радостью обретения нового заступника на небесах. И все же некоторые иерархи, особенно епископ Савва Эдмонтонский, призывали народ к усердной молитве, напоминая о «страшных мытарствах», через которые должен пройти даже этот святой человек, чудо Божией благодати нашего времени.

Такие призывы способствовали ревностной молитве верующих и, без сомнения, помогали усопшему пройти через них, хотя никто из присутствующих не помышлял о том, что наши молитвы избавят его от «истязаний», ни один человек не представлял в уме обмен «пошлинами» на небесных «заставах». Полная милосердия и благих дел жизнь этого святого человека, помощь святых, почитаемых им на земле, молитвы верующих, которые по существу были плодом его любви к ним, — все это, несомненно, известными одному Богу путями, которые нет необходимости исследовать, помогло ему отразить нападения воздушных духов. В сороковой день кончины архиепископа Иоанна епископ Савва специально приехал в Сан-Франциско, чтобы присутствовать на богослужениях, и сказал верующим: «Я приехал помолиться вместе с вами о упокоении его души в этот важный и решающий сороковой день — в день, когда определяется место, где эта душа будет обитать вплоть до всеобщего и Страшного Суда Божия»³⁰⁶, — вновь побуждая верующих вознести молитву, упоминая о другом предмете православного учения — о

жизни после смерти. В наши дни такое редко можно слышать православным христианам, поэтому мы как сокровище должны оберегать общение с представителями православной аскетической традиции.

Среди авторов, принадлежащих к Русской Православной Церкви, противодействию учению о мытарствах долгое время признавалось как один из признаков церковного «модернизма». Так, свт. Игнатий значительную часть своего труда о жизни после смерти посвятил защите этого учения, подвергавшегося нападкам в России в середине XIX века. Вопреки необоснованному мнению критика, что мытарства приняты теми, кто пребывает под «западным влиянием», римокатолический и протестантский Запад не имеет понятия о них, они есть только в православном учении, и сегодня нападки против них внутри Церкви предпринимают те, кто (как в модернистских православных семинариях) обладает строгим «западным» складом ума и не проникся почитанием традиционного православного благочестия.

Протопресвитер Михаил (Помазанский)³⁰⁷, крупнейший из ныне здравствующих богословов Православной Церкви, недавно опубликовал статью в защиту мытарств; она как бы явилась ответом нашему критику³⁰⁸. В ней он предупреждает, что в нашем современном нехристианском обществе вопросы веры часто ставятся и рассматриваются с неправославных позиций представителями других конфессий, а также православными христианами, уже не имеющими под собой твердой православной основы. Отец Михаил отмечает, что в последние годы все более заметен критический подход к ряду наших православных истин: против них выдвигаются обвинения в «примитивности», их считают плодом «наивного» мировоззрения или благочестия, трактуют как «мифы», «магию» и т. п. Наш долг — отвечать на подобные взгляды.

Свт. Феофан Затворник дает, возможно, самый трезвый и ясный ответ тем, кто не желает принять это православное аскетическое учение: «Как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения им не миновать» (см. выше, конец главы VI).

Мытарства не «нравоучительная притча», составленная, по мнению критика, для «людей простодушных» (5:6, р. 26); они не «миф», не «вымысел» и не «дикие басни», как он говорит, но истинное свидетельство о том, что ожидает нас во время смерти, передаваемое в

православной аскетической традиции со времен основания
христианской Церкви.

Заключение

В современном мире сохранение вековой традиции православного благочестия стало борьбой с огромным числом отклонений (*odds*) от нее. Православные общины в большинстве своем настолько прониклись духом мира, что священник, желая передать традиционное учение³⁰⁹ и наставить паству, иногда отчаивается перед трудной задачей. Большинство архиепископов и священников в конце концов начинают идти на поводу у своей паствы, «приноравливая» предание к земному образу жизни пасомых, — так оно совсем стирается и уходит из памяти.

Книги, проповеди, лекции о загробной жизни, вышедшие из-под пера современного духовенства большинства православных юрисдикций, свидетельствуют о том, что от благочестия и традиционного православного учения мало что осталось. Если потусторонний мир и упоминается, то — за исключением общих и абстрактных понятий — как предмет для шуток о «святом Петре» и «жемчужных вратах», которые в ходу у обмирщенного римокатолического и протестантского духовенства. Для многих православных христиан мир иной становится далеким и неясным, с ним нет живого общения, о нем нельзя сказать ничего определенного.

Церковь в России, вероятно по причине врожденного консерватизма и выпавших на ее долю страданий, лучше, чем другие Православные Церкви, сохраняет традиционно-православное отношение к миру иному. На Западе лишь Русская Зарубежная Церковь, почти в одиночестве, публикует православную литературу на данную тему, продолжая традиции «Пролога» и других душеспасительных сборников старой России, потому счастливы православные христиане, имеющие доступ к такой литературе и принимающие ее с простотой и благоговением, избегая духа «критики», уводящего столь многих, особенно новообращенных, с пути подлинного Предания и ощущения чистоты Православия.

Излишне говорить, какими «старомодными» считает мир — и даже православные — тех, кто публикует и читает эту литературу. Главная цель нашей книги — сделать «старомодную» литературу

понятной и доступной для современных православных христиан, которые могут извлечь только пользу из прочтения того, что приносило и приносит величайшее духовное благо православным во все века.

Цель нашего критика прямо противоположна: дискредитировать эту литературу, поставить ее в ряд «нравоучительных притч» или «диких рассказов», подвергнуть богослужения и жития святых всесторонней «критике», которая удалила бы из них все важные элементы (см., например, его усердную попытку дискредитировать житие св. Василия Нового за то, что оно содержит описания мытарств: “Tlingit Herald”, 7:2, p. 14).

Назовем же это тем именем, которого оно заслуживает: сие есть работа того самого **западного рационализма**, много раз восстававшего против Православной Церкви в прошлом и приведшего многих к утрате истинного понимания и ощущения истинности православного христианства. Это рационалистическое наступление на римо-католическом и протестантском Западе увенчалось полным успехом: в результате, если и остались там жития святых, все они были «очищены» от сверхъестественных элементов и потому трактуются как «нравственные наиздания». Обвиняя своих противников в схоластике, критик оказался самым усердным схоластом из всех: его теория основана не на ясных и простых текстах, передаваемых в Церкви из века в век, а на веренице доморощенных «логических умозаключений», призывающих к перетолковыванию и пересмотру очевидного смысла основных православных текстов.

Плохо уже то, что сам тон и язык критика чрезвычайно грубы: он составил злой памфлет на православное учение, против которого яростно выступает, тем самым показывая полное отсутствие уважения ко многим чтимым православным учителям — к лучшей части немногих наставников, которые сохраняют живой православную традицию благочестия вплоть до наших дней. Вот что он говорит о включенной в книгу проповеди «Жизнь после смерти», произнесенной архиепископом Иоанном (Максимовичем), святым человеком и великим богословом наших дней: это «дикая повесть об исходе души, преследуемой и мучимой демонами... В этой сказке верующим внушается, что, когда кто-то преставится, они должны тотчас же заказывать службы о упокоении души почившего, так как душа просто

отчаянно нуждается в наших молитвах, и смерть есть событие страшное. Очевидно, Сам Бог не может умилосердиться или помочь бедной душе без того, чтобы Его не подталкивали к тому или не будили крики и вопли смертных. Эта басня содержит в себе и явно кощунственное описание Успения Пресвятой Богородицы» (6:2, р. 22). Имя архиепископа Иоанна не упоминается, но из контекста предельно ясно, на какую проповедь ссылается критик; сам тон его статей недопустимо непочтителен вне зависимости от того, **какой** православный авторитет он критикует!

Трагично и то, что критик всеми силами пытается лишить православных христиан того, что и без него быстро исчезает из нашей среды: исконного православного благоговения к миру иному, проявляющемуся не только в той литературе, которую мы читаем (и которую критик с упорством дискредитирует), но еще больше в нашем отношении к умершим и к тому, что мы для них делаем. Из указанного выше ясно, что критик, в отличие от архиепископа Иоанна, считает ненужным вознесение молитв о преставившихся сразу после смерти и полагает, что душе и не могут принести пользу «крики и вопли»! Он особо подчеркивает, что «наши прошения от лица почивших лишь заявления о том, что они в любом случае вот-вот получат» (7:3, р. 27), и потому не оказывают никакого влияния на их вечную участь — при этом не замечая, что подобная трактовка не только противоречит святым отцам, но и устраняет высший мотив, побуждающий людей молиться об усопших.

Как это бессердечно по отношению к преставившимся! И как жестоко по отношению к живым! Какое неправославное учение! Молящиеся об умерших не считают свои молитвы «магическими заклинаниями» (7:3, р. 23) или «взятками либо магическими средствами, вынуждающими Бога быть милостивым» (7:3, р. 26), как грубо утверждает критик, — они молятся с глубокой верой (как бывает на молитве) в то, что Бог в самом деле, по Своей милости, подаст просимое. Синергию Божией воли и наших молитв нельзя постигнуть применяемой критиком узкой логикой, худшей, чем «схоластическая».

Тех, кто все еще питается духовно из подлинных православных источников, ныне меньшинство, и их число постоянно сокращается. Потому необходимо приложить совместные усилия для понимания

традиций православного благочестия, но никак не подрывать и не высмеивать тех, кто ему учит.

Далекое от Православия учение о жизни после смерти, выдвигаемое критиком, тем более опасно, что оно взывает к утонченным страстям современного человечества. Православное учение о загробной жизни достаточно строго и с нашей стороны требует трезвого отношения, исполненного страха Божия. Но избалованные и сосредоточенные на себе современники не хотят слышать о таких суровых истинах, как суд и ответственность за грехи. Можно чувствовать себя более «комфортно» с возвышенным учением «исихазма»³¹⁰, которое говорит, что Бог «на самом деле» не так строг, как изображает Его православная аскетическая традиция; что «в действительности» не надо бояться смерти и последующего за ней суда; что стоит только занять себя духовными идеями, подобными тем, что изложены в «Добротолубии» (отвергнув как «аллегории» все места о мытарствах), как окажемся в «безопасности» перед «любящим Богом», Который не потребует ответа за наши грехи, включая забытые и неосознанные... Плод таких возвышенных размышлений — состояние «харизматиков» и тех, кто чувствует, что спасение им обеспечено, или же приверженцев оккультного учения, утверждающего, что в смерти нет ничего страшного.

Подлинное православное учение о жизни после смерти вопреки всему наполняет верующего именно Божиим страхом, вдохновляя на борьбу с невидимыми врагами, стоящими на нашем пути, ради Царства Небесного. К борьбе призваны все православные христиане, и несправедливостью по отношению к ним будет растрачивание православного учения, для того чтобы сделать его более «комфортным». Пусть каждый читает те православные тексты, которые подходят его духовному уровню, но пусть никто не говорит ему, что можно отвергнуть «неудобные» для него тексты как «басни». Мода и мнения среди людей меняются, но православное Предание остается тем же самым вне зависимости от того, сколь мало число его последователей. Будем же всегда его верными чадами!

Приложение III³¹¹

7/20 декабря 1980 г.

Память свт. Амвросия Медиоланского

Благословение Господне на Вас!

Благодарю Вас за Ваше «Открытое письмо» от 3 ноября и за Ваше личное письмо от 4 ноября. Уверяю Вас, что я не нашел причин для обиды ни в одном из них, для меня они лишь повод к дружескому обсуждению учения (по крайней мере — одной его стороны) и значения двух иерархов и богословов России XIX века — Феофана Затворника и Игнатия Брянчанинова.

Мое замечание в «Предисловии» к «Душе после смерти» о том, что свт. Феофан был, по всей вероятности, «единственным соперником» свт. Игнатия как защитника Православия от современных заблуждений, никоим образом не подразумевало, что свт. Феофан как богослов или как исследователь святоотеческого наследия стоял ниже; просто тогда центром моего внимания был свт. Игнатий, и в этом контексте свт. Феофан кажется «меньшим», что на самом деле не так. Утверждая там же, что защита Православия свт. Феофаном велась на менее «академическом» уровне, чем свт. Игнатием, я ни в коей мере не намеревался умалить свт. Феофана, выразив лишь свое мнение, что в целом свт. Игнатий уделил больше внимания западным воззрениям и детальному их опровержению, тогда как целью свт. Феофана была передача православного Предания, и потому он лишь иногда касался западных заблуждений по отношению к Преданию Церкви. Я имел в виду контраст между пространной апологией свт. Игнатия, включающей объяснение мытарств (что процитировал на с. 73 и далее в «Душе после смерти»), и лаконичным заявлением свт. Феофана (единственным известным мне, где он критиковал западный скептицизм по отношению к учению) о том, что «как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения им не миновать» (Толкование на Псалом 118). Отмечая «академический» уровень подачи материала в трудах свт. Игнатия, я намеревался

подчеркнуть, что он больше, чем свт. Феофан, был озабочен полемикой с западными взглядами на их собственном уровне, тогда как свт. Феофан, как кажется, был склонен отвергнуть западные воззрения без многих рассуждений. Но возможно, что это не всегда так.

Итак, я полагаю, что относительно величины и значения двух иерархов между нами нет разногласий. Признаю величие свт. Феофана как богослова и ученого-патролога, и единственное, что послужило усиленному вниманию к свт. Игнатию в «Душе после смерти», было то, что именно он, а не свт. Феофан так обстоятельно писал против западных заблуждений относительно православного учения о жизни после смерти. Я всей душой приветствую Ваше исследование о свт. Феофане, испытываю к нему высочайшее уважение и восхищаюсь им, он ныне не оценен, к сожалению, по достоинству, так как некоторые люди в наши дни наивно считают его «схоластиком» за перевод некоторых западных книг или, вероятно, за употребление западных богословских выражений.

Относительно специального вопроса, по которому свт. Феофан выразил несогласие с учением свт. Игнатия, Вы правы, предполагая в Вашем письме ко мне, что, когда я писал о нем в «Душе после смерти» (с. 36), я не читал брошюры свт. Феофана «Душа и ангел», где излагается критика учения свт. Игнатия, а руководствовался лишь кратким упоминанием об этом у о. Георгия Флоровского.

После этого я воспользовался возможностью приобрести и прочитать брошюру свт. Феофана и пришел к выводу, что мои замечания неточны. Вы правы, между ними не было «спора», а лишь несогласие свт. Феофана, выраженное после смерти свт. Игнатия. Предмет расхождений был указан нечетко (об этом я еще скажу). К главному вопросу, поставленному Вами, — было ли и на деле это расхождение «незначительным», как я утверждал, — я хотел бы кратко обратиться.

Возможно, это вопрос семантики, основывающийся на разнице оценки несогласий между двумя богословами. Всякий, читающий «Душу и ангела» свт. Феофана на двухстах с небольшим страницах, содержащих критику учения свт. Игнатия, и отмечающий силу, с которой свт. Феофан обличал то, что считал ошибкой свт. Игнатия, мог бы назвать сии расхождения «значительными». Но, учитывая весь контекст учения свт. Игнатия о жизни после смерти, я все-таки не могу

считать данные разногласия «значительными», и вот по каким причинам.

1. Свт. Феофан на всем протяжении книги «Душа и ангел» критикует одну и ту же ошибку (или предполагаемую ошибку) свт. Игнатия — мысль, что душа и Ангелы телесны, телесны в силу своей природы. Сам свт. Феофан пишет: «Если бы новое учение только говорило, что Ангелы **имеют** тела, можно было бы и не спорить с ним; ибо при этом главною господственною стороною у Ангелов поставляется все-таки разумно свободный дух. Но когда говорится, что Ангел есть тело, тогда надобно отрицать у него разумно-свободность и сознание, ибо эти качества не могут принадлежать телу» (с. 103). Если бы свт. Игнатий действительно придерживался такого мнения со всеми последствиями, приписываемыми ему [этому мнению] свт. Феофаном, это, конечно, было бы серьезной ошибкой. Но даже в таком случае не оказало бы прямого влияния на остальную часть его учения о жизни после смерти: Ангелы и души действовали бы по тому же принципу и в тех же «местах», **будь** они телами или **имей** они тела (или же **принимая на себя** тела, как сам свт. Феофан, полагает). Иными словами, критика свт. Феофана обращена не против всей системы учения свт. Игнатия, а лишь против одной ее составляющей (аспекта). Но и здесь их согласие больше их несогласия: оба сходятся во мнении, что в деятельности Ангелов присутствует телесная сторона, **будь** то в мире земном или в мире ином, и потому свидетельства об их действиях и поступках, изложенные в житиях святых и других православных источниках, должны приниматься как истинные, а не как «метафоры» или «представления» (*fantasies*), по мнению западных критиков. Поэтому, принимая во внимание весь контекст учения свт. Игнатия (и свт. Феофана) о жизни после смерти, я не могу не считать данное расхождение «значительным».

2. Я всерьез задаюсь вопросом, действительно ли свт. Игнатий учил тому, что приписывает ему свт. Феофан; верно то, что он на это не делал такого упора и таких заключений из сего не делал, которые озаботили свт. Феофана заняться их опровержением. В частности, из вышеприведенной цитаты из книги свт. Феофана — где он утверждает, что «когда говорится, что Ангел есть тело, тогда надобно отрицать у него разумно-свободность и сознание», — ясно, что свт. Феофан лишь логически заключает то, во что, как он **полагает**, верит свт. Игнатий,

но нигде не может найти подтверждения у свт. Игнатия, что это в самом деле так — что Ангелы лишены разумной свободы и сознания; разумеется, свт. Игнатий так не мыслил. Читая «Слово о смерти» свт. Игнатия, я не увидел такого учения. Я не читал его «Прибавления» к данной работе, но уверен, что и там нельзя найти тот **акцент и последствия** учения, в отношении которых свт. Феофан выдвигает свои обвинения. Не углубляясь в подробности разногласий между ними (что могло бы стать темой большого исследования, но не имело бы, по-моему, никакого особого значения для православного богословия или для православного учения о жизни после смерти), я думаю, что ошибкой со стороны свт. Игнатия было не то, что он будто точно придерживался критикуемого свт. Феофаном учения, а (вероятно) в излишнем подчеркивании телесной стороны ангельской природы и образа действия (что неудивительно при борьбе с чрезмерным акцентированием «духовности» у западных учителей) — до той степени, что порой казалось, будто он говорит, что Ангелы (или души) суть тела, а не (как я думаю, он хотел сказать) что Ангелы и души **обладают** (эфирными) телами или что телесная сторона является **частью** их природы. Как выразился свт. Феофан, между ними не было бы полемики, если бы учение было таковым, так как он считает это (например, в «Душе и ангеле», с. 139) допустимым мнением по такому сложному вопросу, который догматически не определен Церковью.

Тогда тем более — если свт. Феофан отчасти и ошибался относительно акцентов в учении свт. Игнатия — это несогласие между ними следует, по моему мнению, считать «незначительным».

3. Свт. Феофана однажды прямо спросили, нашел ли он в учении свт. Игнатия какую-либо неточность, помимо предполагаемого учения о материальности души. Он ответил: «Нет, у преосвященного Игнатия только и есть погрешности, что его суждение о природе души и Ангела, — будто они вещественны... Сколько же мне приходилось читать в книгах его, я ничего не заметил неправославного; что читал, то хорошо» (Письмо от 12 декабря 1893 г. в «Русском иноке», Почаевская лавра, № 17, сентябрь 1912 г.).

Теперь перейдем к последнему вопросу — относительно воздушных мытарств, с которыми душа встречается после смерти.

В Вашем «Открытом письме» Вы цитируете письмо свт. Феофана, в котором он утверждает, что жизнь после смерти — «это земля,

скрытая от нас. Что там происходит, точно неизвестно... А что там будет — увидим, когда попадем туда». Из сего, а также из того факта, что свт. Феофан в своих трудах не упоминает часто о мытарствах, Вы заключаете, что «это учение как таковое, во всем его символизме, было... наиболее далеким для него», полагая, что я ошибаюсь, подчеркивая, что свт. Феофан был стойким защитником православного учения о мытарствах. На это я отвечу в нескольких пунктах.

1. В сочинениях свт. Феофана я тоже могу вспомнить два прямых указания на учение о мытарствах. Но и этих двух упоминаний достаточно, чтобы показать, что он придерживался его и учил ему других и что он с критикой и возмущением относился к тем, кто такое учение отрицал («как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения им не миновать»).

2. То, что в некоторых из своих писем, когда затрагивалась тема загробной жизни, он не упоминает о мытарствах, не представляется мне ясным указанием, что данный вопрос является «периферийным» в его учении, — это свидетельствует лишь о том, что в каждом отдельном случае он сообразуется с потребностями своего слушателя, а некоторым из них нет необходимости (или они не способны) слышать о мытарствах. То же я понял на собственном опыте, как священник: для тех, кто готов к нему, учение о мытарствах — сильное побуждение к покаянию и жизни в страхе Божиим; но есть такие, для которых сие учение было бы пугающим, что я не стал бы говорить о нем, пока они не будут подготовлены к его принятию. Священнику часто приходится встречать умирающих людей, которые столь плохо подготовлены к переходу в мир иной, что было бы бессмысленно сообщать им об аде, о мытарствах из боязни лишить их даже малой надежды на Царство Небесное, но это не значит, что в учении, проповедуемом священником, нет места аду или что он не стал бы решительно защищать его реальность в случае нападков. Ведь именно в нашем «просвещенном» XX веке многие православные христиане так духовно незрелы или увлечены современными идеями, что они просто не способны принять саму мысль о встрече с бесами после смерти. Каждый православный священник в своем пастырском подходе к таким людям должен, конечно, снисходить к их немощам, подавая им необходимое «питание младенцев», пока они не будут подготовлены к принятию «твердой» пищи, состоящей из некоторых аскетических

текстов; но православное учение о мытарствах, переданное с ранних времен христианства, всегда остается тем же и не может быть отвергнуто — независимо от того, сколько людей не способны понять его.

3. Более того, факт учения о мытарствах присутствует в других работах свт. Феофана — в его переводах, если не в его творениях. Имеется много ссылок на это учение в пятитомном переводе «Добротолубия»; некоторые я цитировал в книге «Душа после смерти». В «Невидимой брани» (ч. 2, гл. 9) есть изложение православного учения об «истязании князем века сего», которому подвергается всякий по исходе из тела; слово «мытарства» там нет, но сам текст говорит о том, что «главнейшая и решительная брань ожидает нас после смерти», и понятно, что реальность [этого] — та же, которую свт. Игнатий так упорно защищал и которой в других текстах свт. Феофан дает наименование «мытарств».

4. В тексте «Души и ангела» свт. Феофана нет ни одного критического слова в адрес учения свт. Игнатия о мытарствах. Свт. Игнатий в «Слове о смерти» утверждает, что «учение о мытарствах есть учение Церкви» (т. 3 его трудов, с. 138), и затем продолжает отстаивать учение подробно. И свт. Феофан в критике его учения говорит, что [в «Слове о смерти» и «Прибавлении» к нему] исследовано все до деталей, не осталась не разобранный ни одна мысль, требующая проверки («Душа и ангел», с. 4). Из этого следует, что свт. Феофан не нашел в мыслях о мытарствах свт. Игнатия ничего предосудительного, и он полностью согласен со свт. Игнатием, что «учение о мытарствах есть учение Церкви».

5. В тексте «Души и ангела» свт. Феофан описывает условия, в которых пребывает душа после исхода из тела, в выражениях, тождественных тем, что есть в изложении свт. Игнатия. Это именно те условия, которые необходимы для встречи души с бесами на мытарствах, поэтому эта часть текста, даже если в ней нет прямого упоминания мытарств, может быть взята как указание на согласие свт. Феофана со свт. Игнатием в отношении природы посмертной реальности, так что **единственное** расхождение со свт. Игнатием сводится к тому, является ли природа Ангелов только телесной (чему свт. Игнатий, по моему убеждению, не учил). Вот цитата из свт. Феофана:

«Душа по выходе из тела вступает в область духов, где как она, так и духи являются действующими по тем же формам, какие видны на земле между людьми: видят друг друга, говорят, ходят, спорят, действуют. Разница только в том, что там — область утонченного вещества, эфирная, и в них все потому утонченно-вещественно, эфирно. Какой прямой отсюда вывод? Тот, что в мире духов внешний образ бытия и взаимных отношений такой же, как и между людьми на земле. О телесности естества духов, о том, что существо их есть только тело, — факт не говорит» («Душа и ангел», с. 88-89).

6. Со мной Вы не расходитесь в главном: свт. Феофан, как и свт. Игнатий, хранил православное учение о мытарствах; Ваше единственное несогласие сводится к акценту, который два учителя делали на нем (свт. Игнатий говорил о нем больше, свт. Феофан меньше). Я полагаю, что есть очень простое объяснение кажущейся разнице в выделении данной темы: именно свт. Игнатий ощущал необходимость написать целый трактат о жизни после смерти, в котором вопрос о мытарствах, важная часть православного учения о загробной жизни, должен был занять видное место; тогда как свт. Феофан, не освещавший данный вопрос подробно, упоминает о нем лишь мимоходом. Я могу предположить (не просматривая всех его работ в подтверждение), что в других сочинениях свт. Игнатий упоминает о мытарствах не чаще, чем свт. Феофан. И все же ряд мест в трудах свт. Феофана указывает на то, что он придерживался этого учения так же твердо, как и свт. Игнатий. Замечу, тогда расхождение между ними — не в том, во что они верили, не в силе выражения своей веры, а в том, о чем я упомянул в начале письма: свт. Игнатий вел непосредственную борьбу с рационалистическими западными взглядами, а у свт. Феофана было свое поприще; он доносил до паствы аскетическое наследие святых отцов, меньше думая о полемике с определенными западными заблуждениями.

Учитывая все это, считаю справедливым мое утверждение в предисловии к «Душе после смерти» о том, что свт. Феофан «учил тому же», что и свт. Игнатий: с позиции всего православного учения о жизни после смерти, которое они разделяли, расхождение между ними по вопросу «телесности» природы души и Ангелов (вызванное, как я полагаю, по большей части полемическим, усиленным вниманием епископа Игнатия к «телам» Ангелов, а не тем, что он будто держался

учения, приписываемого ему епископом Феофаном) и в самом деле «незначительное». Что касается той стороны учения о загробной жизни, которая изложена в «Душе после смерти» (поскольку я не защищал и даже не упоминал предполагаемого учения свт. Игнатия о том, что души и Ангелы суть **только** тела), то здесь их согласие почти полное. Согласие в их учении о жизни после смерти станет еще разительнее, если сопоставить его с рационалистическими воззрениями западных критиков, до сего дня отрицающих всякую реальность мытарств и посмертной действительности, действенность молитвы об усопших — все, что описано у свт. Феофана и свт. Игнатия тождественными выражениями. На фоне ложных взглядов совместное свидетельство епископов Феофана и Игнатия о православном учении, передаваемом с древних времен, в самом деле впечатляет.

Мне было бы интересно узнать о Ваших будущих исследованиях по епископу Феофану, к которому, как я уже сказал, я проникся глубоким уважением. Будете ли Вы публиковать о нем статью или книгу или какой-нибудь перевод его работ? Со своей стороны, я перевел первую часть «Пути ко спасению», она печатается серийно в газете «Православная Америка» (“Orthodox America”).

С любовью во Христе,
недостойный иеромонах Серафим

P. S. Не знаю, насколько «открытым» было Ваше письмо ко мне и кому оно было отослано. Я посылаю копии моего ответа нескольким лицам, живо интересующимся данным вопросом.

---

notes

Примечания

1

То есть сохранение традиций и чистоты Православного учения. —
Примеч. ред.

Имеется в виду «посмертный» опыт. Выделения в нашем тексте полужирным шрифтом даны по английскому изданию. — *Примеч. ред.*

См.: *Wheeler D. R. Journey to the Other Side. N.Y., 1977.*

4

Ibid. P. 130.

См.: *Eternal Mysteries Beyond the Grave*. Jordanville; N. Y, 1968.

Рассказ К. Иксуля под названием «Невероятное для многих, но истинное происшествие» как не содержащий ничего противного православному учению, опубликовал архиепископ Никон (Рождественский) в своих «Троицких листках» (1916). На английском см.: *Uekskuell K. Unbelievable for Many but Actually a True Occurrence // Orthodox Life. 1976. July-August. — Примеч. ред.*

См.: *Moody, Jr., R. A.* Life After Life. Atlanta: Mockingbird Books, 1975.

См.: *Moody, Jr., R. A.* Reflections on Life After Life. A Bantam Book, 1977.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. P. 9.

Ibid. P. 20.

Ibid. P. 9.

Ibid. P. 27.

Ibid.

Ibid. P. 37.

Ibid.

Ibid. P. 43.

См.: *Kübler-Ross E.* Death Does Not Exist // The Co-Evolution Quarterly. 1977. Summer. Pp. 103-4.

См. примеч. 6.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. P. 44.

См.: *Barrett W.* Death-Bed Visions. London: Methuen, 1926.

См.: *Osis K., Haraldsson E.* At the Hour of Death. N. Y.: Avon Books, 1977.

Ibid. P. 24

Ibid. P. 194.

Св. Григорий Великий (Двоеслов). Диалоги. IV, 36.

Там же. IV, 12.

См. там же. IV, 13-18.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. P. 45.

Св. Григорий Великий (Двоеслов). Диалоги. IV, 36.

Там же. IV, 17.

Речь идет о вторжении вестготов в Италию в 410 г. После захвата Рима в августе германцы двинулись на юг Апеннинского полуострова. Нола подверглась осаде либо во время движения готов в сторону Сицилии, либо на обратном пути после неудачной попытки германцев перебраться на остров. — *Примеч. перев.*

Августин Блаженный. О попечении умерших. XVI, 19.

См., например: *Blackmore S. A., S. J. Spiritism: Facts and Frauds*. N. Y.: Benziger Bros., 1924.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. P. 45.

Ibid. P. 48.

Ibid.

Ibid.

Ibid. P. 47.

Osis K., Haraldsson E. At the Hour of Death. P.38.

См.: Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова: В 5 т. 2-е изд.,
испр. и доп. СПб.: Изд. книгопродавца И. Л. Тузова, 1886. Т. 3.

См. там же. С. 185-302.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Прибавление к Слову о смерти // Там же. С. 193-195 (курсив в цитатах свт. Игнатия).

Blackmore S. A., S. J. Spiritism: Facts and Frauds. P. 522.

Lewis C. S. Miracles: A Preliminary Study. N. Y.: Macmillan Company, 1967. Pp. 164-5.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Прибавление к Слову о смерти. С. 216. (Выделение полужирным шрифтом добавлено автором. — *Примеч. ред.*)

Там же. С. 227.

Там же. С. 223.

Свт. Василий Великий. О Святом Духе. 16, 23.

Свт. Григорий Богослов. Беседа 6. Об умных сущностях.

Преп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. II,
3.

Свт. Кирилл Иерусалимский. Катехизические слова. XI, 1.

Августин Блаженный. О Граде Божию. XXI, 10.

Преп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. II,
3.

См.: *Августин Блаженный*. О Граде Божием. XXI, 10.

См.: *Георгий (Флоровский), прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 394-395.

См.: The Orthodox Word. 1976. No 5.

Преп. Иоанн Кассиан Римлянин. Десять собеседований отцов, пребывающих в Скитской пустыне. Собеседование VIII, 12 и 16.

Св. Григорий Турский. История франков. VIII, 1. См. также житие св. Сальвия в: *The Orthodox Word.* 1977. No 5.

См.: *Dr. Moody, Jr., R. A.* Life After Life. Pp. 107-8; *Item.* Reflections on Life After Life. Pp. 58-60.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. P. 108.

Свт. Василий Великий. Беседа на псалом 7. Этот отрывок, вероятно, относится к мытарствам, встречаемым после смерти; ниже, в главе VI, излагается подробный разбор бесовских искушений и соблазнов, которым душа подвергается как перед смертью, так и после нее. — *Примеч. авт.*

Св. Иоанн Златоуст. Беседы на Евангелие от Матфея. Беседа 53.

Св. Григорий Великий (Двоеслов). Диалоги. IV, 40.

См.: *Bede*. History of the English Church and People. V, 13, 15.

См.: *Myers J.* Voices from the Edge of Eternity. Pp. 71, 109, 167, 196, etc.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. Pp. 107-8.

См.: *Osis K., Haraldsson E.* At the Hour of Death. P.90.

Ibid. P. 41-42.

Память святых мучеников Тимофея и Мавры — 3 мая.

Hill J. A. Spiritualism. Its History, Phenomena, And Doctrine. N. Y.: George H. Doran Co., 1919. P. 235.

См.: Ibid. P. 283.

См.: Ibid. Pp. 185-6.

См.: Ibid. Pp. 300-1.

Ibid. Pp. 186-7.

См.: *Moody, Jr., R. A.* Life After Life. Pp. 49-51.

Weldon J., Zola L. Is there life after death? Irvine, Calif.: Harvest House Publishers, 1977. P. 76.

Ibid. Pp. 64-70.

Osis K., Haraldsson E. At the Hour of Death. P. 200.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. P. 70.

Ibid. P. 15.

Ibid. P. 16.

Ibid. P. 17.

Weldon J., Levitt Z. Is there life after death? P. 116.

См.: *Malz B.* My Glimpse of Eternity. Waco, Texas: Chosen Books, 1977. Pp. 84-9.

Цит. по: *Myers J. Voices from the Edge of Eternity*. Old Tappan, N.J.: Spire Books, 1973. Pp. 228-31. Перепечатано из «Гайдпост мэгэзин» (“Guideposts Magazine”, 1963).

Ritchie G. G., Sherrill E. Return from Tomorrow. Old Tappan, NJ: F. H. Revell, 1978. Pp. 56-61.

Peale N. V. The Power of Positive Thinking. N. Y., 1953. P. 256.

См.: *Osis K., Haraldsson E.* At the Hour of Death. P. 163.

См.: *Wheeler D. R.* Journey to the Other Side. N. Y, 1977. Pp. 100-5.

См.: *Osis K., Haraldsson E.* At the Hour of Death. P. 177.

Ibid. P. 173.

Ibid. P. 179.

Ibid. P. 178.

Ibid. P. 182.

См.: *Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о чувственном и духовном видении духов // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 1-67.*

Подзаголовки добавлены переводчиком оригинала. — *Примеч. перев.*

Есть, безусловно, разница в тонкости [тел] между телом человека в раю до его грехопадения и его телом на небесах после воскресения. См.: *Симеон Новый Богослов. Слово 45, 5. — Примеч. ред. оригинала.*

И тем не менее в редких случаях, по особому Божию смотрению, святые Ангелы являются грешным людям и даже животным, как отмечает это ниже свт. Игнатий. — *Примеч. ред. оригинала.*

Этот образ оболыщения в настоящее время находится в особенной *моде* у бесов, по особенному расположению современных человекoв доверять ему. — *Примеч. свт. Игнатия.*

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о чувственном и духовном видении духов. С. 1-67.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о чувственном и духовном видении духов. С. 11-12.

Там же. С. 13.

См. также: Лк. 24, 16-31.

Выделено в английском оригинале. — *Примеч. ред.*

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о чувственном и духовном видении духов. С. 13-14.

То есть по медиумическим способностям, которые могут быть унаследованы. — *Примеч. ред. оригинала..*

Вставка в английском оригинале. — *Примеч. ред.*

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о чувственном и духовном видении духов. С. 19.

Там же. С. 21.

Там же. С. 23.

Там же. С. 24.

Там же. С. 43-44.

Там же. С. 45-46.

Там же. С. 47-48.

Там же. С. 53.

Там же. С. 67.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 132-133.

Там же. С. 134-135.

Там же. С. 136.

Макарий (Булгаков), митр. Православнодогматическое богословие. Т. 2. СПб., 1883. С. 538.

Св. Григорий Великий (Двоеслов). Диалоги. IV, 31.

Там же. IV, 37.

Там же. IV, 31.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти. С. 138.

Там же. С. 138-139.

Преп. Макарий Великий. Беседа 16, 13.

Преп. Исаия Отшельник (Скитский). Слово 5, 22.

Там же. Слово 17.

Преп. Исихий Иерусалимский. Слово о трезвении и молитве, 161.

Цит. по: *Свт. Игнатий Брянчанинов*. Прибавление к Слову о смерти // *Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова*. Т. 3. С. 278.

Цит. по: *Макарий (Булгаков), митр.* Православно-догматическое богословие. Т. 2. С. 538.

Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Т. 2. С. 535.

См.: *Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 151-158.*

См.: Eternal Mysteries Beyond the Grave. Jordanville, N.Y., 1968. P. 69-87.

Помещен в: *Свт. Дмитрий Ростовский. Жития святых* под 28 марта.

*St. Adamnan. Life of St. Columba // Tr. by Wentworth Huyshe, George
Routledge & Sons. Ltd., London, 1939. Part III. Ch. 13. P. 207.*

The letters of Saint Boniface. N. Y: Octagon Books, 1973. Pp. 25-7.

Orthodox Life. 1976. July-August. Pp. 41-7.

Преп. Иоанн Лествичник. Лествица, или Скрижали духовные.
Слово 7, 50.

Англ. general battle — букв. генерального сражения. — Примеч. перев.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 159.

Там же. С. 158-159.

Graham B. Angels: God's Secret Agents. N.Y.: Doubleday Books, 1975. Pp. 150-1.

Псалом сто восемнадцатый, истолкованный Епископом
Феофаном. М., 1891. С. 289-290.

Бардо — состояния-этапы. — *Примеч. ред.*

Автор пользуется изданием: The Tibetan Book of the Dead / Ed. by W. Y. Evans-Wentz. Oxford University Press, Paperback ed., 1960.

The Tibetan Book of the Dead. P. 2.

Ibid. P. 151.

Ibid. P. 31.

Ibid. P. 11.

Ibid. Pp. 98-100, 156-60.

Ibid. P. 89.

См.: *Swedenborg E.* Heaven and Hell. N. Y, 1976. Section 421. (Далее номера разделов будут даваться в тексте в скобках по наст. изд. — *Примеч. ред.*)

Иммануил Кант (1724-1804) считается родоначальником немецкой классической философии. — *Примеч. ред.*

Tafel R. L. Documents Concerning Swedenborg. Vol. 1. Pp. 35-6.
Описание того, как у Сведенборга открылись «духовные глаза», см. в:
Van Dusen, W. The Presence of Other Worlds (The Psychological-Spiritual
Findings of Emanuel Swedenborg). N. Y., 1973. P. 19-63.

Walker B. Beyond the Body: The Human Double and the Astral Planes.
London, 1974. Pp. 117-8.

Powell A. E. The Astral Body. Wheaton, Ill.: The Theosophical Publishing House, 1972. P. 123.

Ibid. P. 94.

См.: *Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 75.*

Свт. Дмитрий Ростовский. Жития святых под 2 октября.

См.: *Green G.* Out-of-the-Body Experiences. N. Y: Ballentine Books, 1975.

Crookall R. "Out-of-the-Body Experiences". Secaucus, N.J.: The Citadel Press, 1970. Pp. 1-13.

См.: *Moody, Jr., R. A.* Life After Life. Pp. 23-4.

Crookall R. «Out-of-the-Body Experiences». Pp. 14-5.

Ibid. P. 117.

Ibid. P. 137.

Ibid. P. 87.

См.: *Jung C. G.* The Interpretation of Nature and the Psyche. London: Routledge and Kegan Paul, 1955. P. 128.

См.: *Moody, Jr., R. A.* Life After Life. Pp. 54-7.

См.: *Monroe R. A. Journeys out of the Body*. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1971; reprint, N.Y.: Anchor Books, 1977.

Ibid. P. 52.

Ibid. P. 81.

Ibid. P. 82.

Ibid. P. 89.

Ibid. Pp. 137-40.

Ibid. P. 119.

Ibid. P. 145.

Ibid. Pp. 131-2.

Ibid. P. 116.

Ibid. P. 73.

Ibid. Pp. 120-1.

Ibid. Pp. 123-5.

Ibid. Pp. 122-3.

Ibid. Pp. 260-1.

Последний случай весьма схож с впечатлениями, которые люди испытывают при близком общении с «неопознанными летающими объектами» (НЛО). Оккультный опыт встречи в воздухе с падшими духами всегда один и тот же, даже если проявляется в разных образах и символах, в зависимости от человеческих ожиданий. Что касается обсуждения оккультной стороны встреч с НЛО см.: *Orthodoxy and the Religion of the Future*. St. Herman Monastery Press, 1979. Ch. VI. — *Примеч. автора.*

Monroe R. A. Journeys out of the Body. P. 262.

Наблюдения Монро и других экспериментаторов в этой области свидетельствуют о том, что «внетелесные» опыты неизменно сопровождаются высокой степенью полового возбуждения; это только подтверждает тот факт, что приводится в действие низменная часть человеческого естества и опыты не содержат в себе ничего духовного.

— *Примеч. авт.*

См.: *Grof S., Halifax J.* The Human Encounter with Death. N. Y.: E. P. Dutton, 1977.

См.: *Eliade M.* Shamanism. London: Routledge and Kegan Paul, 1961.

The Orthodox World. 1976. No 70. Pp. 136-8.

См.: *Swedenborg E.* Heaven and hell. Pp. 440-2.

Апулей. Метаморфозы. М., 1959. С. 311. Прозерпина, или Персефона, — в греческой и римской мифологии супруга Аида, царя подземного царства.

См.: *Spregett A.* The Case for Immortality. N. Y., 1974. P. 73.

Winter D. Hereafter: What Happens after Death? Wheaton, Ill., 1977.
P. 90.

См.: *Moody, Jr., R. A.* Reflections on Life After Life. Pp. 9-14.

Letters of St. Boniface. P. 25.

Св. Григорий Великий (Двоеслов). Диалоги. IV, 27.

Hynek J. A., Vallee J. The Edge of Reality. Chicago: Henry Regnery Co., 1975. P. 107.

Ibid. Pp. 91-2.

Spraggertt A. The Case for Immortality. N.Y.: New American Library, 1974. Pp. 137-8.

Smith S. Life is Forever. N.Y.: G. P. Putnam's Sons, 1974. P. 171.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Прибавление к Слову о смерти //
Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 312.

Там же. С. 309, 308. (Выделения в цитате — о. Серафима (Роуза).
— *Примеч. ред.*)

Преп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. II,
3.

См.: Житие св. Патрикия Прусского // *Свт. Дмитрий Ростовский. Жития святых на 19 мая; Св. Григорий Великий (Двоеслов). Собеседования. IV, 36 и 44; Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 98.*

См.: *Св. Григорий Великий (Двоеслов)*. Диалоги. II, 35.

Цит. по: *Отец Владимир (Зноске)*. Жизнь блаженного старца иеромонаха Феофила. Киев, 1906.

Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Послание к Римлянам. 31, 3-4.

Свт. Дмитрий Ростовский. Жития святых на 17 января.

Свт. Дмитрий Ростовский. Жития святых на 5 апреля.

Свт. Дмитрий Ростовский. Жития святых на 3 мая.

Букв.: на высочайшую вершину небес (*to the highest peak of heaven*). — Примеч. перев.

Св. Григорий Турский. История франков. VII, 1.

The letters of Saint Boniface. Pp. 28-9.

Свт. Дмитрий Ростовский. Жития святых на 2 октября.

Из рукописного жития старца Феодора в кн.: Жизнеописание
Оптинского старца иеромонаха Леонида. М., 1876.

Orthodox Life. 1976. July-August. Pp. 48-9.

Свт. Иоанн Златоуст. Беседы к Антиохийскому народу. Беседа вторая, 4. Цит. по: Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Т. 2. С. 536.

Св. Григорий Великий (Двоеслов). Диалоги. IV, 37.

Там же.

Беда Достопочтенный. История Английской Церкви и народа. V,
12.

Свт. Дмитрий Ростовский. Жития святых на 28 марта.

The Letters of St. Boniface. P. 28.

Лимба — преддверие ада для душ некрещенных младенцев и дохристианских праведников. — *Примеч. перев.*

Rawlings M. S. Beyond Death's Door. Nashville, TN: Thomas Nelson, 1978. Pp. 24-5.

Ibid. P. 65.

Rawlings M.S. Beyond Death's Door. Pp. 63-4.

Ibid. Pp. 103-10.

См.: *Moody, Jr., R. A.* Life After Life. Pp. 70, 98.

Ibid. Pp. 7-8.

См.: *Holzer H.* Beyond This Life. Los Angeles: Pinnacle Books, 1977.

См.: *Kübler-Ross E. On death and dying*. N. Y, 1969.

Цит. по: *Pearre J.* Ghost Story: How a long dead patient talked doctor into continuing work with the dying // San Francisco Sunday Examiner & Chronicle. 1976. November. No 14.

Из репортажа Гейи Лафингберд, опубликованного в: Berkeley Monthly. 1978. June. P. 39.

Kronish L. Elisabeth Kübler-Ross: Messenger of Love // Yoga Journal.
1976. September/ October. Pp. 18-20.

См.: The San Diego Union. 1979. September. No 2. Pp. A-1, 3, 6, 14.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. P. 68.

Kemf E. E. Kübler-Ross: "There Is No Death" // East West journal.
1978. March. P. 52.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. P. 70.

Kemf E. E. Kübler-Ross: "There Is No Death". P. 52.

Цит. по: Ibid. P. 50.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. P. 70.

Wheeler D. R. Journey to the Other Side. P. 92.

Moody, Jr., R. A. Life After Life. P. 69.

Анализ «харизматического» движения как медиумического феномена можно прочесть в книге о. Серафима (Роуза) «Православие и религия будущего» (гл. 7). — *Примеч. перев.*

Psychics / By the Editors of "Psychic Magazine". N. Y.: Harper & Row, 1972. P. 23.

Св. Григорий Великий. Диалоги. IV, 43.

Ford A. The Life Beyond Death. N. Y, 1971. P. 153.

Ibid. P. 153. Цит. по: *Trobridge G. Swedenborg: Life and Teaching.* Swedenborg Foundation, N.Y., 1968. Pp. 175, 276.

Патерик Скитский. Приводится по: *Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 107.*

Там же. С. 109-110.

Блж. Феофилакт Болгарский. Толкование на Евангелие от Матфея
22, 14.

Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Т. 2. С. 524.

Авва Дорофей. Душеполезные поучения. Поучение 12 «О страхе будущего мучения...».

Духовные поучения преп. Серафима Саровского. St. Herman Monastery Press, 1978. P. 69.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 129. Житие его см. в Киево-Печерском патерике; память преп. Афанасия, затворника Печерского, празднуется 2 декабря.

Беда Достопочтенный. История Английской Церкви и народа. V,
12.

Преп. Иоанн Лествичник. Лествица, или Скрижали духовные.
Слово 6, 4, 24.

Препп. Варсонофий Великий и Иоанн Пророк. Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. Ответ 799.

Патерик Скитский. Приведено по: *Свт. Игнатий Брянчанинов.*
Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С.
108.

Св. Амвросий Медиоланский. О благе смерти. 8, 32.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 181-183.

Текст проповеди дается по кн.: Святитель Русского Зарубежья Вселенский Чудотворец Иоанн. М.: Православный Паломник, 1998. — *Примеч. перев.*

Душеполезное чтение. 1894. Август.

Св. Амвросий Медиоланский. Смерть как благо. 4, 15.

Авва Дорофей. Душеполезные поучения. Поучение 12 «О страхе будущего мучения...».

Преп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания / Пер. с лат. еп. Петра.
Первая беседа, 14. М., 1892. С. 178-179.

Слово св. Макария Александрийского о исходе душ праведных и грешных // Христианское чтение. 1831. Август.

Последование погребения мирских человек, стихира самогласна,
глас 2.

Душеполезное чтение. 1894. Август.

Такие случаи см. в: *Eternal Mysteries Beyond the Grave*. Pp. 189-96. Подлинные явления умерших, после первого краткого периода «свободы» души, происходят значительно реже, и на то всегда есть особое Божие повеление, а не чья-то частная воля.

Это наглядно изображено на традиционной православной иконе Успения.

Свт. Дмитрий Ростовский. Жития святых на 1 февраля.

Ее полное жизнеописание можно прочитать в кн.: *Сщмч. Серафим (Чичагов)*. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Братство преп. Германа, 1978. С. 530.

Душеполезное чтение. 1902. Июнь. С. 281.

Известный старец Голосеевской пустыни Киево-Печерской лавры
Алексий, почивший в 1916 г. — *Примеч. авт.*

Эти имена до сего видения не были известны. Спустя несколько лет после канонизации св. Феодосия в монастыре, где он некогда был игуменом, был найден помянник, подтвердивший как эти имена, так и истинность видения. См. жизнеописание старца Алексия в: Православный Благовестник. Сан-Франциско, 1967. № 1. — *Примеч. авт.*

Св. Григорий Великий (Двоеслов). Диалоги. IV, 57, 60.

См. там же. IV, 57, 59.

Преп. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. IV,
27.

См.: *Ware T.* The Orthodox Church. Penguin Books, Ltd. Harmondsworth, Middlesex, 1963. P. 259.

В наст. изд. тексты св. Марка Ефесского приводятся по: *Амвросий (Погодин), архим.* Святой Марк Ефесский и Флорентийская уния. М., 1994. — *Примеч. перев.*

В «Алфавитном сборнике» изречений отцов-пустынников, в главе «Макарий Великий», мы читаем:

«Авва Макарий сказал:

— Однажды, ходя по пустыне, я нашел лежавший на земле череп умершего человека. Когда я подвигал его своей палкой, череп начал со мной говорить. Я спросил его: “Кто ты?” Череп ответил: “Я был верховным жрецом идолопоклонников, живших в этом месте, а ты — авва Макарий, Духоносец. Всякий раз, когда ты проникаешься жалостью к содержимым в муках и молишься о них, они получают утешение на короткое время”.

Далее череп рассказал авве Макарию о муках ада, в заключение отметив: “Мы приемлем некое милосердие, так как не ведали Бога, но те, кто знал Бога и отрекся от Него, находятся внизу, под нами”» (The Sayings of the Desert Fathers / Tr. by Benedicta Ward. London: A. R. Mowbray & Co., 1975. Pp. 115-6). (См. также: *Свт. Игнатий Брянчанинов*. Отчник. М., 2010. С. 418. — *Примеч. ред.*)

Третья коленопреклоненная молитва на вечерне.

См.: *Дионисий Великий*. Церковная иерархия. VII, 7.

Октоих, субботний канон усопших, гл. 8, песнь 6. «Слава».

Триодъ Постная. Суббота мясопустная. Канон, песнь 1.

Этот последний случай содержится в ряде ранних житий св. Григория, как, например, в английском житии VIII в.: «Некоторые из нашего народа рассказывают также переданную римлянами историю о том, как душа императора Траяна была очищена и даже крещена слезами св. Григория, историю, удивительную для языка и слуха. Пусть никто не изумляется от наших слов о том, что он был крещен, ведь без крещения никто не узрит Бога; а третий вид крещения — это крещение слезами. Однажды, пересекая Форум, величественное сооружение, воздвигнутое, как говорили, трудами Траяна, он после тщательного его изучения обнаружил, что Траян, хотя и язычник, совершил дело такого милосердия, которое, как казалось, более приличествовало христианину, а не язычнику. Ибо повествовалось, что когда он во главе армии поспешно выступал против врага, то проникся жалостью к словам одной вдовицы; и вот император всего мира остановился [перед ней]. Она промолвила: “Господин Траян, вот люди, убившие моего сына, которые не хотят заплатить мне возмещение”. Он ответил: “Напомни мне об этом, когда я буду возвращаться, и я заставлю их возместить тебе это”. Но она в ответ произнесла: “Господин, но если ты никогда не вернешься, то не будет никого, кто мне поможет”. Тогда, не снимая доспехов, он заставил обвиняемых тотчас же, в его присутствии, выплатить ей ту компенсацию, которую они были должны. Обнаружив это повествование, св. Григорий признал, что сие совершилось именно так, как мы читаем в Писаниях: *Защитайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите — и рассудим, говорит Господь* (Ис. 1, 17-18). Поскольку св. Григорий не знал, что бы сделать в утешение души этого человека, приведшего ему на ум слова Христа, то отправился в храм св. Петра и проливал по обыкновению потоки слез, пока, наконец, не получил в Божественном откровении уверение в том, что его молитвы были услышаны, ибо он никогда не осмеливался просить об этом для какого-либо другого язычника» (The Earliest Life of Gregory the Great, by an Anonymous Monk of Whitby / Tr. by B. Colgrave. Kansas, 1968. Ch. 29. Pp. 127-9). Так как Церковь не возносит общественных молитв за усопших

неверующих, ясно, что это освобождение из ада явилось плодом частной молитвы св. Григория. Хотя это и редкий случай, однако он вселяет надежду в тех, чьи близкие умерли вне веры.

[В главе III наглядно свидетельствуется, что Церковь молится также и о тех, кто уже наслаждается блаженством с Богом, — которые, разумеется, не имеют нужды проходить через «очистительный огонь».]

В житии св. Прокла (память 20 ноября) указывается, что, когда св. Златоуст работал над своими изъяснениями на Послания св. Павла, св. Прокл видел, что св. Павел склонился над св. Златоустом и шептал ему на ухо.

Свт. Василий Великий. Беседа на псалом 28.

В главах с 7-й по 12-ю св. Марк отвечает на возражения, возникшие в результате цитирования трудов блж. Августина, св. Амвросия, св. Григория Двоеслова, св. Василия Великого и других отцов, показывая, что они были неверно поняты или, вероятно, неправильно процитированы и что эти отцы на самом деле возвещают православное учение, а если нет, то их учение принимать нельзя. Далее он указывает, что св. Григорий Нисский вообще не учит о «чистилище», но придерживается гораздо худшего заблуждения Оригена: о том, что будет конец вечному адскому пламени, — хотя возможно, что идеи были внесены в его сочинения оригенистами.

Свт. Иоанн Златоуст. Беседы на Второе послание к
Коринфянам. Беседа 26, 1.

Епископ Феофан. Толкование на Второе послание св. апостола Павла к Коринфянам. М., 1894. С. 401-403.

Тропарь часов Святой Пасхи, читаемый священником в алтаре после Херувимской песни на Божественной Литургии.

Тропарь на праздник Усекновения его главы.

Сравнение мытарств с «чистилищем», конечно же, натянуто. Мытарства являются частью православного аскетического учения и относятся лишь к «испытанию» человека на предмет соделанных им грехов: они не дают никакой «сатисфакции» Богу, и их цель, безусловно, состоит не в «мучении». С другой стороны, «чистилище» — это ложная, законническая, латинская интерпретация совсем иного аспекта православной эсхатологии — состояния душ в аду (после испытаний на мытарствах), которое может быть улучшено по молитвам Церкви. Латинские же источники сами по себе не дают никакого указания на то, что бесы вообще так или иначе причастны к страданиям душ в «чистилище».

Все цитаты в наст. изд. даются по русским источникам. —
Примеч. перев.

См.: *Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 140-141.*

См.: *Преп. Варсонофий Великий и Иоанн Пророк. Руководство к духовной жизни в ответах на вопросы учеников. Ответ 245.*

См.: *Свт. Игнатий Брянчанинов*. Прибавление к Слову о смерти // Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова. Т. 3. С. 145.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти. С. 146.

301

Там же. С. 147.

Пролог на 27 октября // Там же. С. 148-149.

Пролог на 19 октября // Там же. С. 143.

Преп. Иоанн Дамаскин. Творения. Киево-Печерская лавра, 1905.
С. 68.

Свт. Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти. С. 149.

Savva, bishop of Edmonton. Blessed John: the Chronicle of the veneration of Archbishop John Maximovich. Platina, Calif.: Saint Herman of Alaska Brotherhood, 1979. P. 22.

Годы жизни протопресвитера Михаила Помазанского: 1888-1987.
— *Примеч. ред.*

См.: Православная Русь. 1979. № 7.

То есть учение, принятое Церковью. — *Примеч. ред.*

Само учение исихазма (внутреннего безмолвия), в котором нет ничего худого, неразрывно связано с невидимой бранью, к которой призваны все верующие. По всей видимости, о. Серафим говорит здесь об «исихазме» в его извращенном современном понимании (действительно широко распространенном на Западе), когда даже в покаянных молитвах люди ищут сердечных услад и считают такие состояния благодатными. Высоты же подлинного исихазма простираются к вершине любви, изгоняющей страх (ср. 1 Ин. 4, 18). Однако даже в древние времена было очень немного подвижников, достигших таких ступеней совершенства, и потому для православных христиан нашего времени намного безопаснее взирать не на эти высоты, а внутрь своего сердца, где собираются разного рода помыслы, мешающие чистоте, и с помощью молитвы стараться от этих помыслов понемногу освобождаться. — *Примеч. перев.*

Включено во второе (посмертное) издание книги на английском языке.